

III.

Разсмoтpѣнная нами богословско-полемическая дѣятельность Виссаріона относилась къ первымъ десяти годамъ его пребыванія въ Италіи и составляла главное содержаніе его жизни въ названную пору ¹⁾). Но эта дѣятельность даже и въ то время не поглощала всего вниманія Виссаріона. И это не потому только, что онъ имѣлъ прямыя обязанности по должности кардинала, но и потому, что уже въ этотъ періодъ его жизни въ немъ пробудились и развились тѣ интересы, которые скоро сдѣлали его домъ однимъ изъ главнѣйшихъ центровъ гуманистическаго движенія въ Италіи ²⁾).

Возрожденіе классической древности въ Италіи, условленное главнымъ образомъ свободою тамъ индивидуальной и общественной мысли, вліяніемъ традиціи и языка, началось еще въ XIV столѣтіи, въ вѣкъ Петрарки и Боккачіо. Но то были

πρακτικῶν τῆς συνόδου ἐπιμελῶς ἐντροφῆσαντες, καὶ ἄλλους τῶν διδασκάλων μετιόντες τὰ αὐτὰ συμπαιδοῦντας αὐτῇ, τῇ ἀληθείᾳ ὑπεχωρήσαντες. Подъ этими ἄλλοι τῶν διδασκάλων мы вправѣ, кажется, разумѣть прежде всего Виссаріона, посланіе котораго къ Ласкарису, имѣвшее впрочемъ болѣе широкое назначеніе (Migne, tom. CLXI, col. 324. A—C), дѣйствительно въ значительной степени дополняетъ такъ называемые акты флорентійскаго собора. Кстати упомянемъ здѣсь, что при опредѣленіи времени составленія Іосифомъ названнаго «диалога» (Διάλεξις) можетъ имѣть значеніе col. 1017. D въ CLIX томѣ греческой патрологіи Миня. Укажемъ къ слову еще на col. 1365 — 1368 и 1372. Въ томъ же томѣ, какъ служащія къ опредѣленію автора «Защиты пяти главъ» и къ опроверженію мѣтніи о принадлежности этого сочиненія Схолярію. Сравн. col. 1107—1108 въ упомянутомъ CLIX томѣ и col. 288. A въ CLX томѣ, гдѣ доказывается принадлежность названнаго сочиненія Іосифу Меонскому.

¹⁾ Однако уже и въ это время Виссаріонъ, кромя церковныхъ, занимался также и классическими писателями. См. напримѣръ ниже объ его замѣткѣ по поводу одного сочиненія Θεοφραστα.

²⁾ Vast (165) говоритъ, что Виссаріонъ, съ начала (dès le commencement) своего пребыванія въ Римѣ сдѣлался главою всей этой блестящей плеяды греческихъ и латинскихъ ученыхъ. Изъ нижеслѣдующаго изложенія само собою ясно будетъ, что эта мысль Васта есть необдуманное преувеличеніе.

лишь зачатки гуманизма, и тогдашнее литературное движение было лишь слабой тѣнью того движенья, которое наблюдаемъ мы въ XV вѣкѣ. Ни по числу лицъ, занимавшихся въ XIV вѣкѣ изученіемъ классической латинской древности, ни по количеству извѣстныхъ тогда произведеній латинскихъ авторовъ, ни по роду и характеру задачъ, поставлявшихся при изслѣдованіи древности, ни—наконецъ—по степени интереса къ ней въ тогдашнемъ образованномъ обществѣ,—XIV вѣкъ не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ XV вѣкомъ. Что же касается греческой литературы, то ея изученіе въ XIV столѣтіи было только въ зародышѣ. Весьма рельефнымъ подтвержденіемъ этого можетъ служить тотъ фактъ, что, по словамъ Петрарки, около 1360 года въ Италиіи было очень немногихъ почитателей греческихъ поэтовъ: трое, много пятеро, во Флоренціи, двое—въ Веронѣ, одинъ—въ Болоньѣ, „можетъ быть“ одинъ въ Мантуѣ, а въ Римѣ ни одного. Къ числу этихъ почитателей—не забудемъ—онъ относитъ и такихъ, которые знали греческій языкъ такъ же, какъ зналъ онъ самъ, т. е. могли читать Гомера съ помощію латинскаго перевода. Подъемъ изученія на западѣ греческихъ литературныхъ памятниковъ начался позднѣе, и именно подъ влияніемъ и вслѣдствіе, съ одной стороны, путешествій итальянскихъ ученыхъ въ Грецію (Гуарино, Авриспа, Филельфо) и вывезенныхъ ими изъ Греціи литературныхъ сокровищъ, съ другой—вслѣдствіе переселенія въ Италію многихъ ученыхъ грековъ, длинный рядъ которыхъ отрываетъ Мануиль Хрисолора. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, интересъ въ греческой литературѣ къ половинѣ XV столѣтія настолько возросъ, что изученіе ея отнынѣ шло уже почти параллельно съ изученіемъ латинской. Къ тому же времени вполне выяснились и отчасти нашли свое разрѣшеніе всѣ тѣ сложные вопросы, связанные съ изученіемъ латинской классической старины, которые волновали гуманистовъ XV-го вѣка.

Виссаріонъ явился въ Италію въ то время, когда тамъ уже началась въ высшей степени живая умственная и литературная жизнь. Еще изъ школы Плиэона вынесшій симпатіи къ древнему міру, доселѣ сохранившій свѣжесть и воспримчивость молодого ума, Виссаріонъ почти сразу же былъ захваченъ потокомъ этой жизни и невольно отдался ей, пока съ те-

ченіемъ времени самъ не сдѣлался однимъ изъ направителей теченій этой жизни ¹⁾).

По приѣздѣ въ Италію Виссаріонъ прежде всего естественно озаботился изученіемъ латинскаго и итальянскаго языковъ. Для этой цѣли, быть можетъ еще въ концѣ 1440 года, онъ отправился въ Падую, гдѣ и изучалъ оба названные языка подъ руководствомъ одного изъ мѣстныхъ канониковъ ²⁾. Скоро уже ³⁾ сталъ онъ настолько понимать латинскую рѣчь, что могъ посѣщать лекціи профессоровъ тамошняго университета, толковавшихъ Аристотеля. Эти лекціи, кромѣ практики въ латинскомъ языкѣ, были полезны для Виссаріона, между прочимъ, потому, что въ нихъ предлагалось толкованіе Аристотеля примѣнительно къ христіанству ⁴⁾. Пребываніе въ Падуѣ было

¹⁾ Вотъ что, по словамъ N. C. Paradoroli (Hist. Gymn. Patav., II, 174—175), писалъ Виссаріонъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Филиперопиу: εἰσὶ δὲ παρ' αὐτοῖς (т. е. итальянцевъ) Ακαδημία πολυτελεῖς καὶ μαθημάτων παντοίων ἐξάστια φροντιστήρια, ἐν οἷς οἱ καθ' ἡμᾶς, εἴπερ ἂν βούλοιντο, τὰ τῶν λατίνων μαθεῖν, καίτε τῆς αὐτῶν γλώσσης μετασχεῖν, οὐ μὴν αὐτοὶ πρὸς τὸ κορυφαῖον τῆς τε φιλοσοφίας, καὶ φιλολογίας ἀνήψουσιν, ἀλλὰ καὶ τοῖς τοῖς λατινοῖς ἔσονται πρὸς τὰ τοιαῦτα ὁδηγοὶ πανοπέριτοι. Καὶ δὴ ὅτε Χρυσολωρᾶς καὶ Γαζής, καὶ ὁ δριμύς Τραπεζούντιος, ἐν Παταβίῳ διατριφάντες ἀρχατῶς, οἱ σοφοὶ ἀπλῶς ἐν Ἰταλίᾳ νομίζονται τε, καὶ λέγονται. Πρὸς ὧν τὸ παράδειγμα ἡμεῖς παλινοσχέσαντες ἐν Βενετίας, κατὰ τὸ δυνατόν, ἐπεμελήθημεν, τοὺς ἀνερχομένους εἰς ἡμᾶς ἐκ τῆς ἑλλάδος ἄνδρας σοφοὺς τε καὶ ἐπιστήμονας εἰς Πατάβιον διὰ τὸ πλησίον μεταπέμψαι, ἵνα τοῖς ἡμῶν ἀναλώμασι τὰ τῶν λατίνων μεμαθηκότας, οὐ μὴν τῶν ἐν ἡμῖν, ἀλλὰ καὶ τῶν λατίνων διδάσκαλοι γένωνται τὸ καθ' ἑξῆς.

²⁾ У Paradoroli (р. 172) читаемъ: Habitasse eum (т. е. въ Падуѣ) ad S. Sophiam, refert Tomasinus (in Chronotaxi Gymn. Patav. et in Append. Annal. lib. 2), cum tradit, magistro latinae et italicæ linguæ usum pro se ac familiaribus suis Ioanne quodam Sclenia Cretensi qui coetui se Canonicorum S. Georgii in Alga iam pridem addixerat inter primos Ordinis Patres. Слово familiares поясняется предшествующимъ замѣчаніемъ автора, что Виссаріонъ Patavium venit cum Græcis aliquot eruditissimis. При Виссаріонѣ находился въ Падуѣ и Николо Перотто. Послѣдній, говоритъ Пападополи (р. 176), in aulam Iuliani Cardinalis Caesarini receptus, cum eo fuit Florentiæ cum ibi Synodus habebatur, placuitque eius ingenium Bessarioni usque adeo, ut illum a Caesario Cardinali obtinuerit, ut sibi ad purpuram evecto inter aulae præcipuos a latinis libellis esset. Eum idem Bessario secum deduxit Patavium, atque hic reliquit instituendum triennio gravioribus disciplinis. Говоря это, Пападополи ссылается на 2-е письмо Виссаріона къ сыновьямъ Плиеона.

³⁾ Эти быстрые успѣхи, можетъ быть, объясняются тѣмъ, что еще во время собора Виссаріонъ нѣсколько изучалъ латинскій языкъ, частію теоретически, частію практически въ бесѣдахъ съ латинянами.

⁴⁾ Affirmat (Bessarion) sibi ac suis admodum profuisse, quæ his (professoribus publicis) docentibus didicit: quod intacto Platone, Aristotelem apposite

важно для Виссаріона еще въ другомъ отношеніи. Онъ оказывалъ здѣсь широкое гостепріимство людямъ ученымъ, особенно профессорамъ университета, и такимъ образомъ могъ, съ одной стороны, развить еще прежде отличавшую его склонность къ бесѣдамъ и общенію съ людьми учеными, съ другой — завязать нѣсколько полезныхъ для него ученыхъ связей ¹⁾.

Виссаріонъ могъ оставить Падую уже настолько освоившимся съ латинскою рѣчью, чтобы быть въ состояніи вести бесѣду на латинскомъ языкѣ ²⁾. Поэтому мы едва-ли ошибемся, если предположимъ, что вскорѣ же по возвращеніи въ Римъ Виссаріонъ сталъ устраивать у себя тѣ собранія ученыхъ грековъ и латинянъ, въ томъ числѣ и членовъ курии, о которыхъ говоритъ Платина въ слѣдующихъ словахъ: „его домъ, въ которомъ царили благочестіе, радушіе и ласковость, — домъ, наполненный талантливыми людьми изъ грековъ и латинянъ, часто посѣщали тогда также и ученнѣйшіе во всей курии мужи“ ³⁾. Само собою понятно, что эти собранія на первыхъ порахъ не могли быть многочисленны, и самая роль на нихъ Виссаріона не была еще похожа на ту, которую въ подобныхъ собраніяхъ онъ игралъ впослѣдствіи. Виссаріонъ не могъ пока занимать выдающагося положенія даже и въ обществѣ тѣхъ немногихъ сравнительно лицъ, которыя въ эту пору собирались у него,

ad orthodoxam Ecclesiae sententiam interpretarentur. Narrat haec ipse Philantropino scribens. Пападополи, у котораго мы беремъ это, цитуетъ «Второе письмо къ Фиданероплану», известное намъ лишь по немногимъ выдержкамъ изъ него, которые сдѣлалъ Пападополи.

¹⁾ Patebat hic hospitium Bessarionis viris sapientibus, ac praesertim Professoribus publicis, quos ubi brevi latine satis intelligere didicit, ipse cum hospitibus suis frequens audiebat (Ibid.).

²⁾ Платина (Migne, t. CLXI, col. CVII) говоритъ: accepto autem de more galero, insigne cardinalatus, ita brevi homo ingeniosus et acutus latinorum mores et litteraturam imbibit, ut ex nostratibus unus et non alibi natus videretur (cf. col. CVIII). Николай Капраника также свидѣтельствуетъ о быстромъ изученіи Виссаріономъ латинскаго языка: homo in Graecia natus et ad grandem usque aetatem in monasteriis graecis educatus versatusque, repente latinus prodiit (Vast, 155). О быстротѣ успѣховъ Виссаріона въ изученіи латинскаго языка говорятъ и *cardinalis Rapiensis*.

³⁾ Migne, t. CLXI, col. CVII: frequentabant tunc quoque ejus domum plenam religione, comitate et gratia, plenam ingeniis tum graecis, tum latinis, viri ex tota curia doctissimi. Изъ контекста этого мѣста можно, кажется, видѣть, что Платина имѣетъ здѣсь въ виду и первые годы пребыванія Виссаріона въ Римѣ.

уже по тому одному, что сравнительно съ ними онъ былъ новичекъ въ знаніи латинской литературы и языка ¹⁾. Бесѣды съ собиравшимися у Виссаріона гуманистами были важны для него особенно въ двухъ отношеніяхъ: онъ расширяли его знанія въ латинскомъ языкѣ ²⁾ и затѣмъ вводили его во всѣ тѣ сложные вопросы, которые интересовали тогдашнихъ гуманистовъ,—вводили въ кругъ идей этихъ гуманистовъ.

При такихъ условіяхъ нисколько не удивительно, что Виссаріонъ скоро развилъ и самъ весьма широкую гуманистическую дѣятельность. Разсмотрѣніе этой дѣятельности и составить предметъ нашего дальнѣйшаго изслѣдованія. Но такъ какъ эта дѣятельность, по характеру относящихся къ ней данныхъ, нерѣдко не имѣющихъ даже датъ, въ большинствѣ случаевъ не допускаетъ хронологически-последовательнаго ея описанія, то мы оказываемся вынужденными разсматривать ее по иному плану, располагая относящійся сюда матеріалъ по группамъ.

Прежде чѣмъ разсматривать разныя стороны дѣятельности Виссаріона, какъ гуманиста, необходимо предварительно по-

¹⁾ Платина, правда, говоритъ (col. CVII—CVIII): *hos vel inter se disserentes, vel aliquid quod ad cognitionem linguae pertineret, laudantes (ut fit) refellentesve, ita attente audiebat ut ex abundantia ingenii animique perspicacia disceptantium arbiter propemodum fieret.* Однако, чтобы признать въ этихъ словахъ лишь преувеличеніе панегириста, достаточно принять въ соображеніе одно то, что для рѣшенія вопросовъ объ языкѣ одного обширнаго и проницательнаго ума мало; для этого нужны еще широкія свѣдѣнія, которыхъ Виссаріонъ къ эту пору еще не имѣлъ времени приобрести. Впрочемъ, весьма возможно, что Платина въ данномъ случаѣ не соблюдаетъ строгой хронологической точности и не различаетъ послѣдующаго отъ предыдущаго.

²⁾ Это указываютъ и Платина (col. CVIII). Другамъ, также цѣлесообразнымъ, средствомъ для усовершенствованія въ латинскомъ языкѣ служили для Виссаріона переводы съ греческаго на латинскій, какъ напримѣръ переводъ бесѣды Василія Великаго на день Рождества Христова, сдѣланный имъ, по всей вѣроятности, около разсматриваемаго времени и предпринятый, какъ онъ самъ говоритъ въ письмѣ къ Томѣ Сарсано (впослѣдствіи папа Николай V), «in primordio studiorum meorum latinis in litteris, exercendi ingenii mei causa». Это письмо, служащее предисловіемъ къ самому переводу, напечатано Вастомъ въ «*serpentes*», pag. 452—453. Изъ начала письма: «*Vissarion cardinalis XII Apostolorum Thomae de Serezana sacrae paginae magistro bene merito salutem*»—видно, что самое письмо написано раньше 1445 года, когда Тома былъ сдѣланъ епископомъ (cf. Milman, *History of Latin Christianity*, 1864, vol. VIII, pag. 450); изъ дальнѣйшихъ же словъ письма видно, что самъ переводъ бесѣды Василія Великаго былъ сдѣланъ задолго раньше того: (Basilii) sermonem a me in primordio studiorum meorum latinis in litteris... e graeco translatus, ut tunc illa minima in his litteris suppeditabat scientia.

знакомиться, по крайней мѣрѣ, съ наиболее выдающимися изъ первыхъ ученыхъ друзей Виссаріона и съ ихъ интересами и стремленіями, такъ какъ здѣсь заключается влючь къ пониманію очень многого, если не всего, и въ гуманистической дѣятельности Виссаріона. При этомъ сами собою намѣтятся и тѣ стороны въ дѣятельности Виссаріона, которыя подлежатъ нашему разсмотрѣнію.

Дѣятельность гуманистовъ главнѣйшимъ образомъ обращена была на слѣдующіе предметы: отыскиванье считавшихся утраченными произведеній классическихъ авторовъ, распространеніе вновь открытыхъ и прежде извѣстныхъ классическихъ сочиненій, изученіе древности въ языкѣ и бытѣ и распространеніе, въ общее свѣдѣніе, тѣми или другими способами, результатовъ этого изученія. Изъ ученыхъ друзей Виссаріона лишь немногіе болѣе или менѣе специализировали свои занятія ¹⁾; большинство занималось всѣмъ по-немножку: и исправленіемъ текста классическихъ авторовъ, и грамматическими вопросами, и изслѣдованіемъ древней жизни, и многимъ другимъ, смотря по обстоятельствамъ и личному желанію. Но всѣ они имѣли одну общую черту: всѣ они съ величайшимъ интересомъ слѣдили за тѣмъ, что совершалось въ ученой области. Это была въ высшей степени живая и отзывчивая на всѣ ученые интересы среда, въ которую попалъ Виссаріонъ. Еще важнѣе то, что многіе изъ друзей и знакомыхъ Виссаріона были изъ числа самыхъ видныхъ дѣятелей возрожденія. Остановимся хотя на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Прежде всего остановимся на лицѣ, оказавшемъ особенныя услуги гуманизму и классической филологіи своими открытіями нѣкоторыхъ произведеній латинскихъ классиковъ, которыя въ ту пору считались утраченными и которыя безъ него, быть можетъ, были бы навсегда потеряны. Это былъ Поджіо, папскій секретарь (а *scribendis epistolis*) при Евгеніи IV и Николаѣ V. Кромѣ того, что онъ принималъ въ высшей степени

¹⁾ Въ ту пору увлеченія древностью, а не спокойнаго ея изслѣдованія, специализація труда была дѣломъ почти невозможнымъ. Гуманистъ разсматриваемой поры въ выборѣ предмета для занятій руководился исключительно любовательностью; а эта любовательность почти въ равной степени направлялась на всѣ проявленія древней жизни. Гуманистъ хотѣлъ знать все и, подчиняясь этому желанію, занимался всѣмъ.

живое участіе въ открытіяхъ другихъ лицъ, заботился о томъ, чтобы вновь открытое не погибло какъ нибудь и т. п. ¹⁾, а также давалъ другимъ инструкціи относительно розыска тѣхъ или другихъ сочиненій ²⁾,—онъ и самъ сдѣлалъ весьма существенныя открытія въ этой области. Эти открытія относятся ко времени констанцскаго собора, на который Поджіо былъ посланъ въ качествѣ папскаго секретаря. Но гуманистъ совсѣмъ и не думалъ о своей официальной церковной миссіи и даже подсмѣивался надъ прелатами и докторами, пускавшими въ длинныя разсужденія о схизмѣ и гусситахъ. Онъ предпочиталъ, да и друзья совѣтовали ³⁾ воспользоваться этимъ временемъ для осмотра находившихся по близости германскихъ и галльскихъ монастырскихъ библіотекъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Поиски его были необыкновенно успѣшны. Онъ открылъ здѣсь восемь доселѣ неизвѣстныхъ рѣчей Цицерона ⁴⁾, чѣмъ существенно дополнилъ собраніе Петрарки ⁵⁾, полный и при томъ очень древній экземпляръ „Institutionum oratoriarum“ Квинтиліана ⁶⁾ и затѣмъ цѣлый рядъ сочиненій, о существованіи которыхъ и не предполагали въ Италіи и которыя, повидимому, были неизвѣстны здѣсь даже и по названіямъ. Это были: сочиненіе Лукреція „De rerum natura“, найденное впрочемъ лишь въ отрывкахъ и въ недостаточно исправномъ видѣ ⁷⁾,

¹⁾ См. напримѣръ весьма любопытныя письма Поджіо по поводу открытій въ Германіи Николаемъ Трирскимъ 12 комедій Плавта, дотогъ неизвѣстныхъ въ Италіи, и сочиненій нѣкоторыхъ другихъ авторовъ (Ritschl, *Opuscula philologica*, II, 5 sqq.).

²⁾ *Spicilegium Romanum*, X, 319—320.

³⁾ См. напримѣръ *Leonardi Aretini Epist. lib. IV, ep. 4* (ed. I. A. Fabricius, *Hamburgi*, 1724), также *Vite di uomini illustri del secolo XV, scritte da Vespraviano Fiorentino* въ *Spicill. Rom.*, I, 548, въ біографіи Poggio Fiorentino.

⁴⁾ *Poggii Opera*, pag. 394 (Basileae, 1538). Бернгарди (*Grundriss der Römischen Litteratur, Braunschweig*, 1872, S. 111) говоритъ только о семи Цицероновыхъ рѣчахъ, открытыхъ Поджіо, а Буркгардтъ (*Die Cultur d. Renaiss.*, 189) — даже о шести.

⁵⁾ Въ XII и XIII столѣтіяхъ были извѣстны только рѣчи противъ Катилины, Филиппики, нѣкоторыя изъ рѣчей противъ Верреса, рѣчь въ пользу Манлиева закона и, можетъ быть, еще нѣкоторыя изъ мелкихъ рѣчей. Петрарка, почти боготворившій Цицерона и съ особеннымъ усердіемъ собиравшій его сочиненія, успѣлъ дополнить этотъ небольшой списокъ только отчасти.

⁶⁾ *Poggii Opera*, p. 272. 394.

⁷⁾ *Bernhardy*, 531.

„Argonautica“ Валерія Флакка, сочиненія Амміана Марцеллина, Асконія, Кальпурнія, Колумеллы, Цельса, Фирмика, Фронтина, Нонія и Петронія ¹⁾). Нечего и прибавлять, съ какою горячностью старался Поджіо получить въ свои руки, прочитать и списать открытыя другими древнія произведенія ²⁾). При списываньи Поджіо весьма серьезно озабоченъ былъ „полной точностію копій и безусловнымъ сходствомъ ихъ съ оригиналомъ ³⁾),—пріемъ, дѣлающій великую честь Поджіо.

Имя Поджіо связано съ исторіею открытій древнихъ авторовъ. Имена нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ друзей и знакомыхъ Виссаріона связаны съ исторіею латинской грамматики и римскихъ древностей. Такъ, Л. Валла оказалъ особенную услугу возрожденію своими „*Elegantiae Latinae Linguae*“, сочиненіемъ, написаннымъ въ высшей степени живо и потому съ интересомъ, а также и не безъ пользы, читающимся даже и въ наше время. Это — весьма обширный трудъ, въ которомъ собранъ чрезвычайно богатый грамматическій матеріалъ и въ которомъ имѣется въ виду весьма обширный кругъ латинскихъ авторовъ. Правда, сочиненію Валлы не достаетъ (какъ и естественно впрочемъ) системы въ нашемъ смыслѣ этого слова; но своя система, которая давала возможность читателю разобратъ въ массѣ заключающихся здѣсь свѣдѣній, въ немъ есть. Это былъ трудъ капитальный, особенно для того времени. Не пройдя строгой грамматической школы, при массѣ интересовъ и гро-

¹⁾ Bernhardt, 111.

²⁾ Ritschl, Op. ph., II, 7—9.

³⁾ Вотъ два, подтверждающіе это и въ высшей степени характерные, приѣра. Получивши извѣстіе объ открытій въ одномъ изъ испанскихъ монастырей „Аттическихъ Ночей“ Геллія, Поджіо проситъ своего корреспондента позаботиться, чтобы съ этого кодекса была для него, Поджіо, списана копія «или лучше срисована» (vel pingatur potius ad alterius similitudinem). Spic. Rom., X, 319.—Въ другомъ письмѣ (къ Франческо Аретино), сказавши, что онъ откопалъ «въ бібліотекахъ, чтобы не сказать темницахъ германскихъ» (eruissem ex bibliothecis, ne dicam ergastulis Germanorum) Амміана Марцеллина, и замѣтивши, что этотъ привезенный Поджіо кодексъ находится въ бібліотекѣ Козмы и что онъ «написанъ стариннымъ письмомъ» (litteris antiquis), но съ такими ошибками, что ничего хуже (corruptius) быть не можетъ», Поджіо продолжаетъ: «можешь снестись съ Карло Аретино, чтобы онъ или распорядился переписать его для тебя, или прислалъ самый кодексъ: потому что если переписать его человекъ не ученый, то (содержащееся въ немъ) покажется не исторіею, а бредомъ (nam nisi a docto scribatur, non historia, sed somnium videretur). Spicil. Rom., X, 311.

мадной литературной производительности не имѣя ни времени, ни охоты обращать особенное вниманіе на языкъ, гуманисты XV вѣка писали такъ, какъ писалось, не раздумывая много о томъ, правильно ли они пишутъ ¹⁾. „Elegantiae“ Валлы являются какъ бы противовѣсомъ этому направленію. Во второй половинѣ XV вѣка, послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, „Elegantiae“ приобрѣли чрезвычайно обширный кругъ читателей, о чемъ свидѣлствуетъ уже одно то, что въ короткое время это сочиненіе выдержало нѣсколько изданій ²⁾.

Флавіо Біондо (въ латинской формѣ Flavius Blondus), бывшій секретаремъ при Евгеніи IV ³⁾, выдѣлялся своими изслѣдованіями по римскимъ древностямъ. Въ сочиненіи „Roma triumphans“ онъ изложилъ результаты своихъ кропотливыхъ изслѣдованій о римской религіи, магистратахъ, военномъ дѣлѣ и о нравахъ, т. е., говоря нашимъ языкомъ, далъ довольно полный курсъ римскихъ древностей. Въ „Roma instaurata“ онъ представилъ описаніе современнаго ему Рима съ разными историческими поясненіями ⁴⁾, а въ „Italia illustrata“—подобное же описаніе Италіи съ разными историческими экскурсами ⁵⁾.

¹⁾ Любопытный образчикъ въ этомъ отношеніи представлялъ самъ Валла, нерѣдко дѣлавшій въ другихъ своихъ сочиненіяхъ ошибки противъ имъ же составленныхъ грамматическихъ правилъ.

²⁾ Грамматическіе вопросы составляютъ предметъ и многихъ другихъ, болѣе мелкихъ, сочиненій Валлы, нѣкоторыхъ его писемъ и т. д. Тоже нужно сказать и о прочихъ гуманистахъ.

³⁾ См. напримѣръ Platinae Cremonensis opus de vitis pontificum, ed. 1664, pag. 594.

⁴⁾ Описаніемъ римскихъ памятниковъ занимался еще Петрарка; но, по довольно мягкому выраженію антикварія XVI вѣка, Онуфріа Панвинія, онъ in epistolis suis Urbis ruinas deploravit potius, quam descripsit (Spicilegium Romanum VIII, 656). Вообще онъ относился къ старому Риму какъ поэтъ. Большое значеніе въ ученomъ отношеніи представляютъ труды современника Петрарки, Кола ди Риенцо, который притомъ первый занимался римскими надписями,—затѣмъ работы гуманистовъ XV вѣка: Поджіо, Киріака изъ Авконы, Помпоніо Лето и другихъ (см. Rossi, Pianta iconografiche e prospettiche di Roma anteriore al secolo XVI, и посвященную этому сочиненію библиографическую замѣтку въ Revue Critique, 1880, № 11), въ томъ числѣ Біондо. Къ трудамъ послѣдняго современники относились съ большимъ уваженіемъ. A. e. n. Sylvi Opera, pag. 459, conf. Iovii Elogia, pag. 27—28.

⁵⁾ Всѣ эти сочиненія можно найти напримѣръ въ базельскомъ изданіи 1531 года. Фабрицій (Bibliotheca latina mediae et infimae latinitatis, Hamburgi, 1734, lib. II, pag. 680) говоритъ, что въ «Diario Eruditorum Italiae,

Въ нашу задачу не входитъ излагать все, что сдѣлали для возрожденія классической древности всѣ ученые друзья Виссаріона. Достаточно замѣтить, что кружокъ Виссаріона представлялъ, въ миньятюрѣ конечно, всю „*res publicam litterariam*“, какъ тогда называли совокупность гуманистовъ. Здѣсь были представители всѣхъ интересовъ, одушевлявшихъ гуманистовъ. Кромѣ людей, много потрудившихся надъ розысканіемъ классиковъ, грамматикой латинскаго языка и римскими древностями, здѣсь были хорошіе для того времени переводчики греческихъ авторовъ, преподаватели классическихъ языковъ, талантливые представители литературы инвективъ, этого своеобразнаго плода эпохи возрожденія, гдѣ впрочемъ ученая полемика нерѣдко, къ сожалѣнію, переходитъ въ личную брань. Притомъ, какъ уже и замѣчено выше, каждый членъ кружка, мало по малу группировавшагося около Виссаріона, болѣе или менѣе активно занимался всѣми тѣми вопросами, которые поднимались въ тогдашнемъ филологическомъ мірѣ; въ каждомъ изъ нихъ находили откликъ разнообразныя интересы гуманистовъ. Эти интересы сдѣлались интересами и Виссаріона.

Что же самъ онъ сдѣлалъ и что стремился сдѣлать въ этой, открывшейся для него, области?

Остановимся сначала на томъ, что сдѣлалъ Виссаріонъ для открытія утраченныхъ классическихъ авторовъ. Объ этомъ предметѣ говорить, кажется, только одинъ современный авторъ, именно Константинъ Ласкарисъ. Притомъ изъ двухъ, относящихся сюда мѣстъ, важнѣйшее недостаточно ясно. Оно находится въ историко-литературной замѣткѣ Константина Ласкариса къ эпической поэмѣ Квинта Смирнскаго ⁽¹⁾, писателя V вѣка по Р. Хр., какъ думаютъ. Тамъ Ласкарисъ говоритъ, что эта поэма уже въ его время, послѣ паденія греческой имперіи ²⁾, „была найдена, сохранена и обнародована добрѣй-

tom. XII, pag. 376. упоминается еще неизданное при Фабриціи сочиненіе Бюндо подъ заглавіемъ: „*Liber de locutione Romana*“.

¹⁾ Эту замѣтку, а также и сдѣланный Ласкарисомъ обзоръ содержанія 14 книгъ эпической поэмы Квинта надалъ Migne, t. CLXI, col. 941 sqq. Заглавія поэмы Ласкарисъ не зналъ (*ibidem*, col. 944. D).

²⁾ Таковъ, повидному, смыслъ не совсемъ яснаго выраженія: *μετὰ τὴν ἀλωσιν τῆς κοινῆς πατρίδος*. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ того, что здѣсь имѣется въ виду въ частности завоеваніе Константинополя, можетъ служить то, что самъ Ласкарисъ называлъ себя ὁ Βοζάντιος (Migne, CLXI, 941. B).

шимъ, и истинно мудрымъ, и возстановителемъ древности Виссаріономъ нивейскимъ, высокимъ кардиналомъ, жившимъ въ наше время. Онъ сохранилъ отъ гибели и многое другое; онъ же и это произведеніе нашолъ въ храмѣ святаго Николая Касульскаго, подлѣ города Гидрунта“ (нынѣ Отранто) ¹⁾. Отсюда видимъ, что сдѣланныя Виссаріономъ открытія были довольно многочисленны. Но Ласкарисъ, къ сожалѣнію, не разъясняетъ, въ чемъ состояли эти „многія другія“ открытія Виссаріона и упоминаетъ только о поэмѣ Квинта ²⁾.

¹⁾ Ἐφ' ἡμῶν δὴ εὐρέθη μετὰ τὴν ἄλωσιν τῆς κοινῆς πατρίδος καὶ περισσῶθη καὶ διεδόθη ὑπὸ τοῦ πάντ' ἀγαθοῦ καὶ ὄντως σοφοῦ καὶ τῆς παλαιότητος ἀνακατασκευασθέντος τοῦ Βησσαρίωνος τοῦ Νικαίας καρδινάλειος μεγίστου ἐφ' ἡμῶν γεγονότος, ἄλλα τε πολλὰ ἀνασώσαντος καὶ ταύτην τὴν ποιήσιν εὐρόντος ἐν τῷ ναφ τοῦ Ἁγίου Νικολάου τῶν Κασούλων (αἱ Κασσούλων), τῷ ἔξω τῆς πόλεως Ὑδρόντου (Migne, CLXI, 945. A). Кратко отмѣтивши фактъ открытія Виссаріономъ этой и еще другой рукописи, о которой будетъ дальше рѣчь, Вастъ говоритъ: Constantin Lascaris, qui ne fit que passer à Rome et ne put prendre part longtemps aux brillantes réunions de l'Académie, reçut de la main même de Bessarion ces nouveautées et d'autres encore (pag. 167). Вастъ повидимому ошарается при этомъ на слѣдующихъ словахъ Константина Ласкариса въ его грамматикѣ (изд. А. Мануція): Poesis autem Homericissimi Quinti multo tempore ignota fuit et tanquam extincta; sed propius Bessarion, Nicaeas, cardinalis Tusculanus, ille sane quum bonus et, ut Homerice dixerim, similis Deo vir, plurima in nos, et hanc ex Apulia cum servasset, volentibus tradidit. Но изъ этихъ словъ еще не слѣдуетъ съ необходимостью, что Ласкарисъ получилъ поему Квинта непосредственно изъ рукъ Виссаріона въ Римѣ, какъ это утверждаетъ Вастъ. Для выясненія дѣла быть бы, можетъ быть, полезенъ контекстъ вышеприведенныхъ словъ Ласкариса; но этого контекста Вастъ не зналъ, такъ какъ онъ привелъ это мѣсто со словъ Бандина (cap. XII, apud Migne, tom. CLXI, col. XIII). Къ сожалѣнію, и мы не имѣли подъ руками изданія Альда. А что Вастъ неправъ, это можно заключать изъ словъ Ласкариса въ его замѣткѣ къ названной поэмѣ: здѣсь прямо говорится, что Ласкарисъ получилъ эту поему въ Миланѣ. Вотъ эти слова Ласкариса. Сказавши объ обязанности всегда читать и распространять такіа произведенія, какъ поэма Квинта, и тѣмъ спастись ихъ отъ утраты, Ласкарисъ продолжаетъ: Ὅθεν καὶ αὐτὸς ἐν τῇ περιήγησει ἐς Μεθόλανον ἀφιγμένος καὶ τὰ ἡμέτερα διδάξας, ἄλλα τε πολλὰ καὶ ταύτην μετὰ δυσκολίας κτησάμενος ἐξέγραψα, μετέδωκα καὶ ἐδίδαξα, ὅπερ οἶμαι καὶ τοῖς ἄλλοις ποιήσιν φιλανθρώπους ὄντας καὶ φιλοσόφους. Τῆς βιβλίου δὲ γυμνῆς εὐρεθείσης, τὰς ὑποθέσεις τῶν βιβλίων αὐτὸς συνέταξα, καὶ ὡς οἶόν τε ἐπιδιώρθωσα. (Migne, CLXI, 945. B).

²⁾ Что касается самой этой поэмы, то въ XV вѣкѣ ее цѣнили гораздо выше, чѣмъ теперь (срав. напримеръ, Lübker, R. Lex. d. class. Alterth., 1860, S. 314 подъ словомъ «Eros», и отзывъ К. Ласкариса, у Миня, CLXI, 944). Вслѣдствіе того и сдѣланное Виссаріономъ открытіе ставилось тогда выше. Valentinelli, упоминавъ объ этой поэмѣ на стр. 29 въ первомъ томѣ своей Bibliotheca manuscriptorum ad S. Marci Venetiarum, цитуетъ (оставшееся намъ недоступнымъ) сочиненіе Schow Nicolai, De codicibus Quinti Callabris mss. Vindobonensibus et Italis, въ его Epistolae criticae, Romae, 1790.

Другая услуга Виссаріона въ разсматриваемомъ отношеніи состояла въ открытіи, въ томъ же монастырѣ св. Николая, поэмы киклика Колуѳа (VI в. по Р. Хр.)—'Ελένης ἀρπαγή¹⁾.

Безъ всякаго сомнѣнія, эти два открытія сдѣланы были совершенно случайно. Виссаріонъ не имѣлъ ни времени, ни благопріятныхъ случаевъ спеціально заниматься поисками за потерянными или неизвѣстными сочиненіями древнихъ. Какъ и большинство его современниковъ, онъ предпочиталъ приобретать для себя въ копіяхъ уже давно извѣстныя или другими открытыя произведенія классиковъ. Этимъ дѣломъ онъ занимаясь съ большою энергіей. Мы впрочемъ не имѣемъ никакихъ основаній думать, что стремленіе къ приобретенію книгъ было у Виссаріона тѣмъ, что называется библиоманіею²⁾: и составъ оставленной имъ послѣ себя библіотеки, и то, что онъ еще при жизни дозволялъ пользованіе своими книжными сокровищами, показываетъ, что онъ собиралъ книги по тому же естественному побужденію, по которому составляютъ библіотеки люди универсально образованные. Но съ другой стороны несомнѣнно, что обогащеніемъ своей библіотеки Виссаріонъ занимаясь съ увлеченіемъ. Еще въ дѣтскіе и юношескіе годы онъ любилъ книги и старался списывать ихъ самъ или приобретать покупкою³⁾. Впоследствии, когда Виссаріонъ сдѣлался кардиналомъ и вступилъ въ близкія, личныя и письменныя,

¹⁾ Въ лексиконѣ Свиды, вышедшемъ «Venetiis in aedibus Aldi, et Andreae soceri. mense feb. M. V. XIII», — читаемъ: «κόλουθος. λυκοπολίτης. θηβαῖος ἐποποιός. γεγονώς ἐπὶ τῶν χρόνων ἀναστασίου τοῦ βασιλέως. ἔγραψε καλυδωνικά ἐν βιβλίῳ σ'. καὶ ἐγκώμια δι' ἑπῶν. καὶ περσικά». (У Бандини въ изданіи Маниа, col. XII, слова Свиды, по недосмотру вѣроятно корректора, напечатаны съ пропускомъ, вслѣдствіе чего въ этомъ изданіи ихъ и понять нельзя). Bandini съ своей стороны замѣчаетъ: Poemation 'Ελένης Ἀρπαγῆ, a Bessarione inventum, primus in publicum emisit Aldus Manutius; deinde alii plures. Novissime italico metro versum edidit Theod. Villa cum notis, Mediolani an. 1753.

²⁾ Дѣлаемъ это замѣчаніе потому, что нѣкоторые не прочь видѣть въ Виссаріонѣ именно библиомана.

³⁾ Вотъ что между прочимъ говорилъ впоследствии объ этомъ самъ Виссаріонъ въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ дожу и сенату венеціанскому: equidem semper a tenera puerilique aetate omnem meum laborem omnemque operam, studium curamque adhibui, ut quoscunque possem libros in omni discipularum genere compararem: propter quod non modo plerosque et puer et adolescens manu propria conscripsi: sed quidquid pecuniae seponere interdum parca frugalitas potuit, in his coemendis absumpsi. Nullam enim magis dignam atque praeclaram suppellectilem, nullum utiliorem praestantioremque thesaurum parare mihi posse existimabam (Migne, CLXI, 700).

связи съ своими учеными современниками, это юношеское при-
страстiе къ книгамъ еще болѣе развилось въ немъ и оерѣпло ¹⁾,
тѣмъ болѣе, что онъ теперь имѣлъ и не малыя средства для
прiобрѣтенiя книгъ. Само собою разумѣется, что Виссарiону
теперь не было настоящей нужды самому заниматься пере-
пискою. Однако по старой привычкѣ, или подчиняясь тогдаш-
нему обычаю, или по другимъ какимъ нибудь побужденiямъ
онъ всетаки скопировалъ, повидимому, нѣсколько рукописей
своей рукой ²⁾. Эти переписанныя самимъ Виссарiономъ руко-
писи составляли, конечно, весьма незначительную часть его
громадной библиотеки. Благодаря своему положенiю въ рим-
ской церкви и въ кругу тогдашнихъ ученыхъ и образованныхъ
людей, Виссарiонъ имѣлъ полную возможность прiобрѣтать
книги отчасти даромъ, отчасти и больше всего покупкою и
перепискою специально для себя. Перваго рода прiобрѣтенiя
въ то время ³⁾, когда книги были крайне дороги и рѣдки, не
могли быть обширны. Но что Виссарiонъ прiобрѣталъ книги
такимъ путемъ, это едвали можетъ подлежать сомнѣнiю. Такъ
напримѣръ, въ качествѣ аббата монастыря Гротта-Феррата,
имѣвшаго обширную библиотеку, онъ не только могъ, не опа-
саясь упрековъ совѣсти, поручать монахамъ дѣлать для себя,
безъ особой платы, копии съ тѣхъ или другихъ монастырскихъ
кодексовъ, но и прямо переводить въ свою библиотеку нѣкото-
рые изъ такихъ кодексовъ, не имѣвшихъ особенной цѣны для
монастыря или не приносившихъ ему пользы. Извѣстно также,
что Виссарiонъ получалъ иногда книги въ даръ или по завѣ-
щанiю и отъ частныхъ лицъ, какъ получилъ онъ напримѣръ

¹⁾ Веспасiано (Spic. Rom. I, 193) говоритъ: *in tutto il tempo ch' egli' era istato nella corte di Roma, sempre faceva iscrivere libri in ogni facultà così in greco come in latino. E non solo iscriveva, ma comperava tutti i libri ch' egli non aveva; e grande parte di quello che gl' avanzava delle sua rendite, ispendeva in libri a uno fine laudabile.*

²⁾ Говоримъ это единственно со словъ Васта, который на стр. 370 утвер-
ждаетъ, что Bessarion, malgré ses occupations multiples, trouva le temps d' en copier plusieurs (manuscrits) de sa main. Хотя онъ и не подкрѣпляетъ этого
цитатой и хотя мы сами не можемъ припомнить какого либо документаль-
наго подтвержденiя словъ французскаго извѣдателя, тѣмъ не менѣе, въ
виду вышеприведенныхъ соображенiй, не рѣшаемся и отвергнуть ихъ.

³⁾ Разумѣемъ первую и большую половину жизни Виссарiона на западѣ,
когда книгопечатанiе еще не было извѣстно въ Италiи или только-что вве-
дено было тамъ.

по завѣщанію отъ извѣстнаго Фейербаха трудъ послѣдняго подъ названіемъ: „*Tabulae eclipsis solis et lunae*“ ¹⁾). Но большинство рукописей было приобрѣтено имъ или покупкою, или путемъ переписки. Свои книги Виссаріонъ покупалъ, разумѣется, по преимуществу въ Италіи. Довольно крупныя, повидимому, закупки были сдѣланы имъ напримѣръ въ монастырѣ св. Николая близъ Гидрунта ²⁾). Но онъ не упускалъ случая сдѣлать то или другое важное для себя приобрѣтеніе и во время своего продолжительнаго пребыванія въ Германіи. Такъ онъ покупалъ книги въ Нюренбергѣ ³⁾ и въ Вѣнѣ ⁴⁾. Особенно много книгъ было приобрѣтено имъ послѣ паденія Константинополя ⁵⁾. Но главнѣйшимъ, повидимому, средствомъ къ увеличенію бібліотеки служила для Виссаріона, какъ и для всѣхъ его современниковъ, переписка. Отмѣтки на кодексахъ Виссаріоновой, нынѣ венеціанской Марковой, бібліотеки, и повтореніе здѣсь однихъ и тѣхъ же именъ ⁶⁾, въ связи съ тѣмъ, что мы знаемъ относительно крайней заботливости Виссаріона о своихъ книгахъ,—все это позволяетъ думать, что Виссаріонъ поручалъ копировать рукописи писцамъ, уже извѣстнымъ ему своею аккуратностью. Притомъ, кромѣ лицъ, для которыхъ переписка рукописей составляла въ большей или меньшей степени

¹⁾ Valentinelli, IV, 265—266.

²⁾ Valentinelli, I, 13.

³⁾ Valentinelli, ibidem.

⁴⁾ Valentinelli, IV, 220.

⁵⁾ Известный Региомонтанъ, говоря объ этомъ, замѣчаетъ: *Notum omnibus est quantum studii ac diligentie (sic) in ea re (т. е. въ сбереженія греческихъ рукописей послѣ константинопольской катастрофы) posuisti, quos labores, quos sutores sustulisti, nichil (sic) perniciosius accidere posse existimans, quam si cum patria... libri periissent* (Импер. вѣн. библ. кодексъ № 44, fol. 2).

⁶⁾ Здѣсь встрѣчаются имена Іоанна Аргиропула, Михаила Апостолія, Дмитрія Сиропула, Іоанна Плусіадена, Козмы монаха, Іоанна Родосскаго и Георгія Зангаропула. Эти лица копировали греческіе кодексы (Valentinelli, I, 12 — 13). Изъ копійство в латинскихъ кодексахъ мы встрѣчаемъ здѣсь имена Маттея Кастаньоли, нотарія болонскаго, Петра, клирика бранденбургскаго, Теодорика Вольфа изъ Любека, Іоанна Гериха изъ Діеста (Valentinelli, I, 13: *quas curas latinis quoque codicibus impendi voluit, familiaribus in id adhibitis Matthaeo de Castagnolis notario bononiensi, Petro Turri clerico brandenburgensi, Theodorico Wulf de Lubec, Ioanne Gherich de Diest.* Справ. еще II, 10: *codicem (Lactantii) exscriptum manu Ioannis Caldarificis presbyteri almani de Monthabur sub anno 1454, picturis et auro luculenter ornati curavit Bessarion, cuius insignia folio tertio exhibita.* Ср. также II, 65 о нѣкомъ «frater Helfericus de Babenhusen»).

спеціальность или ремесло, копировкой рукописей для Виссаріона занимались иногда и лица, занимавшія, или позднѣе занявшія, болѣе или менѣе видное мѣсто въ ряду гуманистовъ. Виссаріонъ, какъ увидимъ ниже, оказывалъ весьма нерѣдко существенную матеріальную и всякую другую поддержку ученымъ людямъ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ прямо даже содержалъ въ своемъ домѣ. Въ видѣ отплаты за это, благодѣтельствованныя Виссаріономъ лица переписывали иногда нужныя для него книги, какъ дѣлали напримѣръ упомянутые выше Іоаннъ Аргиропулъ и Михаилъ Апостодій ¹⁾).

Выше было замѣчено о крайней заботливости Виссаріона о достоинствѣ своихъ кодексовъ и, въ частности, дѣлаемыхъ для него копій. Говоря это, мы имѣемъ въ виду собственно его заботу объ исправности своихъ рукописей. Въ подобныхъ дѣлахъ на первомъ планѣ стоитъ, разумѣется, выборъ хорошихъ оригиналовъ для переписки. У насъ нѣтъ, правда, прямыхъ свидѣтельствъ о томъ, что Виссаріонъ обращалъ вниманіе на эту сторону дѣла. Но есть за то непрямые и все же весьма рѣшительныя доказательства того, что Виссаріонъ дѣйствительно, по возможности, заботился объ исправности оригиналовъ для своихъ кодексовъ ²⁾). Однимъ изъ такихъ доказательствъ служить слѣдующій фактъ. Въ 1448 году Виссаріонъ обратился въ Филельфо, бывшему тогда въ Миланѣ, съ просьбою уступить ему *Иліаду*, скопированную Газой и находившуюся во владѣніи Филельфо. Послѣдній отвѣчалъ Виссаріону, что онъ не можетъ уступить ему названнаго кодекса, потому что этотъ кодексъ доставляетъ Филельфо такое же удовольствіе,

¹⁾ Другихъ подобныхъ именъ въ надписяхъ на кодексахъ Виссаріоновой, именъ Марковой бібліотеки, не встрѣчается, если вѣрить Валентинелли, но не встрѣчается едвали потому, что другіе гуманисты не переписывали книгъ для Виссаріона, скорѣе же потому, что тогда не было общимъ обычаемъ у переписчиковъ отмѣчать свое имя на рукописи. Доказательствомъ послѣдняго служитъ сама же Виссаріонова бібліотека, гдѣ лишь на нѣкоторыхъ кодексахъ обозначены имена писцовъ. Съ другой стороны, почти не вѣроятно, чтобы хотя нѣкоторые изъ другихъ друзей Виссаріона, именъ которыхъ мы не находимъ на кодексахъ, не переписали для него чего нибудь: это было тогда однимъ изъ выраженій простой любезности.

²⁾ По возможности заботился онъ объ этомъ; но естественно, что во многихъ случаяхъ, можетъ быть даже въ большинствѣ ихъ, не смотря на свое доброе желаніе, не смотря ни на хлопоты, ни на свое положеніе, Виссаріонъ долженъ былъ довольствоваться и не особенно удовлетворительными оригиналами, если не хотѣлъ совсѣмъ остаться безъ книгъ.

какое доставляютъ ему его дѣти, — что онъ полагаетъ въ немъ „высшее благо“ (*summum bonum*), что, по его мнѣнію, теперь нѣтъ ни одного кодекса, къ какой бы отрасли знанія ни относился онъ по своему содержанію, который бы могъ сравниться съ его собственнымъ кодексомъ по своему достоинству и т. д. ¹⁾). Изъ другаго письма Филельфо къ Виссаріону видимъ, что названный гуманистъ дорожилъ этимъ кодексомъ между прочимъ по тому, что онъ былъ переписанъ „ученнѣйшимъ Газой“ ²⁾, т. е. — другими словами — потому, что онъ былъ исправенъ, за что ручалось самое имя знаменитаго писца ³⁾). По той же, безъ сомнѣнія, причинѣ желалъ получить этотъ кодексъ и Виссаріонъ. А если такъ, то слѣдовательно и въ тѣхъ случаяхъ, когда Виссаріонъ поручалъ кому либо списать для него какое нибудь сочиненіе, онъ принималъ мѣры къ тому, чтобы писецъ имѣлъ подъ руками болѣе или менѣе исправный оригиналъ. Затѣмъ: ниже мы будемъ имѣть случай видѣть, что въ библиотекѣ Виссаріона были превосходныя рукописи или по своей древности, или по исправности чтенія ⁴⁾). Это, разумѣется, не случайное обстоятельство. Наконецъ, Виссаріонъ измѣнилъ бы своей безспорной ученой аккуратности и тщательности, если бы не обращалъ никакого вниманія на такой важный пунктъ, какъ исправность рукописей, съ которыхъ дѣлались для него копіи. Прибавимъ къ этому, что лишь не-

¹⁾ Мы пользовались весьма старымъ изданіемъ писемъ Филельфо, которое находится въ Императорской Публичной Библиотекѣ и въ которомъ страницы не отмѣчены цифрами. Vast (p. 167), говоря объ этой перепискѣ, цитуетъ *Philelphi Epist. lib. VII, pag. 41, ed. Venet. 1502.*

²⁾ *Eam Homeri Iliada, quam vir eruditissimus Theodorus Gazes exscriptit mihi, et quidem magna cum impensa et sumptu, facio tanti, ut ne Croesi quidem ingentibus illis admirabilibusque thesauris cuiquam sim cessus etc. V and i n i apud Migne, CLXI, col. III.*

³⁾ Весьма вѣроятно, конечно, что Филельфо желалъ удержать у себя названный кодексъ и потому еще, почему вообще хранить автографы людей извѣстныхъ и уважаемыхъ. А Филельфо весьма высоко ставилъ Газу. На вопросъ напримѣръ Фр. Барбаро о томъ, кого изъ грековъ считаетъ онъ самымъ ученымъ и краснорѣчивымъ, Филельфо выдѣлялъ Газу изъ всѣхъ остальныхъ грековъ за его ученость и краснорѣчіе, замѣтивъ, что онъ разумѣетъ подъ краснорѣчіемъ не Ливаніеву болтовню (*libaniana garrulitate*), но то старинное краснорѣчіе, которое выказали Димосеенъ, Эсхинъ, Лисій и прочіе извѣстные ораторы (Въ изданіи писемъ Филельфо, принадлежащемъ Императорской Публичной Библиотекѣ, это письмо находится на 86 листѣ по нашему счету).

⁴⁾ См. *Valentinelli, I, 23 sqq.*

многіе имѣли такую возможность, какъ Виссаріонъ, доставать для списыванія возможно лучшіе кодексы: положеніе Виссаріона въ римской церкви и въ тогдашнемъ образованномъ обществѣ было такъ высоко, что онъ могъ получать для списыванія кодексы, для другихъ оставшіеся недоступными ¹⁾.

Другой пунктъ, на который, послѣ выбора рукописей, обращалъ вниманіе Виссаріонъ, состоялъ въ передачѣ заготовленныхъ рукописей на просмотръ и исправленіе кому либо ²⁾ въ томъ случаѣ, если Виссаріонъ по чему нибудь не былъ увѣренъ въ исправности копія ³⁾. Мы не имѣемъ свидѣтельства относительно того, какъ это дѣло исправленія велось у Виссаріона; но судить объ этомъ мы можемъ на основаніи того, какъ вообще велось это дѣло въ ту пору. А велось оно слѣдующимъ образомъ.

При исправленіи текста всего чаще употреблялся приемъ, введенный Боккачіо и состоявшій въ сличеніи двухъ или нѣсколькихъ рукописей. При выборѣ же чтенія прежде и болѣе всего обращали вниманіе на древность рукописи. „Твой кодексъ Квинтиліана“, пишетъ Леонардо Аретино къ Поджіо, „исправляютъ съ большимъ трудомъ, такъ какъ въ нашемъ древнемъ (*vetusto*) кодексѣ оказывается много такого, чего нѣтъ въ твоемъ кодексѣ и что необходимо прибавить въ немъ“ ⁴⁾. Но такъ какъ древность рукописи и на взглядъ гуманистовъ еще не ручалась за полную исправность ея, то, при оцѣнѣ различныхъ чтеній, гуманисты принимали также въ соображеніе, смотря по обстоятельствамъ, или общія правила грамма-

¹⁾ Для примѣра можно указать на полученіе имъ кодекса Тацита отъ Франческо Барбаро. См. *Vast*, 168.

²⁾ Еще въ средніе вѣка въ монастыряхъ былъ обычай, чтобы каждая рукопись отъ писца переходила къ корректору.

³⁾ Такъ, на одномъ изъ Виссаріоновыхъ кодексовъ, содержащемъ сочиненіе Аверроэса (*Averrois*) «*de aetern: mundi*», читаемъ слѣдующую приписку неизвѣстнаго, къ сожалѣнію, лица: «*Liber reverendissimi domini mei Niceni, quem michi corrigendum tradiderat. (Valentinelli, V, 47).* Мы впрочемъ не знаемъ, былъ ли этотъ кодексъ переписанъ спеціально для Виссаріона, или былъ купленъ имъ. Но это въ сущности не важно: Виссаріонъ, разумѣется, одинаково долженъ былъ отдавать для исправленія какъ кодексы, переписанные спеціально для него, такъ и купленные имъ, если въ этомъ исправленіи являлась необходимость.

⁴⁾ *Leonardi Aretini Epist. lib. IV, ep. 7* (ed. Fabricius, *Hamburgi*, 1724): *Quintilianus tuus laboriosissime emendatur, permulta sunt enim in nostro vetusto codice, quae addenda tuo videantur.*

тики, или языкъ исправляемаго автора, т. е. смотрѣли на то, встрѣчается ли у него вообще извѣстное слово или выраженіе, или нѣтъ, и если встрѣчается, то часто ли. Оттого нерѣдко они отдавали предпочтеніе тому чтенію, которое считали болѣе правильнымъ въ грамматическомъ отношеніи, которое чаще другихъ употребляется писателемъ или которое могло быть оправдано аналогическими примѣрами у того же писателя, хотя бы это чтеніе встрѣчалось и не въ особенно древней рукописи. Такъ, исправляя вульгату Саллюстія, Валла предложилъ въ одномъ мѣстѣ читать „strenuissimus quisque“ вмѣсто принятаго тогда чтенія „strenuus quisque“, и когда ему пришлось защищать свою поправку и оправдываться отъ обвиненія въ дерзкомъ посягательствѣ на исправленіе такого образцоваго писателя, какъ Саллюстій, то Валла въ свое оправданіе, между прочимъ, указалъ на то, что по его наблюденіямъ слово „quisque“, имѣя при себѣ прилагательное, чаще соединяется съ превосходной степенью этого прилагательнаго, чѣмъ съ другими степенями ¹⁾).

Какъ видимъ, это тѣ же, въ общемъ, приемы, которые употребляются при установленіи текста и въ наше время. Но понятно само собою, что о строго методическомъ примѣненіи этихъ приѣмовъ въ ту пору не могло быть и рѣчи. Палеографія, историческая грамматика и всѣ другія средства научной критики текста есть явленіе уже позднѣйшаго времени. Отсюда само собою слѣдуетъ, что въ ту пору критикъ древняго текста не могъ идти въ своихъ исправленіяхъ по строго обдуманному научному плану, и замѣняя преданное чтеніе новымъ часто только потому, чтобы дать непонятому имъ тексту хоть какойнибудь смыслъ ²⁾. Но этого мало. Даже извѣстные гуманисты не стѣснялись сочинять изъ своей головы и вставлять напримѣръ въ текстъ Плавта цѣлыя потеряныя сцены ³⁾.

¹⁾ Vallae Opera, p. 263 (Basileae, 1540).

²⁾ Характерные примѣры подобныхъ искаженій вслѣдствіе незнанія указываетъ Мерула по отношенію къ Плавту. Ritschl, Opusc. phil., II, 25.

³⁾ Само собою разумѣется, что указывая подобные случаи произвола гуманистовъ при критикѣ текста, мы совсѣмъ не думаемъ отрицать за ихъ трудами всякое научное значеніе. При оцѣнкѣ этого рода дѣятельности гуманистовъ нельзя прилагать мѣрку нашего времени. Выстъ съ тѣмъ не слѣдуетъ упускать изъ вниманія того, въ какомъ видѣ находились рукописи на примѣръ древнихъ латинскихъ авторовъ предъ временемъ гуманизма. Сред-

Такъ же, въ общемъ, исправлялись, конечно, и рукописи Виссаріоновой библіотеки.

Мы не знаемъ навѣрное, всегда ли поручалъ Виссаріонъ тѣмъ или другимъ лицамъ исправленіе рукописей своей библіотеки. Съ увѣренностью можно сказать лишь то, что такому исправленію не подвергались рукописи, переписанныя кѣмъ либо изъ ученыхъ гуманистовъ. Въ подобныхъ случаяхъ въ особомъ исправленіи не было никакой нужды, такъ какъ исправленіе шло рука объ руку съ самой перепиской ¹⁾.

не вѣка, вообще неблагопріятныя для просвѣщенія, неблагопріятно отозвались и на латинскихъ языческихъ писателяхъ. Древнія рукописи гнили и гдѣли въ сырыхъ и пыльных монастырскихъ библіотекахъ; о святѣхъ же съ нихъ точныхъ копій заботились мало. Въ ту пору если кто и занимался перепиской древнихъ авторовъ, то только монахи, люди по большей части малосвѣдущіе и — что особенно важно — нисколько незаинтересованные своимъ дѣломъ: переписка книгъ была для нихъ не болѣе, какъ послушаніемъ, которое, наравнѣ со всякимъ другимъ послушаніемъ, возлагалось на нихъ лишь затѣмъ, чтобы заполнить праздное время. Естественно, что при такихъ условіяхъ текстъ древнихъ авторовъ въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ не могъ уцѣлѣть и сохраниться даже и приближительно въ томъ видѣ, въ какомъ завѣщала его древность. У насъ нѣтъ возможности свѣрить рукописи этихъ авторовъ, находившіяся въ обращеніи въ XV столѣтіи, съ текстомъ тѣхъ же авторовъ, установленнымъ наукою въ новѣйшее время. Но вотъ что говорили объ этихъ рукописяхъ видѣвшіе и пользовавшіеся ими нѣкоторые ученые гуманисты. «Какая книга древнихъ латинскихъ поэтовъ», говорилъ Помпоніо Лето, «не переполнена ошибками и искаженіями? Въ нихъ по большей части не только искаженъ размѣръ стиховъ и весь складъ рѣчи, но искажена и ослаблена самая мысль автора. (Petri Bembi, cardinalis et patricii veneti, Epistolae, quibus accesserunt alia quaedam ejusdem authoris opuscula, Argentorati, 1611, pag. 783). Поджіо, въ письмѣ къ Франческо Аретино сообщая послѣднему о своемъ открытіи Марцеллина, замѣчаетъ, что кодексъ написанъ съ такими ошибками, что ничего хуже быть не можетъ. (Spicilegium Romanum, X, 311). Между тѣмъ Амміанъ Марцеллинъ — писатель IV христіанскаго вѣка. Если его рукопись (притомъ древняя, написанная «стариннымъ письмомъ») была такъ искажена, то что сказать о классикахъ, писавшихъ за нѣсколько вѣковъ раньше того? По свидѣтельству Пирро Перотто (въ предисловіи къ Corni soriae Никколо Церотто, Basileae, 1526) М. Валерій Марціалъ, по вину переписчиковъ, былъ переполненъ почти безчисленными ошибками, вслѣдствіе чего названнаго поэта «въ теченіи болѣе 800 лѣтъ, т. е. приближительно до половины XV вѣка, никто не понималъ» (qui supra octingentos annos a penine fuerat intellectus). Въ виду всего этого позволительно думать, что труды гуманистовъ по исправленію текста древнихъ латинскихъ авторовъ имѣли свое и даже не малое значеніе въ общей исторіи этого рода работъ.

¹⁾ Уважемъ одинъ примѣръ. Въ одномъ изъ писемъ Поджіо къ Никколи читаемъ: Liber (т. е. кодексъ, въ которомъ заключались комедіи Плавта) est illis litteris antiquis corruptis, quales sunt Quintiliani, et multa in multis desunt. Non faciam transscribi, nisi prius illas legero, atque emendavero: nam

Говоря о перепискѣ книгъ для Виссаріоновой бібліотеки, нельзя оставить безъ упоминанія одной весьма интересной черты и при томъ такой, которая съ очень выгодной стороны рекомендуетъ Виссаріона, свидѣтельствуя, что онъ основательно изучалъ авторовъ. Поручая кописту переписку какого нибудь автора, онъ приказывалъ, въ случаѣ ссылки этого автора на какое либо мѣсто у греческаго писателя, оставлять пробѣлы въ рукописи, для внесенія потомъ сюда соотвѣствующихъ цитатъ, и эти вставки дѣлалъ потомъ самъ ¹⁾. Если мы вспомнимъ, какъ трудно было въ ту пору розыскивать нужныя мѣста въ рукописяхъ, то признаемъ, что Виссаріонъ долженъ былъ хорошо знать авторовъ, изъ которыхъ онъ бралъ цитаты ²⁾.

Родъ и характеръ книгъ, которыя покупкою или перепискою прибрѣталъ Виссаріонъ для своей бібліотеки, находился, по всей вѣроятности, въ связи и зависимости отъ того, чѣмъ по преимуществу занятъ былъ онъ въ то или другое время. Такъ какъ въ первое десятилѣтіе своей жизни въ Италіи Виссаріонъ много занимался полемикой съ греками и вообще писалъ сочиненія историко-богословскаго содержанія, то именно въ эту пору, по всей вѣроятности, прибрѣтены и переписаны имъ сочиненія полемистовъ—грековъ ³⁾, дѣянія соборовъ ⁴⁾, сочиненія напримѣръ *Томы Аквината* ⁵⁾, сочиненія западныхъ отцовъ ⁶⁾, а также и нѣкоторые другія богословскія произве-

nisi viri eruditi manu scribatur, inutilis erit labor (Ritschl, II, 7). Срав. уже приведенныя выше слова Константина Ласкариса (Migne, CLXI, 945. B).

¹⁾ Valentinelli, VI, 40: Locorum graecorum, quibus inserendis spatium assignatum est, quaedam sua manu supplevit Bessarion.

²⁾ Cf. Valentinelli, IV, 123 о томъ, что на поляхъ одного кодекса встрѣчаются написанныя manu Bessarionis fragmenta graeca Procli latinis respondentia, и V, 25 относительно кодекса, содержащаго сочиненіе Pauli Veneti «Summa totius philosophiae: non infrequentes sunt postillae marginales graecae, manu Bessarionis, qui loca Aristotelis graecorumque interpretum passim adscripsit, et Paulum Venetum nonnunquam refutavit.

³⁾ Valentinelli, I, 25: hi sunt Niceta byzantinus, Nilus archiepiscopus thessalonicensis, Barlaam monachus calaber, Maximus Planudes, Matthaenus Quaestor, Ioannes Veccus, Ioannes patriarcha hierosolymitanus, Nicephorus Blemmida, Georgius Moscampenus, Genteus monachus, David Dissipatus, Andronicus Sevastus, Manuel Moscopulus, Demetrius e Canea, Manuel Grisolora, Manuel Caleca, Nicolaus episcopus Methonis. Срав. каталогъ Виссаріоновой бібліотеки, почти соврѣменный ему, какъ думаютъ, въ Migne, CLXI, 701 sqq.

⁴⁾ Valent., I, 25.

⁵⁾ Conf. Valent., II, 63.

⁶⁾ См. напримѣръ Valent. II, 118.

денія. Другія приобрѣтенія шли, вѣроятно, параллельно развитію его гуманистическихъ занятій. Такъ, занявшись философскими спорами, онъ, вѣроятно, приобрѣталъ главнымъ образомъ философскія сочиненія и т. д.

Такъ составлялась та библіотека, которая впоследствии послужила основаніемъ знаменитой венеціанской Марковой библіотеки. Въ ней находились въ огромномъ числѣ не только всякаго рода богословскія книги, но и произведенія древнихъ языческихъ авторовъ по всѣмъ извѣстнымъ тогда отраслямъ знанія. Кромѣ твореній греческихъ и латинскихъ поэтовъ, историковъ, ораторовъ и философовъ ¹⁾, здѣсь были сочиненія древнихъ по сельскому хозяйству ²⁾, по математикѣ, астрономіи ³⁾ и т. д., не говоря уже о сочиненіяхъ позднѣйшихъ авторовъ. Въ библіотекѣ Виссаріона были книги и иного содержанія ⁴⁾, даже военныя ⁵⁾, приобрѣтенныя, вѣроятно, въ то время, когда онъ особенно усиленно хлопоталъ объ устройствѣ крестоваго похода противъ турокъ.

Весьма цѣнная, притомъ хорошо подобранная библіотека Виссаріона не оставалась мертвымъ капиталомъ. Виссаріонъ, какъ и нѣкоторые другіе гуманисты, напримѣръ Никколи во Флоренціи, былъ далекъ отъ желанія—свои сокровища держать

¹⁾ О важности этихъ кодексовъ для этиологической науки см. Valentinielli, I, 26—28 и др.

²⁾ Напримѣръ соответствующія сочиненія М. Порція Катона, М. Теренція Варрона и Л. Ю. М. Колумеллы. Valentinielli, V, 169.

³⁾ См. напримѣръ Catalogum bibliothecae Bessarionis, prope Bessarioni σύγγραμμων, apud Migne, СЪХІ, 706. Cf. Valentinielli, IV, 249—250, гдѣ между прочимъ говорится о главномъ астрономическомъ сочиненіи Птолемея (Μεγάλη συντάξις τῆς ἀστρονομίας, въ латинизированномъ арабскомъ названіи «Almagestus»), которое началъ переводить Фейербахъ (Feuerbach, vulgo—Peuerbach) въ удовлетвореніе желанія Виссаріона и которое окончилъ переводомъ уже Іоаннъ Региомонтанъ. Замѣчательно, что этотъ переводъ сначала хотѣлъ сдѣлать самъ Виссаріонъ. См. предисловіе Региомонтана къ этому переводу, обращенное къ Виссаріону, въ кодексѣ 44 императорской вѣнской библіотеки.

⁴⁾ Valentinielli (V, 120—121) отмѣчаетъ кодексъ, списанный для Виссаріона и содержавшій «Pandectae medicinae».

⁵⁾ Такъ въ одномъ изъ Виссаріоновыхъ кодексовъ, по словамъ Valentinielli (V, 193), содержится Joannis Sophiani—De re militari et instrumentis bellicis, съ рисунками. Это—переводъ изъ древнихъ, сдѣланный для Виссаріона. Валентинелли впрочемъ замѣчаетъ, что machinarum digrammata adpicta artem rudem prorsus et impolitam revelant.

всегда при себѣ и пользоваться ими только самому ¹⁾. Онъ гордился не тѣмъ, что обладалъ замѣчательной для своего времени библіотекой, а тѣмъ, что имѣлъ возможность оказывать услуги друзьямъ своими книжными сокровищами и тѣмъ способствовать успѣху гуманизма и дѣлу возрожденія ²⁾. Но прежде всего, конечно, Виссаріонъ самъ пользовался своей библіотекой, самъ читалъ и перечитывалъ то тѣ, то другія изъ сохранившихся въ ней книгъ, смотря по тому, что въ данную пору и при извѣстныхъ обстоятельствахъ по преимуществу интересовало его. Если при этомъ принять еще въ соображеніе вліяніе на него собиравшагося у него ученаго кружка и происхо-

¹⁾ А такіе примѣры въ ту пору не были рѣдкостью. Вотъ одинъ характерный примѣръ. Когда Николай Трирскій, въ концѣ 1429 года, привезъ въ Римъ и передалъ кардиналу Орсини кодексъ, содержащій въ себѣ, кромѣ 4 уже извѣстныхъ комедій Плавта, еще 12 другихъ, неизвѣстныхъ догодъ, то кардиналъ буквально былъ заваленъ просьбами лицъ, желающихъ сдѣлать списки съ этихъ комедій, и — черта любопытная — долгое время рѣшительно всѣмъ отказывалъ въ этомъ: такъ берегъ онъ свою драгоценность (Кодексъ Орсини дѣйствительно оказался драгоценностью. Новѣйшія изслѣдованія показали, что онъ былъ единственнымъ экземпляромъ, съ котораго сдѣланы всѣ позднѣйшіе списки. Ritschl, Op. phil., II, 8. 9. 19, notae). Поджіо, напримѣръ, нѣсколько разъ приступалъ къ Орсини съ подобною просьбою, и отъ своего имени, и отъ имени Никколи, и всякій разъ получалъ отказъ, такъ что наконецъ вышелъ изъ себя. De Plauto, читаемъ въ одномъ изъ его писемъ, написанномъ уже послѣ того, какъ онъ потерпѣлъ нѣсколько неудачъ, — nihil egi, quod superem: antequam cardinalis discederet, rogavi, ut dimitteret librum; noluit: non intelligo hominem; videtur sibi rem magnam fecisse, cum tamen nihil operis sui attulerit ad ejus inventionem, sed id agit, ut per alium repertus occultetur ab eo: dixi et sibi et suis, me nunquam amplius librum petiturum ab eo; et ita fiet: malo dediscere, quod didici, quam per ejus libros aliquid discere (Ritschl, Op. phil., II, 7). Черезъ нѣсколько времени онъ опять пишетъ: Plautum hactenus non potui habere; nunc si possem, nollem; polliceorque tibi me nunquam amplius petiturum a cardinali, neque lecturum istis tribus annis, etiam si ultro concederetur (ibid.). Какимъ образомъ досталъ потомъ Поджіо Плавтовы комедіи (а онъ досталъ всетаки и списалъ ихъ), мы не знаемъ, такъ какъ относящіяся сюда его письма еще не изданы. Но Никколи и другіе гуманисты, послѣ первыхъ неудачъ, принуждены были дѣйствовать уже окольными путями — чрезъ разныхъ владѣтельныхъ особъ: Никколи напримѣръ чрезъ Лоренцо Медичи, Гуарино Веронскій — чрезъ герцога Феррарскаго Ліонелло Эсте (ibid. p. 7—9), — и только этимъ путемъ могли достать и списать рукопись.

²⁾ Въ подтвержденіе этого укажемъ пока на свидѣтельство Региомонтана, который, посвящая и препровождая Виссаріону одинъ свой ученый трудъ, просилъ его присоединить въ эту книгу къ своему tanto tamque precioso librorum aervo, ut te auctore te principe optimarum arcium (sic) studiosis commune fiat. Рукопись вѣнской императорской библіотеки, № 44.

дившихъ при этомъ ученыхъ преній и разсужденій, то можно, безъ опасности ошибиться, сказать, что Виссаріонъ имѣлъ, отчасти лично имъ созданныя, средства весьма хорошо для той поры приготовиться къ тому, чтобы и самому выступить на литературное поприще.

До нашего времени дошли два рода литературныхъ трудовъ Виссаріона ¹⁾, имѣющихъ отношеніе къ его занятіямъ классическими авторами: 1) переводы ²⁾, 2) самостоятельныя изслѣдованія ³⁾.

Остановимся сначала на первыхъ.

Кромѣ перевода Alcinoi—*Epitome disciplinarum Platonis*, о которомъ, къ сожалѣнію, почти ничего неизвѣстно ⁴⁾, а

¹⁾ Подъ рубрику «литературныхъ трудовъ» не могутъ входить такіе, на примѣръ, труды Виссаріона, какъ его замѣчанія на комментарий Провла къ Платонову Тимею, которыми, по словамъ Морелліа (Migne, tom. CLXI. col. CXLIII—CXLIV), переполненъ весь кодексъ, содержащій названный комментарий,—или его замѣчанія на Евклидовы «*Optica*» (ibid.) и тому под. Между тѣмъ подобнаго рода работы предполагаютъ въ авторѣ весьма широкія и основательныя знанія. Нельзя не пожалѣть, что этого рода матеріалы доселѣ не изданы, и такимъ образомъ у насъ нѣтъ одного изъ важныхъ средствъ опредѣлить во всей широтѣ ученой дѣятельности Виссаріона. Мы можемъ однако, судя по напечатаннымъ трудамъ кардинала, полагать, что и эти не напечатанные его труды были достойны его.

²⁾ Виссаріонъ началъ заниматься переводами еще въ ту пору, когда изучалъ латинскій языкъ, и именно въ дѣляхъ этого изученія. См. *append. u. Vasta*, стр. 452.

³⁾ Гарлесъ (Migne, t. CLXI, col. CLI—CLII) отмѣчаетъ впрочемъ еще нѣкоторые труды Виссаріона, съ указаніемъ мѣста, гдѣ онѣ находятся. Онъ говоритъ: *Epitome historiarum Appiani Alexandrini et Epitome bibl. hist. Diodori Siculi, scil. librorum quinque priorum et ab XI ad XV inclusive, Venet., in bibl. Marc. cod. 523.—Excerpta ex Herodoto, libris Thucydidis et aliorum, inscripta a Bessarione παραρρημίσεις ἡμέτεραι, λέξεων δηλονότι τινῶν κλητοῦ περὶ τέρων* etc. *Subiunguntur Epitome legum Platonis et Epitome librorum Hermogenis de formis orationis, Venet. in cod. Marc. 526.* Къ сожалѣнію, объ этихъ трудахъ Виссаріона ничего больше мы не могли узнать.

⁴⁾ Объ этомъ переводѣ (если не считать замѣтки въ каталогѣ Виссаріоновой библиотеки у Мина, CLXI, 705. C: *legalia quaedam Alcinoi de dogmate Platonis, in papyris*) мы нашли лишь нѣсколько краткихъ замѣчаній у Бандини. Migne tom. CLXI, col. LI, not. 25: *Alcinoi Epitomen disciplinarum Platonis ipse Nicaenus e graeco transtulit et Nicolao cardinali Cusano inscripsit honorifica epistola quam editor episcopus eiusdem Alcinoi opusculo praemisit.* Этотъ издатель, какъ говоритъ Бандини (ibid., not. 24), есть Ioan. Andreas de Buxis Viglebanensis, который altorem habuit et praecceptorem Victorinum Feltrensem, a quo moribus et litteris egregie imbutus, Romam venit, ubi emendandis atque edendis antiquis auctoribus doctorum aestimationem et simul gratiam pontificum sibi promeruit. A Paulo II, cui aliquod editiones inscripserat,

также перевода одной из Димосееновых рѣчей, о которомъ мы будемъ имѣть случай говорить по другому поводу ¹⁾, Виссаріонъ перевелъ, во-первыхъ, Ксенофоновы *Ἀπομνημονεύματα Σωκράτους* ²⁾. Этотъ его трудъ имѣетъ значеніе по двумъ причинамъ: какъ первый, повидимому, переводъ этого сочиненія Ксенофонта ³⁾ и, затѣмъ, какъ очень хорошій по тому времени, точный и вмѣстѣ изящный переводъ, что доказывается уже однимъ тѣмъ, что онъ почти въ полномъ видѣ воспроизведенъ въ изданіи Леунклавія (Leunclavius, Левенклау), которое еще и въ наши дни нѣкоторыми считается классическимъ латинскимъ переводомъ Ксенофонта ⁴⁾. Другой переводъ Виссаріона состоялъ въ переводѣ 14 книгъ, такъ называемой, метафизики Аристотеля ⁵⁾. Въ тогдашней латинской литературѣ уже существовали переводы Аристотеля; но о неудовлѣвори-

Adiacensis primum post Aleriensis episcopus creatus, sub Sixto IV secretarii munus gessit et bibliothecae insuper praefectus fuit. Obiit Romae pridie non. Febr. 1475. Упомянутое изданіе Алкиноя, вмѣстѣ съ Апулеемъ, вышло изъ дома Petri de Maximis, яппо 1469, снабженное предисловіемъ, въ которомъ издатель превозноситъ «virtutes» Виссаріона (*ibid.*, col. L—LI). Вастъ, если не ошибаеся, совсѣмъ не упоминаетъ объ этомъ переводѣ, вѣроятно по недосмотру. *Conf. Н а с к е*, 114.

¹⁾ Не говоримъ здѣсь потому, что этотъ переводъ былъ сдѣланъ не по ученымъ, а по практическимъ побужденіямъ.

²⁾ Фабрицій (*Migne*, t. CLXI, col. CLV—CLVI) ограничивается слѣдующимъ краткимъ замѣчаніемъ объ этомъ переводѣ: *Libri quatuor Xenophontis de dictis et factis Socratis, ad Iulianum episcopum cardinalem Tusculanum. In variis Xenophontis editionibus, et separatim Lovanii 1533, 4.*

³⁾ Такъ думаетъ и Вастъ, стр. 170. Что касается важности Ксенофоновыхъ «*Memoabilia*» для выясненія личности и отчасти философіи Сократа, то объ этомъ см., напримѣръ, *Zeller, Philosophie der Griechen, II Theil, I Abth., 3-te Auflage, S. 150 folg.*

⁴⁾ Намъ, въ сожалѣнію, не привелось имѣть подъ руками этого перевода Виссаріона. Отдѣльнымъ изданіемъ вышелъ онъ, по словамъ Фабриція (*Migne*, tom. CLXI, pag. CLV—CLVI) «*Lovanii 1533*»; сверхъ того онъ помѣщенъ въ различныхъ изданіяхъ Ксенофонта. Срав. *Vast*, 170. По словамъ французскаго ученаго, предисловіе къ этому переводу, составленное въ формѣ письма къ кардиналу Джуліано Чезарина, которому переводъ былъ посвященъ, est d'un latin embarrassé et qui semble trahir encore un certaine inexpérience de la langue, между тѣмъ какъ la traduction est d'un style plus élégant et plus facile. Отсюда Вастъ заключаетъ, что la préface est certainement une oeuvre de jeunesse. Нельзя ли объяснить этого страннаго факта (если только это фактъ) тѣмъ обстоятельствомъ, что языкъ Виссаріонова перевода былъ исправленъ кѣмъ либо изъ близкихъ къ нему и жившихъ у него гуманистовъ, тогда какъ предисловіе по чему либо осталось въ томъ видѣ, въ какомъ вышло изъ-подъ пера Виссаріона?

⁵⁾ О подлинномъ названіи этого сочиненія см. *Zeller, Ph. d. Gr., II Th., II Abth., 3-te Aufl., S. 79 folg., vgl. 184.*

тельности этих переводов достаточно свидетельствует уже один тот факт, что знаменитый дѣятель возрожденія папа Николай V счелъ нужнымъ позаботиться объ изготовленіи новаго перевода ¹⁾. При содѣйствіи знаменитаго покровителя гуманистовъ и гуманизма, короля неаполитанскаго Альфонса ²⁾, онъ добился того, что именно Виссаріонъ взялся за это дѣло. Этотъ переводъ одного изъ самыхъ трудныхъ сочиненій Аристотеля требовалъ продолжительной и добросовѣстной работы, и Виссаріонъ съ честью выполнилъ ее. Объ этомъ достаточно свидетельствуетъ множество изданій, выдержанныхъ его пере-

¹⁾ Въ предисловіи къ переводу Аристотелевой метафизики Виссаріонъ говорилъ: *ita in Latinum verterunt veteres Aristotelem, ut opus fuerit, sanctissimum ac clementissimum dominum Nicolaum V, Pontificem Maximum, qui omnis scientiae, omnis divinae humanaeque sapientiae doctissimus in apostolicam sedem conscendit,.... viros eligere, utriusque linguae peritos, qui omnes fere Aristotelis libros in latinam verterent orationem* (Наскк, р. 11 — 12 нот.). Николай V, по выраженію нѣкоторыхъ изслѣдователей, завелъ у себя настоящую «фабрику переводовъ», и это выраженіе довольно точно передаетъ сущность дѣла. Дѣйствительно, очень многія классическія произведенія были переведены именно благодаря Николаю V и его щедрости. Лоренцо Валла перевелъ Фукидиду и за это получилъ отъ папы 500 дукатовъ (по Васту, стр. 172, тогдашній дукатъ равенъ 12 франкамъ); Гуаріно перевелъ Страбона и получилъ 1500 дукатовъ; Филельфо предложенъ былъ домъ въ Римѣ и положено у банкира 10,000 дукатовъ, которыя онъ имѣлъ получить въ день окончанія своего перевода Иліады и Одиссеи, и проч. (Vast, *ibid.*).

²⁾ Личность Альфонса, какъ гуманиста, рельефно выступаетъ изъ рассказовъ о немъ Панормита (Ant. Panormitae, *De dictis et factis Alfonsi regis Aragonum et Neapolis libri quatuor*, Witebergae, 1585, et Rostochii, 1589). Панормита, наиримѣръ, рассказываетъ (pag. 34 въ первомъ изъ названныхъ изданій, и 37—во второмъ), что однажды какіе-то жители Капеты (Cajeta, нынѣ Gaeta) изъ простыхъ (*male litteratis*) заявили, что вблизи Формій на римской дорогѣ находится гробница Марка Туллія, на которой-де начертана старинными литерами (*vetustis litteris*) надпись. Когда царь услышалъ объ этомъ, онъ «почти ошалѣлъ отъ радости» (*laetitia raene perditus*) и, ни мало не медля, отправился туда. Радость впрочемъ была преждевременна, и когда гробницу освободили отъ терновника и ежевичныхъ кустовъ, которыми она заросла, и прочли надпись, то гробница оказалась не Цицероновой (Въ Капетѣ находилась одна изъ многочисленныхъ виллъ Цицерона; здѣсь онъ былъ и убитъ посланцами Антонія. Это обстоятельство зналъ, должно быть, и Альфонсъ). Или наиримѣръ, если кто нибудь изъ солдатъ, при грабежѣ вѣятаго войсками Альфонса городъ, находилъ какую нибудь вину, то онъ приносилъ ее къ царю, *liquidem fama vulgaverat, eum (i. e. regem) libris maxime delectari solitum* (pag. 48 по изданію 1585 года и pag. 51 по изданію 1589 года) и т. п. Въ частности, о хорошихъ отношеніяхъ между Альфонсомъ и Виссаріономъ достаточно свидетельствуетъ приемъ Виссаріона въ Неаполь, когда онъ былъ посланъ туда съ цѣлію расположить Альфонса въ пользу похода противъ турокъ. Vast, 222.

водомъ ¹⁾). Такимъ образомъ, благодаря Виссаріону, западный міръ имѣлъ теперь хорошее средство познакомиться съ Аристотелемъ, и именно съ подлиннымъ Аристотелемъ. Парафразы Александра Афродисійскаго и Аверроэса, по которымъ дотолѣ главнымъ образомъ знали Аристотеля, такого средства не давали.—Въ связи съ переводомъ Аристотелевой метафизики, обнаруженнымъ между 1449 и 1455 г. ²⁾, Виссаріонъ перевелъ и метафизику Теофраста, какъ онъ выражался, или отрывокъ изъ метафизическаго труда Теофраста, какъ теперь говорятъ ³⁾).

То обстоятельство, что Виссаріонъ могъ сдѣлать очень хорошіе, по тому времени, переводы ⁴⁾, показываетъ, что онъ глубоко и основательно изучилъ не только переведенныхъ имъ авторовъ, но и вообще греческихъ философовъ. Но мы имѣемъ возможность еще глубже и прямѣе проникнуть въ философскія занятія Виссаріона и вмѣстѣ понять всю важность этихъ за-

¹⁾ По словамъ Фабриція и Гарлесія (Migne, t. CLXI, col. CLV—CLVI) «14 книгъ Аристотелевой метафизики вмѣстѣ съ переводомъ Виссаріона находятся въ различныхъ изданіяхъ этого философа», также въ послѣднемъ томѣ греко-латинскаго изданія Аристотеля «Duvalliana». Названный переводъ напечатанъ также въ прибавленіи къ различнымъ изданіямъ сочиненія Виссаріона «In calump. Plat.», о которомъ рѣчь будетъ дальше, напр. въ Альдовомъ изданіи 1516 года, но съ особымъ счетомъ листовъ. Вслѣдъ за нимъ, начиная съ fol. 50 verso, напечатанъ здѣсь и переводъ Теофрастовой метафизики.

²⁾ Vast, p. 333.

³⁾ Zeller, Ph. d. Gr., II Th., 2 Abth., 3 Aufl., S. 812 folg.

⁴⁾ Современники Виссаріона были весьма высокаго мнѣнія объ его переводахъ. Фацій напримѣръ (Fascius, De viris illustr., pag. 20) между прочимъ замѣчаетъ, что Bessarion Graecus cardinalis, graece ac latine doctus atque in primis eloquens, Metaphysicorum Aristotelis librum e graeco in latinum translulit effecitque, ut quum prius obscurus et impolitus esset, nunc denique clarus ac latinus videatur. А вотъ одинъ изъ отзывовъ позднѣйшихъ. По словамъ Гюеція (A drien Baillet, Jugemens des savans sur les principaux ouvrages des auteurs, 1722, tom. III, pag. 16), Виссаріонъ есть образецъ хорошихъ переводчиковъ. Huet dit qu'il avoit une industrie tout—à—fait admirable pour bien tourner le Grec, et que si on l'eût imité dans la suite des tems, sans se donner plus de liberté qu'il n'en a pris, on n'auroit point vu tant de gens trompés par l'infidélité des traducteurs, et qu'on n'auroit point eu tant de mal à reprimer les licences qui s'étoient glissées, quand il a été question de remettre en vigueur les règles de la traduction (при этомъ цитируется Huet, De claris interpret., lib. 2, p. 179—180). Въ этомъ отзывѣ есть, безъ сомнѣнія, доля преувеличенія, и Бруккеръ (Bruckker, Hist. crit. phil., tom. IV, pag. 48) справедливо указываетъ, напримѣръ, на недостатокъ иногда ясности въ Виссаріоновыхъ переводахъ.

нятій для дѣла гуманизма. Разумѣемъ участіе Виссаріона въ философскихъ спорахъ его времени.

Оказавшійся пригоднымъ для латинскаго богословія Аристотель царилъ въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ; Платонъ не былъ непосредственно извѣстенъ въ ту пору. Въ началѣ среднихъ вѣковъ съ нимъ знакомы были только по Аристотелю и по нѣкоторымъ сочиненіямъ александрійцевъ, каково предисловіе Порфирія къ „Organon“; столь же мало извѣстенъ былъ Платонъ въ срединѣ и концѣ среднихъ вѣковъ ¹⁾. Съ началомъ возрожденія начинается и новая пора въ развитіи философской мысли. Умъ пресытился школьною мудростью, предлагаемой притомъ въ такой варварской формѣ, какова была схоластическая латынь ²⁾. Отвращеніе къ схоластической философіи неизбѣжно вело къ упадку вліянія и Аристотеля; а такъ какъ философская мысль доселѣ двигалась только между этими двумя великими полюсами—Аристотелемъ и Платономъ, то увеличивавшееся удаленіе отъ одного значило вмѣстѣ и соответствующее сближеніе съ другимъ. Этому способствовало и увлеченіе древностью вообще, такъ сильно охватившее лучшихъ людей того времени. Правда, сокровища греческой древности еще не открылись по малому знанію языка; но чѣмъ таинственнѣе являлись эти сокровища въ полутемнотѣ, въ которой онѣ еще находились, тѣмъ сильнѣе было желаніе ближе узнать ихъ и тѣмъ больше интересовались ими. И мы видимъ, что Петрарка на примѣръ, какъ и нѣкоторые другіе его современники, живо интересовался Платономъ. Но каковъ и насколько плодотворенъ и содержателенъ былъ этотъ интересъ, объ этомъ можно судить потому, что даже Петрарка не владелъ хорошо греческимъ языкомъ. Совѣтъ иное видимъ около

¹⁾ Въ сочиненіи «In calumniatorem Platonis» (Venetiis, 1503, p. 112), указывая печатателей Платона, Виссаріонъ говоритъ: Quid Albertum memorem: cui ob excellentem inter recentiores philosophos doctrinam: magno cognomen-tum fuit? Hic quanquam omnibus fere locis Aristotelem sequitur: nihil enim tunc Platonicæ disciplinæ in latinam linguam conversum habebatur: tamen vi quadam veritatis cogitur laudare Platonem propter paucissimam quaedam: quæ ex libris Procli interpretata perlegerat.

²⁾ Даже такіе неумѣренные защитники католицизма, каковъ Stöckl, признаютъ это (см. 3-й томъ его сочиненія Geschichte der Philosophie des Mittelalters, 1866, S. 276 folg.). Очень естественно, что схоластика одними своими барбаризмами могла возбудить ненависть гуманистовъ. Срав. Laug. Valla Opera, Basileæ, 1540, въ его «in libros suos dialecticos præfatio».

половины XV вѣка ¹⁾, когда—съ расширеніемъ гуманистическихъ стремленій—распространилось и усилилось и знаніе греческаго языка. Новая эпоха въ изученіи Платона начинается съ того времени, когда прибывшій съ другими греками на ферраро-флорентійскій соборъ Плиѳонъ явился въ кружокъ Козмо Медичи. Этотъ ученый и даровитый платоникъ не только сумѣлъ усилить уже существовавшій въ Италіи интересъ къ Платону, но и далъ для этого интереса серьезную подкладку, познакомивъ флорентійскихъ гуманистовъ съ подлиннымъ Платономъ. Пребываніе Плиѳона во Флоренціи было такъ важно въ указанномъ отношеніи, что именно съ этого времени Козмо возымѣлъ мысль — образовать около себя платоническій кружокъ, который принялъ бы названіе Академіи и исключительно занялся бы изученіемъ Платона ²⁾. Онъ позаботился научить греческому языку и дать философское образованіе знаменитому впоследствии Марсиліо Фичино, сыну своего врача, въ тѣхъ видахъ, чтобы тотъ сдѣлался потомъ переводчикомъ Платона и учителемъ его философіи. Марсиліо и осуществилъ эти надежды, образовавъ во Флоренціи одинъ изъ центровъ платонизма въ Италіи.

Другой подобный центръ образовался въ Римѣ и этимъ центромъ былъ кружокъ Виссаріона ³⁾. Между членами этого же кружка завязались и велись знаменитые споры о философіи

¹⁾ «Совѣмъ иное», разумѣется, сравнительно съ прежнимъ временемъ. Самъ Виссаріонъ въ своемъ сочиненіи «In calumniatorem Platonis» (lib. I, cap. 1, fol. 1 verso, по изд. 1503 г.) говоритъ: (homines latini) aut Platonis opera non habent: aut siqua habent in latinam linguam conuersa: ferraro ea legere consueuerunt. Или еще: Platonis opera prorsus Latinis esse ignota, raro existere Latine facta et hoc false et contorte; rarius etiam a Latinis legi.

²⁾ Наске, pag. 59, приводитъ слѣдующія слова Марсиліо Фичино (изъ praef. in Plotinum): Cosmus enim ex ejus (sc. Plethonis) ore ferventi, sic est afflatus protinus, sic animatus, ut inde Academiam quandam alta mente conceperit, hanc opportuno primum tempore pariturus.

³⁾ Изъ послѣдующаго изложенія относящихся сюда обстоятельствъ выясняется, какую бесспорно важную роль игралъ Виссаріонъ въ философской дѣятельности своего кружка и вообще въ философскомъ движеніи того времени. Вместе съ тѣмъ впрочемъ станетъ ясно и то, какъ преувеличиваетъ Вастъ, говоря, напримѣръ, о Виссаріонѣ (pag. 331): C'est lui qui eut véritablement la gloire de transporter en Italie le précieux dépôt de la philosophie grecque. C'est lui, qui la fit connaître et aimer и т. п. Даже изъ предыдущихъ замѣчаній видно, что французскій изслѣдователь въ этомъ случаѣ впадаетъ въ тонъ панегириста. Отъ этого упрека не свободенъ Вастъ и въ другихъ частяхъ своего, вообще весьма почтеннаго, труда.

Платона и Аристотеля, которые составляют одинъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи XV вѣка ¹⁾.

Вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ философіи Платона и Аристотеля, заинтересовавшій впоследствии весьма многихъ изъ наиболѣе видныхъ представителей гуманизма, былъ поднятъ Плиеономъ въ его сочиненіи: „О томъ, чѣмъ отличается Аристотель отъ Платона“ (*Peri tou 'Aristotelous pros Platonan diaferetai*) ²⁾. Это сочиненіе, написанное еще во время пребыванія Плиеона во Флоренціи ³⁾ и представлявшее въ высшей степени неумѣренное возвеличеніе Платона на счетъ Аристотеля, соединенное съ бранью послѣдняго, вызвало болѣе или менѣе рѣзкій отпоръ какъ на востокѣ, такъ и на западѣ. На востокѣ полемизировалъ съ Плиеономъ аристотеликъ Схolariй, на западѣ же—нѣсколько лицъ изъ кружка Виссаріона и, между прочимъ, отчасти самъ Виссаріонъ ⁴⁾. Явились и защитники Платона, по своему направленію или крайніе или умѣренные, и такимъ образомъ мало-по-малу завязалась весьма энергическая борьба между обѣими философскими партіями. При этомъ одинъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ полемики касался вопроса о томъ, разумно ли дѣйствуетъ природа, или нѣтъ. По изложенію самого Виссаріона въ его книгѣ „De natura et arte“ ⁵⁾,

¹⁾ Философскіе споры XV вѣка излагаютъ: Voivin, Buhle, Nascke и другіе. Но воплывъ отчетливаго изложенія этихъ споровъ, какъ кажется, еще нѣтъ пока. Мы съ своей стороны въ нижеслѣдующемъ изложеніи отмѣтимъ лишь главные моменты этой обширной полемики, такъ какъ частности заведи бы насъ слишкомъ далеко, и нѣсколько подробнѣе изложимъ лишь обстоятельства, предшествовавшія появленію капитальнаго сочиненія Виссаріона «In calumniatore Platoni».

²⁾ Библиографическія свѣдѣнія объ этомъ, крайне рѣдкомъ теперь, сочиненіи см. у Фабриція и Александра (Migne, tom. CLX, col. 777 и 799).

³⁾ Александръ въ своемъ предисловіи къ Плиеоновымъ «законамъ» (Migne, CLX, col. 799) говоритъ, что Плиеонъ составилъ это сочиненіе à Florence, étant malade, comme il nous l'apprend dans sa réplique à Gennadius, p. 113, ed. Gass (въ сочиненіи послѣдняго «Gennadius und Pletho»), и что онъ сдѣлалъ это по просьбѣ флорентійскихъ платониковъ и «вѣроятно самаго Медичи». Къ этому нужно прибавить, что еще въ Феррарѣ у грековъ были серьезныя пренія съ латинянами, въ частности съ Hugo Senensis, о философіи Платона и Аристотеля. Срав. любопытный, хотя едва ли вѣрный и безпристрастный рассказъ у Энео Сильвіо въ его Historia de Europa, cap. LII, pag. 450—451, по базельскому изданію.

⁴⁾ Ср. его переписку съ Плиеономъ у Мияя, CLXI, 713 sqq. и «Προς τὰ Πλάτωνα προς 'Αριστοτέλην περί οὐσίας» (ibid., col. CXLIX въ «notitia Fabricii»).

⁵⁾ Эта книга обменовенно издавалась выѣтъ съ четырьмя книгами «In calumn. Platoni». Въ изданіи 1503 г. она имѣетъ заголовокъ: «Bessarionis

дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Аристотель, во 2-й книгѣ своей физики, утверждалъ, что природа, какъ и искусство, все производитъ ради чего нибудь, съ цѣлю, но безъ разумнiя ¹⁾). Плионъ выступилъ противъ этого взгляда и доказывалъ вѣрность Платонова ученiя о томъ, что и природа, и искусство дѣйствуютъ съ разумнiемъ. Аристотеликъ (умѣренный впрочемъ) Теодоръ Газа въ свою очередь выступилъ противъ Плиона, а Виссарiонъ явился на защиту послѣдняго и отстаиваемаго имъ взгляда платониковъ на поднятый вопросъ. Сочиненiе Виссарiона было вмѣстѣ и отвѣтомъ Газѣ. Этимъ полемика однако не кончилась. Отвѣтъ Виссарiона вызвалъ возраженiе нѣкоего Георгiя Трапезунтскаго. Несомнѣнно талантливый человѣкъ, но крайне притязательный и самолюбивый, онъ потерялъ расположенiе Виссарiона. Стремясь отмстить за это и самому Виссарiону и Теодору Газѣ, котораго кардиналъ, за его глубокiя знанiя и умѣренность характера, предпочиталъ Георгiю и съ которымъ у него, кромѣ того, были свои счеты ²⁾),—Георгiй въ формѣ письма къ одному изъ своихъ корреспондентовъ составилъ памфлетъ противъ Платона и платониковъ, подъ заглавiемъ: „*Εὶ φύσις βουλεύεται*“. Но у Георгiя не хватило смѣлости обратить свои выходы прямо къ Виссарiону; съ другой стороны, ему хотѣлось „посчитаться“ съ своимъ счастливымъ соперникомъ Газой,—и вотъ онъ дѣлаетъ видъ, что авторомъ сочиненiя, написаннаго Виссарiономъ, считаетъ Теодора Газу, который—замѣтимъ—всегда былъ аристотеликомъ, хотя и довольно умѣреннымъ.

Въ отвѣтъ Виссарiона, который онъ не замедлилъ выпустить, обращаютъ на себя вниманiе прежде всего слѣдующiя мысли. „Я, писалъ Виссарiонъ, совсѣмъ не хочу скрывать своихъ сочиненiй. Мое первое желанiе—вѣрно говорить и мыслить; затѣмъ, если я въ чемъ заблуждаюсь (ибо я человѣкъ и не раздѣляю съ Богомъ непогрѣшимости), я желаю, чтобы моя ошибка была исправлена, все равно, другомъ ли или недру-

cardinalis sabini patriarchae constantinopolitani: de natura et arte adversus Georgium Trapezuntium Cretensem liber sextus.

¹⁾ Срав. Zeller, Ph. d. Gr., II Th., 2 Abth., 3 Aufl., S. 387.

²⁾ У Hacke (pag. 67) читаемъ: *Nicolaus Perottus refert primam contentionem Georgium inter et Theodorum, inde ortam esse, quod quum uterque Aristotelis libros De problematibus vertisset, magis a Pontifice et a Bessarione Theodori interpretatio laudaretur.*

гомъ, каковымъ сдѣлался Георгій—не по моей, конечно, винѣ. Для меня совершенно безразлично, другъ или врагъ исправляетъ меня, лишь бы получить мнѣ плодъ, котораго я желаю“ и т. п. ¹⁾). Какъ видимъ, Виссаріонъ имѣетъ на полемику весьма серьезный взглядъ, видя въ ней лишь средство раскрыть истину; и мы думаемъ, что, выражая такого рода взглядъ, онъ нимало не лицемѣрилъ. Не меньшаго вниманія заслуживаетъ и его откровенная, прямая рѣчь въ пользу Платоновой философіи. Въ ту пору римскому прелату нужно было имѣть весьма значительную дозу самостоятельности и независимости характера, чтобы выступить съ мнѣніемъ, шедшимъ какъ разъ въ разрѣзъ съ взглядами папы Николая V. Что касается самыхъ воззрѣній Виссаріона по предмету спора, то онѣ въ своей сущности не отличались отъ тѣхъ, которыя еще прежде были выражены имъ въ вышеупомянутомъ отвѣтѣ его Газѣ. Виссаріонъ старается здѣсь примирить обѣихъ древнихъ философовъ. Вотъ сущность его мыслей. Аристотель трактуетъ физику, какъ физикъ. По нему, физикъ долженъ заниматься только тѣмъ, что находится у него предъ глазами и что заключается въ самой природѣ. Аристотель допускаетъ, что природа имѣетъ въ себѣ причину движенія не активную, но пассивную. Но, по его мнѣнію, изслѣдовать первую, внѣ природы стоящую, причину движенія есть дѣло не физика, но метафизика. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, онъ не безъ основанія могъ утверждать, что природа дѣйствуетъ слѣпо, неразумно. Правъ съ своей точки зрѣнія и Платонъ, утверждавшій противное. Онъ допускаетъ, что причина движенія, наблюдаемаго въ природѣ, находится внѣ ея; но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ думаетъ, что природы, какъ такой, нельзя познать внѣ связи и безъ изученія той высшей причины, отъ которой она зависитъ. А эта причина, открываясь въ природѣ, необходимо сообщаетъ ея дѣйствіямъ разумность и осмысленность. „Отсюда слѣдуетъ, заключаетъ Виссаріонъ, что оба философа согласны между собою“ (т. е. въ томъ, что оба они признаютъ перваго двигателя существующимъ отдѣльно отъ природы), „и, съ своихъ точекъ зрѣнія, каждый изъ нихъ вѣрно и мудро говоритъ и мыслитъ“. Приведа за тѣмъ многочисленныя доказательства

¹⁾ De nat. et arte, cap. 3, fol. 106 verso по изданію 1503 г.

почтенія въ Платону въ римскомъ мірѣ, Виссаріонъ оканчиваетъ свой трудъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Выдающіеся умы полагали, что нельзя быть совершеннымъ философомъ, не углубившись въ ученіе обоихъ названныхъ философовъ... Георгій же думаетъ совершенно иначе и полагаетъ, что доктрину Платона нужно презирать и порицать... А мы будемъ, разумѣется, удивляться Аристотелю, но станемъ также удивляться и Платону и по возможности станемъ стараться извлечь пользу изъ ученія того и другаго“ ¹⁾.

Какъ видимъ, Виссаріонъ является здѣсь до нѣкоторой степени эклектикомъ. Съ перваго взгляда этотъ фактъ можетъ удивлять. Человѣкъ, получившій философское образованіе въ школѣ такого строгаго платоника, какимъ былъ Плионъ, является далеко не безусловнымъ сторонникомъ Платона. Что это значитъ? Прежде всего это значитъ, конечно, то, что философія Платона даже и въ изложеніи Плиона не могла совершенно изгладить впечатлѣній отъ философіи Аристотеля, въ которую Виссаріонъ былъ несомнѣнно посвященъ еще въ Греціи, гдѣ аристотелизмъ господствовалъ. Это значитъ, затѣмъ, что и въ послѣдующее время, при самостоятельномъ изученіи, по тому или другому поводу, философіи Платона и Аристотеля, Виссаріонъ не нашелъ достаточныхъ основаній для того, чтобы стать рѣшительно и безусловно на сторону одного изъ нихъ. По всей вѣроятности, на эклектизмъ Виссаріона произвело нѣкоторое вліяніе и то обстоятельство, что Аристотелева философія оказалась очень пригодной для цѣлей латинскаго богословія, въ частности напимѣръ для его систематизаціи. Виссаріонъ, какъ латинскій прелать, не могъ не цѣнить этого достоинства въ Аристотелѣ; а это обстоятельство въ свою очередь сказывалось и на его общемъ взглядѣ на стагирита. Но эта причина могла имѣть лишь второстепенное значеніе. Виссаріонъ былъ прежде всего мыслящій человѣкъ; по этому-то онъ и явился эклектикомъ, хотя и съ сильной платонической окраской. Эклектизмъ Виссаріона условливался складомъ его осмотрительнаго, трезваго ума, и ужъ конечно совсѣмъ не умственной безхарактерностью, чѣмъ такъ нерѣдко объясняется эклектизмъ дюжинныхъ умовъ. Вѣрность одной философской док-

¹⁾ Cf. H a c k e, 69 sqq.

тринѣ чаще всего, повидимому, объясняется увлекующимся характеромъ ума, а не его силой. Виссаріонъ былъ совсѣмъ чуждъ подобныхъ увлеченій; его умъ былъ умъ анализирующій, критическій,—и вотъ причина того, что онъ—какъ потомъ оказалось—платоникъ по основному характеру своихъ философскихъ воззрѣній, и въ изложенныхъ уже эпизодахъ философскихъ споровъ не отнесся отрицательно и къ Аристотелю.

Около того же приблизительно времени вышли критическія замѣчанія Виссаріона на переводъ Платонова сочиненія о законахъ, сдѣланный Георгіемъ Трапезунтскимъ. Не вѣрно было бы совершенно исключать возможность того, что къ выпуску этихъ замѣчаній побуждало Виссаріона и простое чувство досады на своего противника, чувство весьма естественное и отъ котораго Виссаріонъ, просто какъ человѣкъ, не могъ быть свободенъ. Но, съ другой стороны, было бы несправедливо видѣть въ этомъ главный мотивъ. Виссаріонъ всей своей жизнью въ Италіи показываетъ, что мелочные и личные мотивы онъ старался подчинять высшимъ побужденіямъ. И въ данномъ случаѣ, къ составленію критическихъ замѣчаній на Георгіевъ переводъ, безъ сомнѣнія побуждала Виссаріона больше и главнѣе всего досада почитателя великаго грека и досада вообще человѣка ученаго, уважающаго чужую мысль и ея выраженіе. А Георгій дѣйствительно искажилъ Платона ¹⁾.

Спустя нѣсколько лѣтъ споръ о Платоновой и Аристотелевой философіи опять возникъ, но въ немъ, за исключеніемъ Виссаріона, приняли участіе уже другія лица. Молодой, горѣвшій нетерпѣніемъ на чемъ нибудь показать свою удалъ, особенно въ лестной борьбѣ противъ какого нибудь знаменитаго противника, а вмѣстѣ съ тѣмъ надѣясь сдѣлать пріятное платонику Виссаріону ²⁾, Апостолій написалъ противъ Газы, убѣжденнаго сторонника Аристотеля, весьма рѣзкое сочиненіе.

¹⁾ См. Наске, 72; Vast, 338. Разсматриваемое сочиненіе Виссаріона въ изданіяхъ *„In calumpniatorem Platonis“* составляетъ 5-ю книгу.

²⁾ Такой расчетъ Апостолія, особенно на первый взглядъ, представляется нѣсколько непонятнымъ, потому что не могъ же Апостолій совсѣмъ не знать взгляда Виссаріона на Аристотеля и Платона, а также и его отношеній къ аристотелику Газѣ. Недоумѣніе это можно, по крайней мѣрѣ отчасти, разрешить тѣмъ, что Виссаріонъ, если и былъ электикомъ, то съ сильнымъ платоническимъ оттѣнкомъ.

Виссаріонъ, какъ оказалось, былъ въ высшей степени раздосадованъ этой выходкой молодого человѣка. Онъ былъ недоволенъ имъ и ради его самого (сочиненіе Апостолія съ худой стороны рекомендовало его), и ради Θεодора, и ради Аристотеля. Но, или считая для себя неприличнымъ вступать въ полемику съ молодымъ Апостолиемъ, или не имѣя къ тому возможности вслѣдствіе какихъ либо дѣлъ или даже болѣзни ¹⁾, Виссаріонъ сначала не возражалъ Апостолю. Это сдѣлалъ (можетъ быть съ его согласія и даже по его приглашенію) Андроникъ Каллистъ, перипатетикъ, но умѣренный и тѣмъ самымъ симпатичный Виссаріону. Свой отвѣтъ, вмѣстѣ съ вызвавшимъ его сочиненіемъ Апостолія, Андроникъ представилъ на оцѣнку Виссаріона. Послѣдній естественно высказался за Андроника и противъ Апостолія ²⁾. Свой взглядъ на оба эти сочиненія и на самый спорный предметъ Виссаріонъ изложилъ въ письмѣ къ Апостолю. Это письмо на столько характерно, что мы приведемъ его въ полномъ видѣ.

„Виссаріонъ кардиналъ Михаилу Апостолю (желаетъ) быть умнѣе ³⁾).

„Медленнѣе, чѣмъ какъ ты думалъ, но за то въ болѣе отдѣланномъ видѣ дошло до насъ твое сочиненіе въ защиту Плиѳона, противъ Θεодора Газы. Ибо Андроникъ, сынъ Каллиста, сначала самъ разобралъ его, а затѣмъ прислалъ его ко мнѣ вмѣстѣ съ своими замѣчаніями. Твоимъ порывомъ (защитить Платона) и тѣмъ, что ты благорасположенъ къ Платону и его послѣдователямъ, я полюбовался; но не похвалилъ твоей манеры защиты (философа). Не бранью противника, но доказательствами и силой аргументовъ слѣдуетъ защищать друга и опровергать врага. Поэтому, если Плиѳонъ сказалъ что нибудь оскорбительное объ Аристотелѣ, если Θεодоръ обидѣлъ чѣмъ нибудь Плиѳона, если ты злословилъ Θεодора, то, на мой взглядъ, все это сказано было не такъ, какъ слѣдовало. Ибо

¹⁾ Срав. письмо Виссаріона къ Андронику Каллисту у Миня, t. CLXI, col. 693. А., а также дату нижеприводимаго письма его къ Апостолю.

²⁾ Отвѣтъ Андроника понравился и Николаю Секундану. См. письмо послѣдняго къ Андронику у Миня, t. CLXI, col. 692. D sqq.

³⁾ Τὰ βελτίω φρονεῖν. Это чтеніе, какъ и весь вообще текстъ письма Виссаріона, взято Минемъ (t. CLXI, col. 688) изъ изданія Буавина младшаго въ *Memoir. Acad. Inscr.*, t. II. Въ одной рукописи есть чтеніе χαίρειν (Migne, *ibid.*), но оно не мирится съ общимъ тономъ письма.

не должно поносить ни Аристотеля, который далъ намъ такъ много хорошаго,—ни Плиѳона, человѣка мудраго и по истинѣ великихъ дарованій; развѣ только кто нибудь скажетъ, что, первый начавъ злословить, онъ чрезъ то далъ нѣкоторое основаніе извинять и другихъ поносителей. Теодоръ же, мужъ изъ первыхъ (ἐν τοῖς πρώτοις ὄν) между нынѣшними греками, всего менѣе заслуживаетъ слышать отъ тебя худое,—онъ, старикъ, отъ тебя, человѣка еще юнаго, который не усвоилъ себѣ надлежащимъ образомъ логическихъ доказательствъ и наукъ, между тѣмъ какъ онъ прошелъ всю мудрость и всякое знаніе; въ особенности когда дѣло касается вопросовъ, важнѣйшихъ во всей философіи, которые выше обыкновеннаго пониманія, о которыхъ не можетъ говорить и которыхъ не въ состояніи исполнѣ понять тотъ, кто много не трудился въ философіи и тщательно не изучалъ наукъ.

„Поэтому мнѣ тяжело было слышать твое обвиненіе Теодора въ невѣжествѣ. А что такія же выходы пришлось вытерпѣть отъ тебя даже самому Аристотелю, который для насъ служить вождемъ всякой науки и котораго ты, увы! обозвалъ и неучемъ, и злымъ (χαχοῦδη), и безумнымъ, и неблагодарнымъ,—то это, по моему мнѣнію, превосходить всякую дерзость и наглость. Я едва могу слышать, или—лучше—не могу слышать самаго Плиѳона, даже и такого человѣка (ἀνδρὸς τοιοῦτου), когда онъ бросаетъ такія слова Аристотелю; не говорю уже о тебѣ, который въ этой области совсѣмъ еще новичекъ (μῦθε μὴδὲν περὶ τῶν γε τοιοῦτων ἡκριβωχότος).

„Посему, если ты сколько нибудь довѣряешь мнѣ, то, считая и Платона и Аристотеля мудрѣйшими людьми и идя по ихъ слѣдамъ, возьми ихъ обоихъ своими руководителями. При этомъ, путемъ собственнаго изученія и размышленія, и при помощи хорошихъ учителей, прежде всего старайся понять глубокій смыслъ рѣчей того и другаго философа. Ибо эти два мужа говорятъ не такъ, чтобы всякій желающій легко могъ понять ихъ. Затѣмъ, если въ чемъ нибудь они расходятся, то, считая это знакомъ не невѣжества, нѣтъ! но ихъ великой способности и таланта къ разсужденію, а также и того, что вопросы, ими затрогиваемые, по неясности и темнотѣ самаго дѣла, могутъ быть рѣшены и такъ и иначе,—удивляйся ихъ мудрости и благодари ихъ за то добро, которымъ мы обязаны

имъ. Поступая такимъ образомъ, ты и о себѣ лучше позаботишься, и мнѣ, а также и всѣмъ здравомыслящимъ людямъ доставишь удовольствіе. А теперь, думая сдѣлать (мнѣ) угодное, ты, напротивъ, причинилъ огорченіе, какъ тѣмъ, что людей, не заслуживавшихъ брани, столь открыто поносилъ, такъ и тѣмъ, что показалъ свое далеко не полное знакомство съ ихъ произведеніями. — Лучше сдѣлаешь ты, если къ Θεодору будешь относиться съ почтеніемъ и во всемъ пользоваться имъ, какъ учителемъ. Ибо онъ такой человѣкъ, который можетъ принести пользу и тебѣ и многимъ другимъ. Что же касается меня, то — чтобы ты снова не сталъ ошибочно думать угодить мнѣ, говоря такія рѣчи о такихъ людяхъ, — знай, что я люблю Платона, люблю и Аристотеля, и почитаю ихъ обоихъ, какъ мудрѣйшихъ. Я высоко цѣню великій умъ и дарованія Плиѳона, но такого рода борьбу и вражду его противъ Аристотеля не хвалю. Я желалъ бы, чтобы и онъ по отношенію къ Аристотелю, и всѣ другіе — по отношенію ли къ тѣмъ двумъ величайшимъ философамъ, или къ самому Плиѳону и всѣмъ остальнымъ — соблюдали (въ своихъ отзывкахъ) такую же осторожность, съ какою Аристотель опровергалъ бывшихъ до него (философовъ). Онъ всегда... воздерживался отъ брани. Даже и тогда соблюдаетъ онъ мѣру, когда съ особенной силой нападаетъ на противника. ...»Эти люди не отвѣдали діалектики“, — вотъ верхъ его насмѣшки.

„А мы, маленькіе человѣчки и какъ бы обезьяны въ сравненіи съ этими героями, — мы осмѣлимся назвать ихъ неучами (ἀμαθεῖς) и смѣяться надъ ними больше, чѣмъ смѣялась комедія (древняя) надъ приверженцами Клеона и Гипербола? Кто мы!? Какое у насъ знаніе, какое пониманіе сущаго!? Такая выходка глупа и до очевидности сумасбродна. Не думай, хороший человѣкъ (ὃ βέλτιστε), что ужъ если Плиѳону, мудрому и почтенному мужу, или Плотину, Атигу и Порфирію, или кому нибудь другому изъ подобныхъ имъ, которые дышали Платономъ и Аристотелемъ, — если такимъ людямъ случалось исправлять погрѣшности (εὐδύνασι) у Платона и Аристотеля и иногда даже порицать ихъ, то, значить, и намъ позволительно дѣлать тоже самое. Ибо для нихъ служить большимъ извиненіемъ и то, что они жили или при Платонѣ и Аристотелѣ, или немного позднѣе ихъ, и то, что въ ту пору шли постоян-

ныя и, тѣмъ не меньше, проникнутыя духомъ спора разсужденія (τό τε συνεχεῖς τότε καὶ οὐχ ἥττον ἐριστικὰς γίνεσθαι τὰς διαλέξεις),—и то, что въ то время еще не погасла зависть, и то, что (эти критики) были во всеоружіи мудрости. А намъ, которые остаемся такъ далеко позади ихъ, давно уже пользующихся авторитетомъ въ глазахъ всѣхъ,—намъ нѣтъ извиненія (въ нашихъ выходахъ).

„Поэтому ты, безъ всякаго права разбранившій Аристотеля, а Плиѳона все таки не защитившій (ибо въ такихъ рѣчахъ для своей защиты онъ не нуждается), и несправедливо обругавшій Теодора, человѣка мудраго, чѣмъ ты не только не доставилъ мнѣ никакого удовольствія, а напротивъ сдѣлалъ большую неприятность,—послѣдуй моему совѣту, совѣту человѣка, дружественно расположеннаго къ тебѣ, который желаетъ тебѣ лучшаго и молится объ этомъ вмѣстѣ съ тобою (συνευχομένῳ): откажись отъ сказаннаго прежде (ἄσπον παλινφθίαν) и упомянутыя несправедливыя порицанія изгладь (ἀπόκλυσσον) похвалами и добрыми словами. Къ возраженіямъ же Андроника относясь разумно и съ спокойной мыслию, уважай истину его доводовъ и, по примѣру его, положивъ сначала достаточно труда на изученіе грамматики, орѳографіи, также на изученіе риторики и приобрѣтеніе умѣнья правильно и изящно выражаться на бумагѣ, переходи потомъ къ болѣе важному, и къ самой философіи. Дѣлай дѣло хорошенько и то, что сказано (мною), считая увѣщаніемъ любящаго человѣка, послѣдуй (данному тебѣ) совѣту.

„Писано на Витербійскихъ теплыхъ купаньяхъ, 19-го мая 1462 года отъ Христа“.

Какъ ни ясно, по крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ основнымъ пунктамъ, успѣлъ Виссаріонъ высказать свои преимущественныя симпатіи къ Платону уже въ этотъ періодъ, какъ ни много способствовалъ онъ справедливой оцѣнкѣ современниками этого мыслителя, дотолѣ пренебрегаемаго на западѣ, а вмѣстѣ и установленію болѣе трезваго взгляда на Аристотеля,—все же это дѣлалось Виссаріономъ лишь по частнымъ поводамъ и только по нѣкоторымъ вопросамъ. Притомъ нужды образованнаго итальянскаго и въ частности римскаго общества были въ ту пору далеко неодинаковы по отношенію къ обоимъ названнымъ философамъ. Аристотель уже и безъ того царилъ

здѣсь со времени средних вѣковъ; а для излеченія отъ пристрастія къ нему было пока достаточно и того, что было сдѣлано досель, по разнымъ поводамъ, Виссаріономъ и его друзьями. Для Платона требовалось сдѣлать гораздо больше. Чтобы возвратить ему вліяніе на умы, нужно было защитить его отъ все еще тяготѣвшаго на немъ подозрѣнія въ томъ, что онъ по преимуществу противенъ христіанскому ученію, и вообще указать надлежащую точку зрѣнія на него, какъ и на всѣхъ языческихъ философовъ. Нужда въ этомъ чувствовалась и прежде; но попытки удовлетворить ее, судя по вышеуказанной полемикѣ, были лишь частичныя. Этой нуждѣ, а равно и нѣкоторымъ другимъ философскимъ запросамъ времени, суждено было удовлетворить Виссаріону.

Поводомъ, вызвавшимъ Виссаріона на этотъ трудъ, послужило выпущенное Георгіемъ Трапезунтскимъ сочиненіе подъ названіемъ: „Сравненіе Платона и Аристотеля“. Очень возможно, что эта книга была написана въ надеждѣ приобрѣсти расположеніе крайне консервативнаго и въ высшей степени не расположеннаго ко всякимъ гуманистическимъ и другимъ новшествамъ папы Павла II; а Платонова философія въ глазахъ такихъ людей, какъ Павелъ, была тоже новшествомъ и притомъ весьма опаснымъ ¹⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ Георгій могъ надѣяться и отомстить Виссаріону, направляя свое сочиненіе, хоть и не прямо, противъ него, извѣстнаго, хотя и умѣреннаго, поклонника Платона. Виссаріонъ не могъ не принять вызова не только потому, что книга Георгія сильно дискредитировала его въ глазахъ, и безъ того не особенно расположеннаго къ нему, папы и „добрыхъ католиковъ“, но и потому, что возведенныя здѣсь на Платона обвиненія были, дѣйствительно, возмутительны своей безсовѣстностью. Спокойно выслушать ихъ и оставить безъ опроверженія не могъ такой свѣтлый умъ и такой справедливый характеръ, какъ Виссаріонъ ²⁾.

¹⁾ О взглядѣ средневѣковыхъ богослововъ на Аристотеля, авторитетъ котораго они ставили наравнѣ съ авторитетомъ Августина и церкви, даже Писанія, срав. Hagenbach, Vorlesungen über die Kirchengeschichte des Mittelalters, II-er Theil, Leipzig, 1861, S. 134 folg.

²⁾ Vast, p. 345, говорить: il y avait donc quelque péril à braver en face la volonté toute—puissante du pontife. И дальше: Son (Виссаріона) acte de courage subsiste donc tout entier. Вѣрнѣе представлять дѣло слѣдующимъ образомъ. Для Виссаріона, бесспорно, было неудобно защищать Платона, но по-

Свое отвѣтное сочиненіе, названное имъ „Противъ клеветника на Платона“¹⁾, Виссаріонъ начинаетъ изложеніемъ ожиданій, съ которыми онъ приступилъ къ чтенію Георгіева сочиненія. Виссаріонъ ожидалъ на примѣръ, что если Трапезунтскій выскажется за Аристотеля и противъ Платона, то онъ покажетъ основанія, которыя побудили его къ этому. Поэтому Виссаріонъ приступилъ къ чтенію съ интересомъ. Но уже начало книги, наполненное одной бранью противъ Платона, нѣсколько разочаровало его. Однако онъ помирился и съ этимъ и ждалъ, что по крайней мѣрѣ въ слѣдующихъ частяхъ своего сочиненія Трапезунтскій будетъ говорить дѣло. Виссаріонъ обманулся и въ этой надеждѣ. Прочитавъ книгу, онъ „вмѣсто сокровищъ, которыхъ ждалъ, нашелъ тамъ, какъ говорится, уголья“: брань, злословіе противъ Платона, и ничего больше.

что также неудобно было и оставлять безъ отвѣта вызовъ Георгія Трапезунтскаго, — и онъ взялъ изъ двухъ золь одно, хотя, допустимъ, и большее.

1) Мы пользовались венеціанскими изданіями Альда Манудчі 1503 и 1516 годовъ. (Первое изъ названныхъ изданій находится и въ С.-Петербургской Императорской Публичной Библиотекѣ). Но такъ какъ вполнѣ воспользоваться этимъ сочиненіемъ Виссаріона мы, по обстоятельствамъ, не могли, то и вынуждены брать нѣкоторыя выдержки у Гакке, который пользовался изданіемъ 1503 г. (см. его «Disputatio», p. 80), и отчасти у Васта пользовавшагося римскимъ изданіемъ 1469 г. (см. Not. bibliogr. въ его книгѣ). Въ такихъ случаяхъ цитруемъ прямо Гакке и Васта. Что касается подлиннаго латинскаго заглавія Виссаріонова сочиненія, то опредѣлить его, при имѣющихся у насъ подъ руками данныхъ, представляется пока затруднительнымъ. Ни Фабрицій съ Гарлезіемъ, ни слѣдующіе доступные намъ изслѣдователи не говорятъ о томъ, какъ озаглавливается оно въ различныхъ рукописяхъ: «In calumniatoreм Platonis» или «Adversus calumniatorem Platonis». Что касается римскаго editio princeps, то оно, если только Вастъ точенъ, озаглавливалось «Adversus calumniatorem Platonis» (Vast, pag. XIII). Однако тотъ же Вастъ, въ противорѣчіе съ этимъ, говоритъ на стр. 347: Voici le titre exact: Bessarionis cardinalis Nicaeni et patriarchae constantinopolitani in calumniatorem Platonis libri IV, opus varium ac doctissimum, in quo praeclarissima quaeque et digna lectu, quae a Platone scripta sunt ad homines, tam moribus quam disciplinis instruendos, breviter clareque et placido stilo narrantur. (Замѣтимъ кстати, что слова, начиная съ opus, какъ видно изъ нихъ самихъ, не могутъ принадлежать Виссаріону, какъ это и отмѣтилъ Манудчі въ своемъ изданіи 1503 года). Въ изданіи 1503 года въ самомъ началѣ, послѣ словъ: quae hoc in volumine tractantur — напечатано то, что Вастъ принимаетъ за le titre exact: «Bessarionis...» и т. д. Въ заголовкахъ къ отдѣльнымъ книгамъ вездѣ напечатано in calumniatorem Platonis. Не имѣя пока данныхъ выяснитъ вопросъ во всѣхъ подробностяхъ, позволимъ лишь высказать общее предположеніе, что, быть можетъ, и самъ Виссаріонъ и его современники довольно безразлично употребляли выраженіе in и adversus calumniatorem Platonis для обозначенія разсматриваемаго сочиненія.

Виссаріонъ изумился. Его удивило то, что превознося,—и совершенно справедливо, какъ соглашается Виссаріонъ,—учесть и прочія достоинства Аристотеля, Георгій не находитъ у Платона ничего хорошаго, считаетъ его невѣждой и человѣкомъ безнравственнымъ, а его ученіе—совершенно противнымъ христіанству. Виссаріонъ предпринялъ доказать живость всѣхъ подобныхъ утвержденій и обвиненій Трапезунтскаго, побуждаемый къ этому не только чувствомъ справедливости по отношенію къ Платону и не только желаніемъ возстановить по этому вопросу авторитетъ св. отцовъ, всегда съ особеннымъ уваженіемъ относившихся къ Платону и даже почерпавшихъ у него доказательства христіанскихъ положеній ¹⁾, но также и желаніемъ уничтожить или предупредить зло, которое можетъ произойти отъ книги Трапезунтскаго для ея читателей. Достоинства Платона самого по себѣ не уменьшатся отъ выходки Трапезунтскаго, но Платонъ можетъ потерять свое значеніе для читателей книги Трапезунтскаго, если эти читатели вмѣстѣ съ названной книгой не прочтутъ и ея опроверженія. Вѣдь латиняне, замѣчаетъ Виссаріонъ, самихъ сочиненій Платона или не имѣютъ, или если имѣютъ нѣкоторыя въ переводѣ, да и то плохомъ, то весьма рѣдко заглядываютъ въ нихъ ²⁾. Виссаріонъ намѣренъ писать не ради того, чтобы спорить съ своимъ

¹⁾ Виссаріонъ говоритъ между прочимъ: если теперь кто нибудь вооружается противъ Платона, который есть одна изъ вѣншихъ опоръ христіанства, то тотъ очевидно благопріятствуетъ противникамъ христіанства (fol. 1 verso, ed. 1516). Мысль, во время Павла II, очень смѣлая. Говорить такъ, значило—бросать въ противниковъ то самое обвиненіе, которое обращали противъ платониковъ лица подобныя папѣ Павлу.

²⁾ Qui (i. e. homines latini) aut Platonis opera non habent, aut si qua habent in latinam linguam conversa, pergaro ea legere consueverunt (fol. 2). Насколько ниже Виссаріонъ говоритъ, что латиняне vel Platonis libros non habent, vel, vitio interpretum, ita obscuros habent, ineptos, mendosos, ut vix legi sine stomacho possint (lib. 1, cap. 5). Въ другомъ мѣстѣ свое намѣреніе подробно изложить мнѣнія Платона Виссаріонъ мотивируетъ тѣмъ, что эти мнѣнія omnibus fere latinis ignotae sunt, partim quia libri eius in romanam conuersi linguam non habentur, partim quodsi qui habent (habentur?), interpretum vitio, minus recte sententiam sui expriment authoris (fol. 13). Свидѣтельство весьма замѣчательное. Въ точности его сомнѣваться нѣтъ основаній: Виссаріонъ едвали не болѣе, чѣмъ всякій другой, былъ въ состояніи имѣть вѣрныя свѣдѣнія относительно этого предмета. Намѣренно же говорить неправду онъ не имѣлъ никакого основанія, да это и не было въ его характерѣ. Но вотъ еще свидѣтельство другаго лица, Плинеона. Онъ писалъ: τὸς οὖν οἱ μῆτε Ἰκανῶς Ἀριστοτέλους συνέντας, Πλάτωνος δὲ καὶ τῶν Πλάτωνος λόγων παντάσῃ ἀπειραί,...

противникомъ, а ради того, чтобы раскрыть истину; онъ со-всѣмъ не хочетъ платить за брань бранью и даже не думаетъ называть его имени, отчасти изъ уваженія въ прежней пріязни между ними, отчасти вслѣдствіе своего всегдашняго отвращенія къ злорѣчію, отчасти, наконецъ, потому, что защитникъ Платона нисколько не выиграетъ, если будетъ осыпать бранью „клеветника на Платона“. Какъ не похожи такіе приемы полемики на тѣ, которые практиковались почти всѣми гуманистами въ ту пору! Но въ полемикѣ Виссаріона замѣчается еще болѣе важная черта. При всей своей склонности къ Платону, онъ былъ чуждъ желанія унижать Аристотеля,—явленіе почти непримѣрное въ ту пору и во всякомъ случаѣ крайне рѣдкое. Въ то время платоники не хотѣли признавать ничего хорошаго у Аристотеля, аристотелики же не находили ничего добраго у Платона. Виссаріонъ намѣренъ въ своемъ сочиненіи отдать должное обоимъ древнимъ мыслителямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далекъ отъ желанія доказывать, что Платонъ былъ, по своимъ воззрѣніямъ, христіанинъ, какъ подобное сдѣлалъ Георгій относительно Аристотеля. Вообще, онъ считаетъ своимъ долгомъ лишь защитить Платона и указать, въ какихъ пунктахъ его философія заслуживаетъ предпочтенія предъ философіею Аристотеля, не закрывая однако же глазъ на преимущества Аристотелевой философіи предъ Платоновой въ другихъ пунктахъ. Такая точка зрѣнія дѣлаетъ великую честь Виссаріону.

Въ своемъ изложеніи Виссаріонъ шагъ за шагомъ слѣдуетъ за Трапезунтскимъ. Послѣдній, въ первой книгѣ своего сочиненія, обвинялъ Платона въ томъ, что онъ не далъ правилъ методы, какъ это сдѣлалъ Аристотель, и что, вслѣдствіе этого, его сочиненія преисполнены лишь нелѣпостями, противорѣчіями, поверхностными, дѣтскими мыслями. Во второй книгѣ Георгій доказывалъ, что мнѣнія Аристотеля согласны съ ученіемъ нашей религіи, между тѣмъ какъ мнѣнія Платона находятся въ противорѣчій съ христіанствомъ и слѣдовательно ложны. Въ третьей книгѣ онъ доказывалъ крайнюю безнравственность Платона, находя въ немъ всевозможные пороки.

Ἐκείνου ἂν εἴεν (т. е. латиняне) τοῦ ἀνδρῶν τούτων (т. е. для Платона и Аристотеля) хριστῆ. Migne, CLX, 801. См. тамъ же подобное замѣчаніе Георгія Трапезунтскаго.

Свое опроверженіе Виссаріонъ начинаеть съ разбора обвиненій, содержащихся въ первой книгѣ Трапезунтскаго. Эта часть Виссаріонова труда особенно интересна и важна по высказаннымъ въ ней мыслямъ, по точкѣ зрѣнія на Платона, по методу Виссаріоновыхъ доказательствъ и, наконецъ, по содержащимся здѣсь драгоценнымъ даннымъ объ ученыхъ симпатіяхъ Виссаріона, его вкусахъ и кабинетныхъ работахъ, — даннымъ, позволяющимъ проникнуть въ нѣкоторые изъ самыхъ интимныхъ уголковъ его духовной жизни. Къ сожалѣнію, при изложеніи Платоновой философіи, Виссаріонъ не остался вполне свободнымъ и независимымъ отъ александрійскихъ неоплатониковъ, комментировавшихъ Платона, и вслѣдствіе этого приписывалъ иногда Платону то, что ему не принадлежитъ ¹⁾.

Остановливаясь на первомъ возраженіи Георгія, Виссаріонъ прежде всего старается поколебать почву подъ ногами противника, доказывая, что если Платонъ не оставилъ послѣ себя вполне развитой системы, то отсюда еще не слѣдуетъ, что такой системы у него и не было. По мысли Виссаріона (какъ увидимъ далѣе, общей въ древнее время), Платонъ при изложеніи своего ученія поступаетъ точно также, какъ поступали Пифагорейцы и вообще всѣ древніе философы, какъ поступали даже друиды въ болѣе позднее время, по свидѣтельству Ю. Цезаря ²⁾. Раздѣляя свою философію на эсotericескую и экзotericескую, Платонъ не находилъ нужнымъ и удобнымъ посвящать толпу въ свои мысли о предметахъ высшихъ. Поэтому, въ своихъ сочиненіяхъ, онъ или совсѣмъ не касался высшихъ вопросовъ, или, если касался ихъ, то давалъ отвѣты краткіе, неясные и загадочные. А что Платонъ дѣйствительно не хотѣлъ посвящать всѣхъ въ свои мысли, это видно изъ одного мѣста въ его Федрѣ и изъ двухъ писемъ — къ Діонисію и къ друзьямъ Діона.

Легко усмотрѣть, что, раздѣляя Платонову философію на эсotericескую и экзotericескую, Виссаріонъ слѣдуетъ александрійскимъ неоплатоникамъ, нашедшимъ въ этомъ хорошее средство поддержать авторитетомъ имени Платона свои собственные воззрѣнія ³⁾. Послѣднія изслѣдованія доказали, что

¹⁾ Cf. Hacke, 89; Vast, 349.

²⁾ De bello gallico l. VI, c. XIV.

³⁾ Hacke, 95.

Платонъ совсѣмъ не задавался мыслію о раздѣленіи своей философіи на философію для посвященныхъ и непосвященныхъ ¹⁾. Но мы, конечно, не поставимъ этой ошибки въ вину Виссаріону, если вспомнимъ, что указанный взглядъ держался до самаго послѣдняго времени. Не поставимъ ему въ вину и того, что онъ ссылается на письма, признаваемые теперь не подлинными ²⁾. Можетъ нѣсколько удивить лишь его ссылка на мѣсто изъ Федра ³⁾, гдѣ очевидно выражена лишь та мысль, что письмо не имѣетъ самостоятельной цѣнности, что все его значеніе состоитъ въ напоминаніи объ устной рѣчи, но гдѣ нѣтъ и намека на то, что содержаніе устныхъ бесѣдъ не слѣдуетъ записывать, и откуда, слѣдовательно, совсѣмъ не видно, что Платонъ не хотѣлъ посвящать всѣхъ въ свои мысли по высшимъ вопросамъ ⁴⁾. Однако и здѣсь Виссаріонъ находитъ достаточное оправданіе для себя въ томъ, уже указанномъ, обстоятельстве, что лишь въ послѣднее время вопросъ объ эзотерикахъ и экзотерикахъ получилъ надлежащее разрѣшеніе.

Другія замѣчанія, которыя предпосылаетъ Виссаріонъ сравненію Платоновой и Аристотелевой философіи по существу, состоятъ въ слѣдующемъ. Въ пользу превосходства Аристотеля предъ Платономъ нѣсколько не говоритъ тотъ фактъ, что Аристотель сдѣлалъ письменное систематическое изложеніе различныхъ дисциплинъ, тогда какъ Платонъ ничего такого не сдѣлалъ. Если оцѣнивать сравнительное достоинство двухъ названныхъ философовъ съ точки зрѣнія систематизаціи философскаго знанія, то въ такомъ случаѣ пришлось бы также и Гермогена Тарскаго поставить по краснорѣчію выше Димосѣна, такъ какъ первый весьма хорошо изложилъ правила риторическаго искусства, между тѣмъ какъ Димосѣенъ ничего такого не написалъ. Притомъ никто другой, какъ именно Платонъ

¹⁾ Zeller, Phil. d. Gr., II Theil, I Abth., 3 Aufl., S. 419 folg.; Карповъ, Сочиненія Платона, изд. 2-е, ч. I, стр. 28.

²⁾ Zeller, l. c., S. 387. 421.

³⁾ Вотъ часть этого мѣста (Phaedrus, 275) въ латинскомъ переводѣ: *o artificiosissime Theut, haec scientia (т. е. буквѣ, изобрѣтенныхъ Теутомъ) oblivionem animis afferet, propter memoriae negligentiam, quippe qui, externis litterarum confidentes monumentis, res ipsas intus non recordaturi sint.* Наске, 94. Срав. Карпова, Сочиненія Платона, изд. 2, ч. IV, стр. 107.

⁴⁾ Zeller, l. c., S. 420, Anm. 1; Наске, 96.

же, былъ первою причиною того, что Аристотель впоследствии изложилъ системы наукъ: Аристотель цѣлыхъ двадцать лѣтъ слушалъ Платона. Наконецъ, доказательствомъ великихъ достоинствъ Платона и его философіи служатъ и отзывы о немъ и его ученіи платониковъ, перипатетиковъ, а также и многихъ древнихъ отцовъ церкви.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, Виссаріонъ разсматриваетъ отдѣльныя дисциплины философіи и находитъ, что въ важнѣйшихъ изъ нихъ Платонъ сдѣлалъ весьма многое. Такъ, ничего не можетъ быть лучше того, что устами Сократа высказалъ Платонъ въ Федръ (§ 260—273). Выраженные тамъ мысли можно назвать краткимъ изложеніемъ риторики, которое потомъ было лишь раскрыто Аристотелемъ въ частностяхъ въ его сочиненіи по риторикѣ. Что Платонъ имѣлъ глубокія познанія въ риторикѣ, это доказывается и тѣмъ, что онъ образовалъ такихъ превосходныхъ ораторовъ, какъ Димосенъ и Гиперидъ. Очень понятно послѣ этого, что Цицеронъ, судья авторитетный въ этомъ дѣлѣ, удивлялся его ораторскому искусству ¹⁾ и высказывалъ, что рѣчь Платона, богатая образами и въ высшей степени оживленная, вполне способна образовать оратора. Съ неменьшимъ почтеніемъ относился къ Платону и Гермогенъ, знаменитый риторъ изъ Тарса. Но отдавая Платону должную дань уваженія, Виссаріонъ совсѣмъ не думаетъ оспаривать заслугъ Аристотеля въ этой области ²⁾.

Въ вопросѣ о риторикѣ Виссаріонъ, какъ видимъ, особенно сильно упираетъ на тотъ пунктъ, что Аристотель былъ собственно лишь продолжателемъ дѣла, начатаго Платономъ. Эту же точку зрѣнія удерживаетъ онъ, говоря о діалектикѣ обоихъ философовъ. Аристотель, соглашается Виссаріонъ, превосходно описалъ всѣ роды силлогизмовъ; но въ этомъ онъ имѣлъ учителемъ Платона. А что Платонъ зналъ различные виды силлогизмовъ, это видно изъ того, что онъ пользовался ими въ своихъ діалогахъ. Такимъ образомъ, въ вопросахъ риторики и діалектики нельзя говорить о превосходствѣ Аристотеля предъ

¹⁾ Виссаріонъ точно передаетъ взглядъ Цицерона. Срав. напримѣръ *De oratore*, I, XI, 47, гдѣ Платонъ называется *orator summus*.

²⁾ *Sed nec Aristoteles reprehendendus est, quod prolixius artem tractarit, dum peculiariter de iis disseruit, quae et nondum scripta habebantur et cog-nitu erant necessaria.*

Платономъ. Нельзя даже говорить этого и по отношенію къ нѣкоторымъ вопросамъ естественной философіи. Впрочемъ, въ наукахъ естественныхъ и физическихъ Виссаріонъ, говоря вообще, отдаетъ преимущество Аристотелю предъ Платономъ. Но за то онъ отдаетъ предпочтеніе Платону въ наукахъ математическихъ.

Таково общее содержаніе первой книги „In calumniatorem Platonis. При всѣхъ своихъ симпатіяхъ къ Платону, Виссаріонъ, защищая его, счумѣлъ, какъ видимъ, остаться довольно безпристрастнымъ, — обстоятельство, въ весьма выгодномъ свѣтѣ представляющее намъ ученый тактъ Виссаріона. Въ свое время мы увидимъ, что его взглядъ былъ весьма полезенъ и для его современниковъ.

Первая книга сочиненія Виссаріона характеризуетъ его, какъ гуманиста-философа. Вторая книга характеризуетъ его, какъ гуманиста-богослова. Виссаріонъ намѣренъ доказать здѣсь какъ разъ противное тому, что утверждалъ Георгій, именно доказать, что Платонъ гораздо ближе къ христіанскому ученію, чѣмъ Аристотель ¹⁾. Виссаріонъ далекъ отъ мысли, что Платонъ былъ христіанинъ по своимъ взглядамъ: Платонъ, какъ и Аристотель, и по имени и по взглядамъ были язычники ²⁾. Задача автора заключается лишь въ томъ, чтобы доказать, что если ужъ сближать съ христіанскимъ ученіемъ ученіе какого либо языческаго мыслителя, то нужно сближать именно ученіе Платона. Такъ дѣлали и древніе отцы, учителя и писатели церковные, мнѣнія которыхъ должны имѣть для насъ великій авторитетъ не только въ вопросахъ догматическихъ, но и въ вопросахъ религіозно-философскихъ, такъ какъ это были люди, не только богословы, но и ученые. При всемъ томъ Виссаріонъ не думаетъ однако одобрять и доказывать сходство съ христіанскими истинами всѣхъ положеній Платона. Ученіе о предсуществованіи душъ, о многобожіи, о душѣ міра и многое другое есть заблужденіе. Съ другой стороны, и то истинное, что есть у Платона, высказано у него далеко не съ та-

¹⁾ Происхожденіе такого рода взгляда Виссаріона станетъ совершенно понятно, если вспомнимъ, что Виссаріонъ сравнительно много читалъ древнихъ отцовъ и писателей церкви, въ томъ числѣ вѣроятно и Оригена съ псевдо-Донисіемъ. См. Наскелъ, р. 102; cf. pag. 8—9.

²⁾ cap. 1, cf. 2.

бой отчетливостью, какъ это находимъ въ священныхъ книгахъ ¹⁾. Но при всѣхъ заблужденіяхъ Платона, его философія имѣетъ много точекъ сопривосновенія съ христіанствомъ, и во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ Аристотелева философія. Виссаріонъ и доказываетъ это, разсматривая поочередно нѣкоторыя изъ основныхъ истинъ христіанской вѣры. Останавливаясь прежде всего на ученіи о Троицѣ, Виссаріонъ устанавливаетъ для себя слѣдующую точку зрѣнія при рѣшеніи этого вопроса. Ни Платонъ, ни Аристотель, и никто другой изъ язычниковъ не могли мыслить и говорить о Троицѣ такъ, какъ мыслятъ христіане, наученные свыше: ибо невозможно, чтобы человѣческой умъ, какъ бы возвышенъ онъ ни былъ, могъ самостоятельно дойти до этой истины. Здѣсь можно говорить только о томъ, у кого есть больше намековъ на возвышенное христіанское ученіе о Троицѣ. Виссаріонъ находитъ возможнымъ утверждать это именно о Платонѣ ²⁾, хотя—замѣтливъ, что Платонъ много говоритъ о Троицѣ,—опять прибавляетъ, что онъ говоритъ „далеко не такъ, какъ учить наша вѣра“ (*longe aliter quam nostra religio doceat*), что и естественно, потому что Платонъ руководился только свѣточемъ природы (*lucе naturae*).

Въ частности, въ богословіи Платона обращаютъ на себя вниманіе Виссаріона слѣдующія мысли. Платонъ принимаетъ первое начало всего сущаго, нерожденное, вѣчное, безначальное, ни отъ какой причины не зависящее, выше всего стоящее ³⁾; затѣмъ принимаетъ первое бытіе (*primum ens*), которое называетъ первымъ умомъ и которое произошло отъ пер-

¹⁾ *Speciem nostrae religionis in Platone fuisse non diffitemur, luce naturae illustratam, quam eius Creator et Princeps divina Filii sui doctrina, postea plenius aperuit et sua beneficentia manifestius revelavit, qua specie non mediocriter juvari posse hominem arbitramur, qui ex Platonis doctrina ad nostrae religionis perfectiorem statum se contulerit, ita principia quaedam verae theologiae ex Platonis scriptis surgere et quasi scaturire videntur.*

²⁾ Нѣсколько ниже (*liber III, cap. 15, fol. 41* по изд. 1516 года) опять читаемъ: тайна Троицы открыта лишь христіанскими писателями. Но у язычниковъ мы находимъ нѣкоторое чаяніе (*suspectio*) этой тайны, и выраженія этого чаянія, сравнительно ясныя и въ большемъ количествѣ, находимъ именно у Платона.

³⁾ *Quippe dum gradus divinitatum statueret, primum omnium entium principium ponit, ingeneratum, aeternum, nullum habens principium, a nulla causa dependens, quod et unum et summum bonum appellat, neque a se, neque ab alio productum, omni mente, omni ente superius (fol. 15).*

ваго бога, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ себя самого ¹⁾); наконецъ, какъ третью по порядку и достоинству, принимаетъ мировую душу, происшедшую отъ перваго бога, а также отъ перваго бытія, и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ себя самой ²⁾). Виссаріонъ соглашается съ отцами восточной церкви, что въ этихъ воззрѣніяхъ Платона содержатся ясныя намеки на христіанское ученіе о Троицѣ.

Уже изъ приведеннаго разсужденія видимъ, что первый богъ, первое бытіе, или умъ, и мировая душа у Платона, въ извѣстномъ отношеніи, суть одно, на взглядъ Виссаріона. Уже въ этомъ мы вправѣ усмотрѣть желаніе Виссаріона—признать въ Платонѣ монотеиста. Но этимъ вопросомъ Виссаріонъ занимается и специально. При этомъ онъ утверждаетъ, что и Платонъ и Аристотель въ глубинѣ души были монотеистами, признавая одного Бога, изъ котораго все происходитъ, — и если они въ практической жизни были политеистами, то это просто объясняется ихъ боязнью—за ясное выраженіе своихъ взглядовъ испытать участь Сократа. Такимъ образомъ, по вопросу о монотеизмѣ Платонъ и Аристотель не различаются существеннымъ образомъ. Однако и здѣсь между ними есть разница въ степени ясности, съ которой прорывались у нихъ ихъ затаенныя мысли: монотеизмъ выступаетъ у Платона яснѣе и отчетливѣе, чѣмъ у Аристотеля. Притомъ, богъ Аристотеля есть богъ абстрактный, метафизическій; богъ же Платона есть богъ живой. Затѣмъ, въ вопросѣ о происхожденіи міра, Виссаріонъ отдастъ Платону рѣшительное предпочтеніе предъ Аристотелемъ. Не Аристотель, какъ утверждалъ Георгій, но Платонъ училъ о происхожденіи всего изъ ничего волею Бога. Ученіе Платона о происхожденіи міра не различается отъ повѣствованія объ этомъ Моисей,—и это понятно: Платонъ заимствовалъ свои идеи отъ израильскихъ пророковъ въ Египтѣ. Ученіе же Аристотеля объ этомъ предметѣ совершенно расходится съ Моисеевымъ. Правда, и Платонъ признавалъ міръ

¹⁾ *Mox vero primum ens statuit, quod et mentem primam et formam primam vult esse. Productum quidem a primo Deo, qua unum, sed a se quoque qua ens, et mens, et ordo naturae secundae.*

²⁾ *Post haec tertium ordine et dignitate, universi animam ponit, productam quidem et ipsam a primo Deo, qua unum aliquo modo, ac etiam a primo ente, qua mens, sed qua per se mobile est, a se ipsa productam (fol. 15, in med.).*

вѣчнымъ; но вѣчность міра у него совсѣмъ не та, что вѣчность бога, и это видно уже изъ того, что міръ, хотя и отъ вѣчности, произведенъ богомъ. Затѣмъ, такъ какъ богъ Аристотеля есть богъ абстрактный, а богъ Платона есть богъ живой, то очень естественно, что Платонъ училъ о божественномъ провидѣніи и вѣрилъ, что Богъ управляетъ всѣмъ, чего нельзя сказать объ Аристотелѣ.

Какъ видимъ, Виссаріонъ, увлеченный полемикой и желаніемъ упрочить положеніе Платона въ тогдашнемъ христіанскомъ обществѣ, иногда въ своемъ увлеченіи толкуетъ Платона такъ, какъ можетъ толковать лишь христіанинъ. Но за то онъ не скрываетъ и въ Аристотелѣ ничего достойнаго похвалы съ христіанской точки зрѣнія. Мы уже имѣли не мало примѣровъ, подтверждающихъ это. Приведемъ здѣсь еще одинъ примѣръ, такъ какъ самый вопросъ, къ которому онъ относится, принадлежитъ къ числу основныхъ вопросовъ нравственной философіи. Это вопросъ о безсмертіи души. Виссаріонъ полагаетъ, что въ Федрѣ и Федонѣ Платонъ совершенно отчетливо выразилъ свое вѣрованіе въ безсмертіе души. Недостаточная ясность, съ которою высказался Аристотель по этому предмету, не мѣшаетъ однако Виссаріону полагать, что и Аристотель имѣлъ понятіе о безсмертіи души, и такимъ образомъ разойтись во взглядѣ со многими, по его собственному выраженію, ученѣйшими людьми (*doctissimi*) изъ язычниковъ и христіанъ, — обстоятельство, весьма много для той поры говорящее о сравнительной независимости Виссаріона въ сужденіяхъ и объ его безпристрастіи въ полемикѣ.

Сказаннаго достаточно, чтобы отчетливо представлять сущность взглядовъ Виссаріона на Платонову и Аристотелеву философію. Поэтому, не останавливаясь на третьей книгѣ его сочиненія, гдѣ рѣчь идетъ о тѣхъ же въ сущности предметахъ, а равно и на четвертой книгѣ, гдѣ разсуждается о нравственности Платона, отмѣтимъ лишь заключеніе четвертой книги и вмѣстѣ всего разсматриваемаго сочиненія кардинала. Виссаріонъ напоминаетъ здѣсь предисловіе Георгія къ сдѣланному имъ ранѣе переводу Платонова сочиненія о законахъ. Въ этомъ предисловіи, написанномъ всего нѣсколько лѣтъ назадъ, Георгій превозносилъ и знанія, и мудрость, и чистоту нравовъ Платона. При этомъ онъ даже преувеличивалъ достоин-

ства Платоновой философіи, высказывая мысль, что если философія Аристотеля пригодна для нашей, поврежденной грѣхомъ, жизни, то философія Платона пригодна для человѣка невиннаго, который еще не знаетъ грѣха. Такого рода указаніе представляло въ истинномъ свѣтѣ нравственный характеръ Георгія и, послѣ мастерски и съ знаніемъ дѣла составленной Виссаріономъ защиты Платона, давало возможность еще лучше оцѣнить значеніе огульнаго порицанія Платона.

Почтенный трудъ Виссаріона былъ встрѣченъ гуманистами съ большимъ сочувствіемъ и похвалами, подчасъ даже неумѣренными, какъ это впрочемъ было въ нравахъ того времени. Весьма видныя въ средѣ гуманистовъ лица, напримѣръ Марсиліо Фичино, Франческо Филельфо, Антоніо Панормита, Іоаннъ Аргиропулъ и многіе другіе обратились къ Виссаріону по этому случаю съ привѣтственными письмами ¹⁾.

Выступая неоднократно защитникомъ Платона, сначала въ болѣе мелкихъ сочиненіяхъ, а затѣмъ въ разсмотрѣнномъ обширномъ трудѣ „*In calumpniatorem Platonis*“, Виссаріонъ косвенно выступалъ противъ схоластики и ея рѣшеній нѣкоторыхъ изъ основныхъ философскихъ вопросовъ. Противосхоластическая тенденція, основывавшаяся конечно на убѣжденіи въ несостоятельности схоластической доктрины, была настолько сильна въ Виссаріонѣ, что именно она, повидимому, побуждала его вызывать и другихъ на противосхоластическія изслѣдованія. По этому предмету мы имѣемъ весьма важное свидѣтельство отъ нѣкоего Фердинанда изъ Кордовы (въ латинской формѣ — *Fernandi Cordubensis*) въ его предисловіи къ своему сочиненію: „Объ искусствѣ изслѣдовать и отвергать природу всего познаваемаго“ ²⁾. Въ этомъ предисловіи, обращенномъ къ Виссаріону, между прочимъ, читаемъ слѣдующія любопытныя вещи. «Тѣ изъ схоластиковъ и одаренныхъ превосходнымъ умомъ людей, которые, какъ ты видишь, или совсѣмъ отрицали

¹⁾ Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ изданы у Malvasia, *Comp. hist. della basilica de' SS. XII Apostoli*, но, по словамъ Valentinelli (IV, 7), изданы non sine multis iisdemque gravissimis mendis. Ср. Vast, 360; Hacke 80. 110 sqq. У Hacke же можно читать и письмо Виссаріона къ Фичино, посланное вѣсть съ самымъ сочиненіемъ.

²⁾ *De artificio omnis et investigandi et inveniendi naturam scibillis, ad rever... Bizzarrionem (sic) episcopum etc.* См. Valentinelli, tom. IV, pag. 174—175.

или подвергали сомнѣнію то, существуетъ ли искусство, при помощи котораго можно изслѣдовать и открывать все, по природѣ доступное познанію въ отдѣльныхъ наукахъ,—эти люди, очевидно, не знали начала вещей» ¹⁾. „Посему“, немного далѣе продолжаетъ авторъ, „нужно основательно и по всѣмъ правиламъ изслѣдовать это почтенное искусство, и это я обязанъ сдѣлать и вслѣдствіе твоего приказанія, и вслѣдствіе моего обѣщанія. Ибо когда я писалъ разсужденіе о томъ, которая выше изъ двухъ философій, Платонова или Аристотелева, твоя воля внезапно оторвала меня отъ этого занятія: ты приказалъ приостановить эту работу и обратить перо на разъясненіе искусства изслѣдовать и отерывать все познаваемое“ ²⁾. Какъ видимъ, Виссаріонъ побуждалъ способныхъ людей къ изслѣдованію коренныхъ метафизическихъ вопросовъ, каковъ вопросъ о знаніи.

Философъ по складу ума, гуманистъ по симпатіямъ, Виссаріонъ съ особенной любовью долженъ былъ привѣтствовать появленіе всякаго добросовѣстнаго труда въ этой области, будетъ ли то трудъ оригинальный, или переводный. Съ перваго рода трудами и приѣмомъ, каковой встрѣчали они отъ Виссаріона, мы уже имѣли случай познакомиться. Остается сказать о переводахъ. Мы видѣли, что и самъ Виссаріонъ сдѣлалъ весьма цѣнные вклады въ небогатую латинскую переводную литературу. При одушевлявшемъ его желаніи, чтобы, по крайней мѣрѣ, чрезъ переводы познакомилось образованное итальянское общество съ лучшими созданіями греческаго генія, желаніи, сильномъ въ каждомъ гуманистѣ, а тѣмъ болѣе въ грекѣ, притомъ получившемъ серьезное философское образованіе,—очень естественно, что Виссаріонъ, по мѣрѣ возможности перевода

¹⁾ Quos vides inter scholasticos et praestanti ingenio viros, vel sustulisse penitus, vel in dubium revocasse, sit ne artificium quo omne natura scibile in singulis disciplinis et investigari et inveniri possit, eos constat rerum originem nescisse videri. Ibid.

²⁾ Itaque haec ars nobilis subtiliter et artificiosissime investiganda est, et tuo jussu et mea promissione debita. Nam de duabus philosophiis, id est Platonis et Aristotelis, utra alteri praeest, disserentem me subito e cursu suo revocavit voluntas tua; quippe qui iussisti intermittendum esse opus, et in artificium omnis investigandi et inveniendi scibilis calamum esse referendum. Ibid. Интересующихся лицомъ автора Валентинелли отсылаеть къ Nicolai Antonii, Bibl. hispana vetus, Romae, 1696, II, 209—210.

самъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не только привѣтствовалъ дѣльные труды другихъ въ этой области, но также, по всей вѣроятности, пользовался своимъ вліяніемъ и вообще бывшими въ его рукахъ средствами для того, чтобы располагать въ переводамъ и способныхъ въ тому своихъ друзей и знакомыхъ. Послѣ того, что намъ уже извѣстно о взглядѣ Виссаріона на Платона и Аристотеля, взглядѣ, свидѣтельствующемъ о большой широтѣ его воззрѣній и совершенно чуждомъ партійной исключительности, не удивительно, что для Виссаріона въ этомъ случаѣ было почти совершенно безразлично, шло ли дѣло о переводѣ сочиненій Платона, или Аристотеля съ его учениками. Хотя и платоникъ по симпатіямъ, Виссаріонъ былъ совершенно чуждъ крайностей и увлеченій современныхъ ему безусловныхъ почитателей Платона ¹⁾. Онъ съ такимъ участіемъ встрѣтилъ сдѣланный Газою переводъ исторіи растений Теофраста ²⁾ и проб-

¹⁾ Въ сочиненіи *In calumn. Plat.* (lib. II, c. 2) Виссаріонъ писалъ: *ne quis putet me Aristoteli detrectasse, quum ostendam graviora et digniora Platonis esse placita. Colo enim et veneror Aristotelem, amo Platonem: longe a me absit, si non eadem dixisse videntur, ut alterum colendum, alterum contemnendum existimem.*

²⁾ Виссаріонъ и самъ интересовался однимъ изъ частныхъ вопросовъ, относящихся къ этому сочиненію, именно вопросомъ объ его авторѣ. Въ собственноручныхъ замѣткахъ на кодексѣ, содержащемъ это сочиненіе и принадлежавшемъ Виссаріону, послѣдній между прочимъ высказалъ по указанному вопросу слѣдующія интересныя соображенія. «Нѣкоторые полагаютъ, что это сочиненіе принадлежитъ Теофрасту. Правда, оно (своимъ содержаніемъ) соответствуетъ и характеру Аристотелева ученія, и имѣетъ во всемъ большее сходство съ воззрѣніями Аристотеля. Однако, на основаніи этого, еще нельзя отрицать принадлежность его Теофрасту, потому что 1) обо всемъ, о чемъ писалъ Аристотель, писалъ и Теофрастъ, и при этомъ онъ во всемъ отображалъ (ἀπομαζόμενος) своего учителя и имѣлъ такое сходство съ нимъ, какое бываетъ между отцомъ и роднымъ сыномъ, — такъ что нѣтъ возможности различать между сочиненіями того и другаго (ὅστε μὴ εἶναι διακρίναν μεταξὺ τῶν ἐκαστέρου συγγραμμάτων), какъ это оказывается изъ нѣкоторыхъ мѣстъ и отрывковъ (χρησέων τε καὶ τεραχέων), принадлежащихъ Теофрасту и приводимыхъ иногда толкователями Аристотеля въ подтвержденіе желаемого. 2) Въ обращеніи у всѣхъ грековъ и латинянъ находится другое сочиненіе о растеніяхъ, раздѣленное на три книги, и оно написано именемъ Аристотеля». Это писалъ Виссаріонъ, какъ видно изъ его помѣтки, въ 1445 году. Затѣмъ въ 1446 году онъ писалъ между прочимъ: «просматривая сочиненіе Галена о силахъ, заключенныхъ въ пищу (ἐπιόντες τὸ περί τῶν ἐν ταῖς τροφαῖς δυναμένων Γαλῆνου), мы нашли, что онъ, Галенъ, въ главѣ восьмой упоминаетъ объ одномъ мѣстѣ и свидѣтельствъ изъ седьмой книги Теофраста о растеніяхъ, которое (мѣсто) и находится до буквы сходно здѣсь (т. е. въ нашемъ кодексѣ), въ восьмой книгѣ. Отсюда смѣло можно заключить, что рассматриваемое со-

лемъ Аристотеля¹⁾, какое возможно лишь въ человѣкѣ, достигшемъ весьма высокой степени ученаго безпристрастія.

До насъ не дошло положительныхъ свѣдѣній о томъ, кого побуждалъ Виссаріонъ къ переводамъ и къ какимъ именно. Но что вообще такого рода побужденія исходили отъ него, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Какъ ревностный гуманистъ, какъ главное лицо въ своемъ кружкѣ, какъ переводчикъ самъ, Вис-

ссаріонъ о растеніяхъ есть сочиненіе Теофраста. Что же касается того, что упомянутое мѣсто, по словамъ Галена, находится въ седьмой книгѣ, а здѣсь оно находится въ восьмой, то это должно приписать ошибочному раздѣленію сочиненія на книги переписчикомъ (Migne, tom. CLXI, col. CLV—CLVI). Въ этихъ двухъ замѣткахъ Виссаріонъ показалъ и свое знаніе греческой философской литературы, и довольно вѣрный критическій тактъ. Срав. Zeller, Philosophie der Griechen, II Theil, 2 Abth., 3 Aufl., 1879, S. 98—99. 811.

¹⁾ Вотъ относящійся сюда и весьма хорошо обрисовывающій Виссаріона отрывокъ изъ его письма въ Газъ.

«Ты, переведа сочиненіе Теофраста о растеніяхъ и проблемы Аристотеля, совершилъ громадный подвигъ и сдѣлалъ латинянамъ великій подарокъ: одного (сочиненія) у нихъ совсѣмъ не было, а другое (сочиненіе) и у насъ самихъ было такъ искажено, что едва можно было понимать его. А ты, переведаши и все исправивъ, далъ (намъ) подлинно Аристотелево произведеніе и по смыслу и по буквѣ; допущенныя же тобою отступленія отъ подлинника въ выраженіяхъ вполнѣ приличны Аристотелю и имъющемуся въ виду его сочиненію (ἐπιτηδεύσας τε καὶ πάντα διορθώσας, καὶ ἡ τὸν αὐτὸν νοῦν, τὴν αὐτὴν δὲ καὶ λέξιν, ἧσσον ἢ καὶ παραλάττοντα, ἀλλ' Ἀριστοτέλει καὶ τῷ προκειμένῳ συγγράμματι πρόποντα, ὡς τὸ εἶκος ἀποδοῦς). За то и вознагради тебѣ великою хвалою образованные люди, какъ нынѣшніе, такъ и будущіе. Твоя работа потребовала великаго труда; но и почетъ будетъ возданъ ему достойный (οὐκ ἀγενής),— правда, не отъ многихъ, ибо не многіе понимаютъ дѣло (οὐδὲ γὰρ πολλοὶ οἱ ἐπαίοντες). Здѣсь произойдетъ тоже самое, что бываетъ со всякимъ хорошимъ дѣломъ. А это дѣло все таки нужно дѣлать, хотя бы никто его не понималъ, никто съ почтеніемъ не смотрѣлъ на него. Поэтому, если для тебѣ довольно суда и свидѣтельства (о достоинствѣ твоего труда) одного папы (τῷ ἀρχιερεῖ), человека дѣйствительно мудраго, и если есть двое или трое, которые могутъ понять и по достоинству оцѣнить (θαυμάζειν ἀξίως) твой трудъ, то продолжай его и приноси пользу латинянамъ, по крайней мѣрѣ мудрымъ и достойнымъ изъ нихъ; потому что у тебѣ нѣтъ никого изъ своихъ, кому бы ты могъ дѣлать добро. Если же ты выше цѣнишь свидѣтельство толпы (ὄχλου), хотя Сократъ довольствовался тѣмъ однимъ, съ кѣмъ онъ велъ бесѣду,— или если не такъ (потому что это къ тебѣ нейдетъ), и ты хочешь заниматься полезнѣйшимъ, то совсѣмъ оставь переводы. А относительно того, гдѣ ты достанешь себѣ пропитаніе, оставивъ переводы, не безпокойся. Мое есть вмѣстѣ и твое; и откуда я буду получать пищу, оттуда и ты,— и это не кое-какъ, но словно бы ты по своему положенію былъ равенъ мнѣ (καὶ τοῦτο οὐκ ἀπλῶς ἀλλ' ὡς τις τῶν ἡμῖν ὀμοτίμων). И если тебѣ вздумается перемѣнить свое мѣстопробываніе, то направляйся не къ другому кому либо, а ко мнѣ» (Migne, CLXI, 685).

саріонъ долженъ былъ дѣлать это, какъ дѣлали то же самое Николай V, Альфонсъ и другіе покровители возрожденія.

Разсмотрѣнныя нами философскія сочиненія и замѣтки Виссаріона свидѣтельствуютъ объ его глубокой начитанности въ греческихъ философахъ. Для ознакомленія съ его широкой начитанностью въ другихъ греческихъ, равно и въ латинскихъ авторахъ, между прочимъ, довольно важны его такъ называемыя „рѣчи“ противъ турокъ и по поводу ихъ. Правда, вслѣдствіе самаго характера этихъ сочиненій, Виссаріонъ могъ показать здѣсь свою эрудицію лишь отчасти; но и то, что мы замѣчаемъ здѣсь, представляетъ значительный интересъ. Самый выборъ авторовъ, которыхъ Виссаріонъ, называетъ и которыми пользуется въ этихъ своихъ историко-политическихъ сочиненіяхъ ¹⁾, не имѣетъ особенной важности, потому что эти писатели, и только они одни, могли быть процитованы просто потому, что о нихъ напоминалъ автору самый предметъ его рѣчей. Такимъ образомъ изъ того, что лишь извѣстные авторы называются здѣсь Виссаріономъ, едва ли можно сдѣлать какіе нибудь болѣе или менѣе широкіе выводы, въ родѣ того, что этихъ авторовъ Виссаріонъ по преимуществу изучалъ. Гораздо важнѣе въ данномъ случаѣ другая сторона дѣла, именно легкость, съ какою переходитъ Виссаріонъ отъ одной классической цитаты къ другой, или отъ одного, вскользь брошеннаго, замѣчанія о какомъ нибудь античномъ примѣрѣ къ другому,

¹⁾ Вотъ эти авторы: изъ греческихъ—Гомеръ (Migne, t. CLXI, col. 660. C, 661, 663 и др.), Гезіодъ (col. 663. C.), Ксенофонтъ (col. 664), Плутархъ (col. 658), Димосеенъ (col. 663), также, повидимому, Геродотъ (col. 662, срав. Любкера подъ словомъ Хегхес); изъ латинскихъ: Ливій (col. 658), быть можетъ Цезарь (col. 657). Не можемъ не замѣтить при этомъ довольно странной ошибки Фойгта, который, касаясь состава Виссаріоновой библиотеки, говоритъ (Wiederbelegung d. class. Alterth., II B., 2 Aufl., S. 132): Hesiodos und Pindaros scheinen ihm (т. е. Виссаріону) fremd gewesen zu sein; aus der dramatischen Litteratur besass er nur 4 Tragödien des Sophokles, während doch die Medici längst durch Aurispa alle 7 besaßen, und 3 Komödien Aristophanes. Что Виссаріонъ зналъ Гезіода, видно изъ предыдущаго; а что онъ изъ драматическихъ греческихъ поэтовъ имѣлъ не одного Софокла съ Аристофаномъ, видно изъ того самаго каталога Виссаріоновой библиотеки, на который ссылается Фойгтъ и въ которомъ, непосредственно предъ указаніемъ на 3 комедіи Аристофана и 4 трагедіи Софокла, отмѣчены Euripidis, in paucis, tragodiae tres (Migne, t. CLXI, col. 704. A).

а также богатство примѣровъ изъ древней жизни ¹⁾, находящихся въ его распоряженіи ²⁾.

Въ нашу задачу не входитъ специальный пересмотръ всѣхъ сочиненій Виссаріона съ цѣлію вполне точно опредѣлить степень его начитанности въ классическихъ писателяхъ. Этотъ предметъ на столько обширенъ и важенъ, что онъ заслуживалъ бы специального, ему одному посвященнаго, изслѣдованія. Поэтому, ограничиваясь сказаннымъ по этому вопросу, сдѣлаемъ лишь въ заключеніе краткій перечень греческихъ классическихъ и другихъ, имѣвшихъ къ нимъ отношеніе, древнихъ произведеній ³⁾, находившихся въ библиотекѣ Виссаріона подъ конецъ его жизни ⁴⁾: ихъ подборъ служить безмолвнымъ, но краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ о томъ, какъ много древнихъ произведеній привлекало къ себѣ вниманіе ученаго кардинала. Этотъ перечень дѣлаемъ на основаніи одного, повидимому, современнаго Виссаріону каталога его библиотеки ⁵⁾. Располагая

¹⁾ Само собою разумѣется, что эти примѣры часто не имѣютъ отношенія къ дѣлу (какъ напримѣръ замѣчаніе на col. 658, что турецкій султанъ «*usus Scipionis consilio foris pugnare utilius arbitratur, quam domo vinci*»). По обычаю того времени, они приводятся Виссаріономъ лишь затѣмъ, чтобы отчасти показать свое многознаніе, отчасти дать античный характеръ своей рѣчи. Иногда же, по всей вѣроятности, Виссаріонъ безъ всякой цѣли вставляетъ эти примѣры просто потому, что онъ втянулся въ жизнь древнихъ.

²⁾ Срав. напримѣръ col. 656—657, 658. D, 663. В. С и др.

³⁾ Латинскіе классики въ каталогѣ, который мы имѣемъ въ виду и которымъ пользуемся при составленіи своего перечня, совершенно отсутствуютъ, если не считать греческаго перевода метаморфозъ Овидія (*Migne*, t. CLXI, col. 707. D). Не находились ли они въ саррае подъ литерами L и M и вообще въ тѣхъ девяти саррае, содержаніе которыхъ въ нашемъ каталогѣ не указано? (Въ каталогѣ перечислены книги лишь 21 ящика; всѣхъ же ящиковъ, судя по заголовку каталога, было 30).

⁴⁾ Последнее замѣчаніе основывается на томъ, что въ каталогъ «*ex Riccardiana bibliotheca*», которымъ мы пользуемся, книги распределены по ящикамъ (*sarais*), въ которыхъ онѣ были перевезены въ Венецію (*ibid. cf. col. 711—712. C*). Къ слову замѣтимъ, что это распределеніе было сдѣлано, какъ видно, почти совершенно случайно. Эта случайность можетъ до извѣстной степени объясняться тѣмъ, что при сортировкѣ книгъ по ящикамъ приходилось принимать въ соображеніе не только форматъ книгъ, но и ихъ тяжесть. Изъ каталога видно, что саррае имѣли приблизительно одинаковую тяжесть: 12 ящиковъ вѣсили 230 фунтовъ, 5 ящиковъ—240 е., и затѣмъ на три ящика пришлось—220, 225 и 250 е.

⁵⁾ Перепечатанъ у Миня, t. CLXI, col. 701 sqq. изъ *Ioann. Lami, Deliciae Eruditorum*, t. IX, Florentiae, 1740. Онъ впрочемъ очевидно не полонъ. Срав. col. 707—708, not. 1, а также и то, что всѣхъ саррае было 30 (col. 701), тогда какъ въ каталогѣ отмѣченъ только 21.

книги по группамъ, на основаніи ихъ содержанія, видимъ, что

А) изъ философскихъ сочиненій Виссаріонъ имѣлъ между прочимъ: Ксенофоновы *Ἀπομνημονεύματα Σωκράτους*; всѣ сочиненія Платона, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ ¹⁾; толкованія Прокла, Олимпіодора и другихъ на нѣкоторые діалоги Платона; всѣ сочиненія Плотина и разныя произведенія другихъ неоплатониковъ; затѣмъ—всѣ сочиненія Аристотеля, при томъ нѣкоторыя въ нѣсколькихъ экземплярахъ и съ комментаріями разныхъ лицъ; отдѣльные комментаріи различныхъ авторовъ (напримѣръ Порфирія) на различныя сочиненія Аристотеля; трудъ Теофраста о растеніяхъ; философское сочиненіе Арріана, сочиненіе скептика Секста Эмпирика „*adversus mathematicos*“ и др.

Б) По исторіи и древностямъ Виссаріонъ имѣлъ: исторію Геродота ²⁾, исторію Фукидида, часть повидимому ³⁾ греческой исторіи (*Ἑλληνικά*) Ксенофонта, его же *Ἀνάβασις*; сохранившіяся книги „исторической библіотеки“ Діодора Сицилійскаго; всѣ біографіи и такъ называемыя *Ἰνδικά* (сборникъ сочиненій смѣшаннаго содержанія) Плутарха; историческое сочиненіе Аппіана, римскую исторію Діона Кассія ⁴⁾, исторію цезарей (восьми) Геродіана, историческій трудъ Зосима и др.; затѣмъ географическій трудъ Страбона, также повидимому „*Ὀνομαστικόν*“ Поллукса ⁵⁾, „*Εἰκόνες*“ Филострата и проч.

В) Изъ произведеній поэтовъ: Иліаду и Одиссею Гомера въ нѣсколькихъ экземплярахъ ⁶⁾, а также повидимому и извѣстный комментарий къ этимъ произведеніямъ Евстаѳія, архи-

¹⁾ Судя по разсматриваемому каталогу, библіотека Виссаріона вообще была чрезвычайно богата дуплетами, если не полными, то частичными. Нѣкоторые изъ нихъ мы и указываемъ. Нахожденіе дуплетовъ въ Виссаріоновой библіотекѣ не лишено, конечно, своего значенія и интереса.

²⁾ Въ каталогѣ: *Herodoti in papyris* (col. 704. D).

³⁾ Въ каталогѣ это выражено такъ (col. 704. C): *Xenophontis post Thucydidem*.

⁴⁾ Въ каталогѣ: *Dionis Romanarum historiarum, in papyris* (col. 704. D),— и въ другомъ мѣстѣ: *Dionis Romanarum historiarum a XLIV ad quinquagesimum usque ponum, in pergamenis* (col. 705. C).

⁵⁾ Въ каталогѣ впрочемъ названо лишь одно имя—*Pollucis* (col. 703. D).

⁶⁾ Виссаріонъ имѣлъ также «гимны» и *Βατραχόμορμυξίς* (col. 703. D), которыя древними ошибочно приписывались Гомеру. Нѣтъ ничего мудренаго, если и Виссаріонъ раздѣлялъ это заблужденіе. Затѣмъ въ каталогѣ отмѣчено сочиненіе *Gorgiae in laudem Helenae* (col. 705. A), которое теперь не признается подлиннымъ,—также псевдо-пифагоровы *ὑποτάξις* (col. 705. B) и проч.

епископа ѳессалонийскаго ¹⁾); четыре трагедіи Софокла и три Еврипида, три комедіи Аристофана; произведенія Фовилида и Теогнаиса (въ двухъ экземплярахъ), Мосха, также дидактико-эпическую поэму Никандра подъ названіемъ „*Θηριακά*“, Геліодора „*Αἰθιοπικά*“, небольшую эпическую поэму Мусея „*τὰ κατ' Ἦρω καὶ Λέανδρον*“, Квинта „*τὰ μετ' Ὀμηρον*“ и пр.

Г) Изъ ораторскихъ и риторическихъ произведеній: рѣчи Исократы (21), Лисія (29), Димосеена (въ нѣсколькихъ экземплярахъ), Димада (1) и друг., также повидимому сочиненіе Діонисія Галикарнасскаго „*περὶ συνθέσεως ὀνομάτων*“ ²⁾ и его критико-эстетическое сочиненіе объ Лисіѣ, какъ ораторѣ, — риторику Гермогена, рѣчи Аристида (въ нѣсколькихъ экземплярахъ), декламации Ливанія (въ нѣсколькихъ экземплярахъ) и т. д.

Затѣмъ, судя по разсматриваемому каталогу, у Виссаріона было великое множество сочиненій древнихъ математиковъ по ариметикѣ, геометріи, математической географіи, астрономіи и астрологіи, также сочиненія древнихъ по медицинѣ и проч.

О судьбѣ бібліотеки Виссаріона будетъ рѣчь ниже; теперь же остановимся на вопросѣ о томъ, насколько овладѣлъ Виссаріонъ тѣмъ языкомъ, на которомъ писала цѣлая половина классическихъ авторовъ, имъ такъ высоко цѣнимыхъ, и на которомъ самъ онъ писалъ едва ли не большую часть своихъ сочиненій. Разумѣемъ латинскій языкъ. Но здѣсь прежде всего считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о латыни современныхъ Виссаріону или близкихъ къ его времени гуманистовъ вообще.

Леонардо Аретино въ одномъ изъ своихъ писемъ говорилъ, что всякій, кто хочетъ быть выше другихъ, долженъ удовлетворить двумъ требованіямъ: во первыхъ, быть во всемъ свѣдущимъ, во вторыхъ, умѣть отчетливо и изящно выразить то, что знаетъ. А для этого нужно много учиться, много читать, и не только философовъ, но также поэтовъ, ораторовъ, особенно Цицерона, и историковъ ³⁾. Тотъ же Леонардо, въ случаѣ сомнѣнія относительно смысла какого нибудь слова или конструкціи рѣчи, за разрѣшеніемъ недоумѣнія совѣтовалъ обра-

¹⁾ Въ каталогѣ (col. 704. A): Eustathii in Odysseam, in pergamenis. Eustathii in primos novem libros Iliadis, in pergamenis.

²⁾ Въ каталогѣ значится (col. 705. A): Dionysii de nominum compositione. Срав. Lübker подъ словомъ «Dionysios».

³⁾ L. Aretini Epist., p. 206.

щаться къ сочиненіямъ „doctissimorum virorum“, т. е., говоря нашимъ языкомъ, къ сочиненіямъ древнихъ латинскихъ писателей. Леонардо считалъ невозможнымъ какойнибудь иной приемъ для разрѣшенія подобныхъ недоумѣній¹⁾. По общему мнѣнію гуманистовъ, латинской въ строгомъ смыслѣ можетъ быть названа только та рѣчь, которая построена по древнимъ образцамъ. *Latinoꝝ verborum proprietates*, говорилъ напримѣръ Поджіо, *vis, significatio, constructio, non tantum ratione, quantum veterum scriptorum auctoritate constant. Qua sublata, latinae linguae fundamentum et sustentaculum pereat necesse est. Latine enim loquendi usus semper fuit magister, qui solum autorum priscoꝝ libris et scriptis continetur*²⁾. Эту свою теорію гуманисты иногда прилагали и къ дѣлу. Если мы обратимся, напримѣръ, къ полемическимъ сочиненіямъ гуманистовъ, то увидимъ, что древніе латинскіе писатели были почти единственнымъ авторитетомъ, на который они ссылались и тогда, когда защищали правильность какоголибо своего выраженія или оборота, и тогда, когда уличали когонибудь другаго въ незнаніи латинскаго языка. И однако латынь гуманистовъ оставляетъ желать очень многого. Латинскій языкъ гуманистовъ имѣетъ свои хорошія стороны; но онъ имѣетъ и довольно крупныя недостатки, и этому были свои причины.

Въ XV вѣкѣ латинскій языкъ чаще и больше всего изучали практически: читая латинскихъ писателей, замѣчали формы языка, запоминали обороты, употребляемые авторомъ, и т. д. Понятно, что при такомъ методѣ изученія языка особенной точности въ знаніи грамматики не могло быть, какъ не бываетъ этой точности у изучающихъ, напримѣръ, новые языки путемъ чтенія книгъ на этихъ языкахъ безъ хорошаго ознакомленія съ ихъ грамматиками. Вслѣдствіе этого итальянскій гуманистъ писалъ такъ, какъ писалось, какъ текли и складывались мысли и выраженія именно у него, итальянца XV вѣка. Такимъ образомъ его сочетанія мыслей и предложеній, грамматическая зависимость и проч. необходимо должны были иногда носить отпечатокъ склада итальянской, но не латинской рѣчи.

При такихъ условіяхъ гуманисты если бы и хотѣли, то не могли всегда писать правильно по латыни. Но они или по

¹⁾ Leon. Aretini Epist., pag. 29.

²⁾ Poggii Opera, pag. 203.

крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, повидимому, и не хотѣли всегда соблюдать правилъ грамматики, завѣщанныхъ классиками. Въ ихъ сочиненіяхъ мы находимъ нѣкоторые проблески идеи о независимости писателя отъ какихъ нибудь правилъ, идеи о творчествѣ, о постоянномъ развитіи языка силами народа и особенно его даровитѣйшихъ представителей, какими были и считали себя гуманисты. Когда Леонардо Аретино упрекали за то, что онъ вмѣсто древняго *michi* пишетъ *mihi*, то Леонардо, въ свое оправданіе сославшись на то, что такъ (т. е. *mihi*) писали *doctissimi homines*: Данте, Петрарка, Боккаччо, К. Салютато, и на общее произношеніе этого слова въ его время (произношеніе, въ которомъ *michi* походило на *migi* или *miki*)¹⁾, доказывалъ, что эта орфографія имѣетъ такое же право на существованіе, какъ и прежняя. Правда, рассуждалъ Леонардо, древніе латиняне писали *michi*; но это было дѣломъ ихъ произвола. Все дѣло въ практикѣ, *usus*. Тогда былъ одинъ обычай, теперь другой, и послѣдній такъ же законенъ, какъ и первый. Вѣдь писали же древніе нѣкоторыя слова по своему, напр. *optume*, *pessume*, *decumus*, *posiverunt*, *coeravit*, *causam*, *jusus* и т. д. «*Usus ergo apud illos haec potuit; cur igitur idem usus apud nos idem non possit?*»²⁾. Затѣмъ, когда какого нибудь гуманиста уличали въ грамматическихъ ошибкахъ, то онъ не всегда оправдывался ссылками на древнихъ писателей, но иногда прямо высказывалъ, что указанныя ему ошибки онъ не признаетъ за ошибки, что придерживаться древнихъ авторовъ во всемъ есть глупый педантизмъ и т. п. Эта мысль не была проведена гуманистами до конца, но она несомнѣнно существовала у нихъ, и ея вліяніемъ нужно, кажется, объяснять довольно многія изъ погрѣшностей гуманистовъ противъ грамматики. Итальянецъ XV вѣка считалъ себя какъ бы младшимъ братомъ древняго римлянина, и потому, при всемъ своемъ уваженіи къ послѣднему, считалъ себя вправѣ дозволить себѣ нѣкоторую самостоятельность въ языкѣ, нѣкоторыя отступленія отъ правилъ, выработанныхъ древностью.

¹⁾ Вслѣдствіе такого произношенія *michi*, переписчики иногда прямо писали не *michi*, но *miki*, какъ это видно, напримѣръ, въ одной рукописи Теренція. См. Журн. Мин. Нар. Просв., июль, 1877 г., статью: «Употребленіе паратаксиса въ Теренціевыхъ комедіяхъ», стр. 5.

²⁾ Leon. Brunii Aretini Epistolae, p. 278.

Къ указаннымъ присоединились еще слѣдующія причины. Въ разсматриваемое нами время увлеченіе классической древностью лишь усилилось въ сравненіи съ временемъ Петрарки и Боккачіо; но при этомъ далеко еще не выяснилась вполнѣ необходимость различенія языка писателей и выдѣленія изъ этихъ писателей тѣхъ, которымъ долженъ подражать пишущій по латыни гуманистъ,—словомъ, идея „классической грамматики“ еще не опредѣлилась вполнѣ. Правда, гуманисты выдѣляли нѣкоторыхъ латинскихъ писателей изъ всѣхъ другихъ, какъ особенно достойныхъ подражанія. Но, во первыхъ, этотъ принципъ не былъ строго проведенъ. Гуманисты весьма много пользовались и писателями, не принадлежащими къ классическому періоду латинской литературы, — пользовались именно какъ образцами для себя ¹⁾. Во вторыхъ, даже и образцовыми писателями они пользовались такъ, что отсюда происекалъ иногда вредъ для ихъ языка. Потому ли, что гуманисты не знали причины, по которой классическіе писатели употребляли иногда вульгарныя слова и выраженія; потому ли, что ихъ литературный вкусъ еще не былъ достаточно развитъ, потому ли, наконецъ, что эти вульгаризмы, по мнѣнію гуманистовъ, должны были наглядно свидѣтельствовать объ ихъ начитанности ²⁾, — какъ бы то ни было, только гуманисты не чуждались вульгарныхъ выраженій, словъ и оборотовъ, какъ не чуждались и гречизмовъ ³⁾.

¹⁾ Пользоваться ими какъ матеріаломъ для исторической грамматики они, понятно, не могли: это—идея новѣйшаго времени.

²⁾ Срав. Нееген, II, 281. Намъ впрочемъ думается, что въ эту пору еще не было такой погони за малоупотребительными словами и выраженіями, какъ это видимъ въ послѣдующее время.

³⁾ Этотъ недостатокъ особенно замѣтенъ у переводчиковъ съ греческаго, которые весьма нерѣдко оставляли греческія слова безъ перевода. Справедливость впрочемъ требуетъ сказать, что нѣкоторые гуманисты не одобряли этого. По мнѣнію Леонардо Аретино, латинскій языкъ не обѣденъ, и всѣмъ греческимъ словамъ есть вполнѣ равносильныя слова въ латинскомъ языкѣ (L. Arétini, Epist., p. 257). Причины, вызвавшія это явленіе, видны изъ предшествующаго изложенія. Здѣсь укажемъ только на наплывъ греческихъ бѣглецовъ и вообще эмигрантовъ съ востока, не задолго до паденія Константинополя (съ конца XIV вѣка). Припомнимъ имена Мануила Хрисолоры, Теодора Газы, Георгія Трапезунтскаго и другихъ знаменитыхъ грековъ, выселившихся въ Италію. Къ слову позволимъ себѣ упомянуть, что и греки принимали въ свой языкъ нѣкоторые латинскія слова. Такъ напримѣръ у Сирондула встрѣчается форма *θεφευθεβασα* (*Σοροπολος*, VII, 8, 197).

Если отъ указанныхъ причинъ латынь итальянцевъ не могла быть особенно правильною и чистою, то, разумѣется, тѣмъ болѣе не могла быть такою латынь не природнаго итальянца, хотя бы и долго жившаго въ Италиі, какъ Виссаріонъ. Повидимому, хорошо сознавалъ это и довольно откровенно признавался въ этомъ и самъ Виссаріонъ. Въ письмѣ къ Алексію Ласкарису Филанеропину, написанномъ, повидимому, около или нѣсколько ранѣе 1445 года ¹⁾, онъ говорилъ о себѣ: „я знаю латинскій языкъ почти такъ, какъ знаетъ его иной изъ латинянъ, положившихъ много труда на его изученіе, и однако же написать что нибудь, заслуживающее вниманія, не могу“ ²⁾. Нѣсколько лѣтъ спустя Виссаріонъ, тѣмъ временемъ успѣвшій лучше ознакомиться съ латинскимъ языкомъ, выражался о своей латыни также замѣчательно скромно. Въ своемъ латинскомъ переводѣ названнаго письма къ Ласкарису, вышеприведенное мѣсто онъ передалъ въ слѣдующемъ видѣ: „какъ ни порядочно знаю я латинскій языкъ, однако я ничего не могу написать, что было бы изящно и чисто по латыни написано“ ³⁾.

Повидимому, Виссаріонъ говоритъ здѣсь лишь о недостаткахъ своего латинскаго стиля. Отсюда однако мы едва ли

¹⁾ Migne, CLXI, 7—8 в praefatio Геренретера; ср. Vast, 141.

²⁾ ...συνείς μὲν τὴν Λατίνων φωνὴν σχεδὸν ὡς ἄλλος τῶν πολλὰ μεμοχθηκότων ἐν αὐτῇ Λατίνων, συγγραψάσθαι δὲ ἡμῶς οὐδὲν ὁ τι καὶ ἄξιον λόγου δυνάμενος (col. 328. C).

³⁾ Cuius rei tum ego, tum alii de nostris digni sumus testes, qui latinam utcumque mediocriter intelligimus linguam, nil tamen quod ornatum latineque compositum sit scribere possum (possumus?) col. 410. C. Это замѣчаніе дѣлаетъ Виссаріонъ въ подтвержденіе той мысли, что нужно быть природнымъ грекомъ или латиняниномъ, чтобы безукоризненно писать по гречески или по латыни. Относительно слова *mediocriter* ср. Du-Cange, Gloss. mediae et inf. Lat., dig. Henschel, Parisiis, 1845, t. IV, pag. 340, гдѣ *mediocriter* передается между прочимъ словами: *satis, abunde*. Приведенный отзывъ Виссаріона о своей латыни былъ дѣйствительно очень скромный отзывъ для той поры, и это служить къ немалой чести Виссаріона. При такомъ его взглядѣ на свою латынь, не было бы ничего мудренаго въ томъ, если бы свои латинскія сочиненія, на первыхъ по крайней мѣрѣ порахъ, онъ отдавалъ на просмотръ своимъ ученымъ друзьямъ. Въ этомъ отношеніи представляетъ интересъ слѣдующее (только, къ сожалѣнію, голословное) замѣчаніе Пападополи. Говоря о Франческо, впоследствии папѣ Сикстѣ IV, объ его замѣчательной учености и его профессорской дѣятельности, названный изслѣдователь замѣчаетъ: *Bessarion cardinalis tanti eum faciebat, ut eius praelectionibus frequenter adesset, eius familiaritate, et contubernio delectaretur: quidquid in lucem latine destinabat edendum, eius iudicio ac censurae committeret* (Пападополи, II, 178).

вправѣ заключать, что онъ не сознавалъ и не замѣчалъ своихъ ошибокъ не противъ только стилистики, но и противъ грамматики, или по крайней мѣрѣ не предполагалъ ихъ существованія у себя. Нельзя такъ заключать потому, что приведенныя слова сказаны были Виссаріономъ въ разъясненіе собственно того положенія, что иностранецъ, именно потому, что онъ иностранецъ, не можетъ писать на чужомъ языкѣ такъ изящно, какъ можетъ писать тотъ, для кого этотъ языкъ — родной языкъ, и что даже одинъ писатель не можетъ поддѣлаться подъ языкъ другаго, хотя бы оба писали на одномъ родномъ языкѣ. Такимъ образомъ, здѣсь Виссаріону не было совсѣмъ повода говорить о грамматической правильности своей латыни. А что ошибки противъ грамматики онъ дѣйствительно дѣлалъ, и даже часто, въ этомъ легко убѣдиться, развернувъ любую почти страницу его латинскихъ сочиненій или переводовъ. Само собою разумѣется, что въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ и переводахъ языкъ Виссаріона дѣлается болѣе и болѣе правильнымъ. Однако даже и въ то время, когда онъ въ латинскомъ переводѣ своего письма къ Ласкарису говорилъ о недостаткахъ своей стилистики, т. е. спустя около 10 лѣтъ послѣ своего поселенія въ Италиі, — даже и въ это время встрѣчаются у него ошибки весьма крупныя противъ правилъ латинскаго языка. Такъ напримѣръ ¹⁾, Виссаріонъ неоднократно употреб-

¹⁾ Здѣсь мы имѣемъ въ виду тѣ грамматическія ошибки Виссаріона, относительно которыхъ, въ дипломатическомъ отношеніи, повидному не можетъ быть сомнѣнія. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сослаться на многіе другіе, гораздо болѣе характерныя примѣры, — не можемъ потому, что при отсутствіи у Мина критическаго аппарата нельзя сказать навѣрное, дѣйствительно ли такія ошибки допущены Виссаріономъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Col. 410. В: ut—non posse comperere. Возможно, что здѣсь просто описка вмѣсто non possent, — описка, повлекшая за собою превращеніе именительныхъ падежей въ винительные (Latinos-Graecos). Или вотъ еще примѣръ: на col. 407. С. помятіе «во 1-хъ», которому далѣе (col. 408. А) соответствуетъ deinde, передано совершенно невозможнымъ выраженіемъ primis. Но и здѣсь весьма легко предположить или описку писца или опечатку издателя, давшего чтоніе primis вмѣсто напримѣръ первоначальнаго in primis или imprimis. Точно также нельзя съ полною увѣренностію признать за подлинный оборотъ Виссаріона— слѣдующій: qui (т. е. tu) tantam in huiusmodi habes experientiam (col. 407. С), нельзя потому, что въ подлинникѣ могло стоять in huiusmodi rebus или чтонибудь въ этомъ родѣ. Рѣшить подобныхъ вопросовъ нельзя ни въ ту, ни въ другую сторону, пока не будутъ известны варианты, т. е. пока не появится критическое изданіе сочиненій Виссаріова.

ляетъ выраженіе pro posse въ значеніи pro viribus, ut possum, quoad possum, quoad facere potui, „по мѣрѣ возможности“ и т. п. ¹⁾. Нерѣдко также употребляетъ онь родительный падежъ мѣстоименія перваго лица вмѣсто именительнаго падежа мѣстоименія притяжательнаго ²⁾. Иногда онь пользуется формами, неизвѣстными въ латинской классической прозѣ и вообще почти исключительно употребительными у христіанскихъ писателей ³⁾. Не чуждается онь и словъ позднѣйшаго образованія ⁴⁾.

Виссаріонъ не былъ особенно силенъ и въ орѳографіи. Судить объ этомъ мы можемъ на основаніи собственноручныхъ замѣтокъ его на принадлежавшихъ ему кодексахъ. Изъ этихъ замѣтокъ видно, что Виссаріонъ, напримѣръ, не различалъ дwoегласныхъ даже въ словахъ, взятыхъ съ греческаго, когда, казалось бы, самое начертаніе этихъ словъ въ языкѣ греческомъ съ дивтонгомъ должно было навести Виссаріона на мысль—передать эти слова и по латыни также съ дивтонгомъ. Такъ

¹⁾ Col. 407. A, 408. B, 446. D. Что указанное выраженіе есть подлинное Виссаріоново выраженіе, въ этомъ не можетъ быть, кажется, сомнѣнія 1) въ виду того, что въ изданіяхъ оно встрѣчается не однажды, 2) въ виду того, что pro Posse въ подобномъ же значеніи употреблялось нерѣдко въ XIII вѣкѣ, при чемъ—замѣтимъ — писалось не posse, но Posse. См. это слово въ D u C a n g e Glossarium mediae et infimae Latinitatis, Parisiis, 1845, t. V, pag. 369. Какъ видимъ, Овидіево употребленіе posse въ качествѣ существительнаго имени (Metamorph., II, 483, XI, 177) вмѣсто facultas въ средніе вѣка и позднѣе не только получило право гражданства, но и повело къ сочиненію posse съ предлогомъ pro.

²⁾ Такъ, въ концѣ одного своего кодекса, онь собственноручно сдѣлалъ слѣдующую приписку: iste liber est mei B. Cardinalis Tusculani, legati bononiensis, scriptus hoc anno 1453, constitit florenis 18 (Valentinelli, II, 83). Замѣтимъ, что mei вмѣсто meus пишетъ Виссаріонъ въ 1453 году, притомъ неоднократно. Въ концѣ его кодекса Тацитовыхъ книгъ «Ab excessu divi Augusti» опять читаемъ слѣдующую, также собственноручную, его приписку: iste liber est mei b. cardinalis tusculani, Bononiae legati, scriptus Bononiae, constitit ducatis quatuordecim, mense Octobris, 1453 (Valent., VI, 21). Впрочемъ встрѣчаются и правильныя приписки. На одномъ кодексахъ читаемъ: Est meus b. cardin. tusculani (Valent., II, 63). Или: Liber Etymologiarum (т. е. Свиды) per alphabetum meus B., Card. Tusculani (Villoison, II, 251). Сравн. греческую приписку: λεξικὸν ἐτυμολογικὸν ἐμοῦ, Βησσαρίωνος Καρδηνάλεως τῶν Τοῦσκλῶν (ibid).

³⁾ Такова форма caelos (отъ caelus=caelum) въ припискѣ Виссаріона на кодексѣ, содержавшемъ Georgii de Peuerbach—Tabulae eclypsis solis et lunae (Valentinelli, IV, 265).

⁴⁾ На одномъ кодексахъ Виссаріонъ своей рукою сдѣлалъ слѣдующую надпись: quaestiones logicales ecclesiasticae (Valentinelli, IV, 151).

Виссаріонъ писалъ: de greco, captivitatis iudaice ¹⁾, nicenus ²⁾ и тому под. ³⁾. Не отличая латинскихъ долгихъ слоговъ, Виссаріонъ не всегда отличалъ и короткіе слоги, и потому латинское cardinalis (род. пад.) онъ передалъ однажды по гречески въ формѣ καρδιναλέως вмѣсто καρδινάλεως ⁴⁾. Затѣмъ, вмѣстѣ впрочемъ съ нѣкоторыми другими своими современниками, онъ не у мѣста употреблялъ придыхательное h, пища, напримѣръ, не anno, но hanno ⁵⁾. Наконецъ, онъ весьма безразлично употреблялъ большія и малыя начальныя буквы въ собственныхъ именахъ ⁶⁾, изъ чего можно заключить, что опредѣленныхъ правилъ на этотъ счетъ онъ или не имѣлъ или не держался.

Говоря о латыни Виссаріона, нельзя не сдѣлать еще одного замѣчанія объ его языкѣ вообще. Чтеніе и изученіе древнихъ авторовъ, взглядъ на себя, какъ на потомковъ этихъ авторовъ

¹⁾ Valentinelli, VI, 33.

²⁾ Valentinelli, IV, Должно, впрочемъ, замѣтить, что «Nicenus» писали и другіе (Valentinelli, V, 47; Jacobi Piccolomini Epistolae, Mediol., 1521, fol. 218 verso, 249 verso et al.).

³⁾ Valentinelli, II, 9: Codex (Lactantii) egregie scriptus cum titulis rubricatis et litteris initialibus librorum auro pictis. Bessarion propria manu a principio scripsit graece et latine: «Istum tullianae eloquentiae quasi quendam fluvium... dono mihi dedit B. cardinali niceno rev... presbyter cardinalis digniss. titulo sancte Sabine».

⁴⁾ Villoison, p. 251—252; cf. Migne, CLXI, 688. А. Такъ впрочемъ (т. е. съ η вмѣсто ι) писали и другіе современные Виссаріону греки. Villoison, p. 252. Замѣтимъ однако, что Виссаріонъ въ другое время, повидимому, писалъ рассматриваемое слово совершенно правильно. Ср. Migne, CLXI, 696 А и прим. 1, также col. 692. С.

⁵⁾ См. приведенную выше его приписку изъ Valentinelli, II, 83. Срав. michi (=mihi) въ чьей-то припискѣ на одномъ изъ кодексовъ Виссаріона. Valent., V, 47.

⁶⁾ См. приведенныя выше помѣтки его на книгахъ, гдѣ свое имя «Bessarion» онъ обозначаетъ чрезъ «B.» и «b.». Весьма любопытно было бы прослѣдить то, какъ вообще писалъ Виссаріонъ въ разную пору свое имя по латыни; но въ настоящее время едвали можно судить объ этомъ съ увѣренностью. Позволяемъ себѣ, впрочемъ, сдѣлать слѣдующее предположеніе: не писалъ ли Виссаріонъ свое имя сначала прямо примѣнительно къ греческому Βιζαρρίωνу, именно Vissarion (см. рукопись, изд. Востомъ, стр. 452), а затѣмъ, съ теченіемъ времени, не сообразовался ли онъ въ латинскомъ начертаніи своего имени съ латинскимъ же произношеніемъ этого имени, при чемъ опять примѣнялся къ латинскому произношенію своего имени не вдругъ, а постепенно, т. е. писалъ сначала Bissarion (см. манускрипты, изд. Востомъ на стр. 450 и 454; ср. наименованіе «Bizzarion», отищенное Valentinelli, IV, 174), а потомъ Bessarion, т. е. обычнымъ образомъ? Срав. замѣчаніе Годіа:.. a nonnullis Besarion, Bissarion, et Bisarion dictus; ab aliis Bizarion, ut in inscriptione epistolae ineditae Alexandri Braccii ad illum datae (Hodius, 136—137).

и вмѣстѣ какъ на возстановителей древней, угасшей-было, жизни, чувство своего рода благоговѣнія предъ этой жизнью и ея обнаруженіями вообще и въ литературѣ въ особенности, увлеченіе этой литературой, а отчасти и желаніе показать свое знакомство съ ней, наконецъ, ученый и церковный либерализмъ гуманистовъ,—все это вмѣстѣ наложило на языкъ гуманистовъ особый отпечатокъ,—отразилось на этомъ языкѣ одной весьма интересной и характерной особенностью. Это—языческій колоритъ ихъ языка—въ тѣхъ, конечно, литературныхъ памятникахъ, гдѣ самое содержаніе дозволяло это. Мало-по-малу вошло въ обычай употреблять языческія выраженія всякій разъ, какъ гуманистъ писалъ не какъ христіанинъ, не какъ папскій секретарь и т. д., но какъ потомокъ древнихъ римлянъ и грековъ, какъ представитель древнихъ традицій въ мысли и въ языкѣ ¹⁾. Этой своего рода модѣ не могъ понятно остаться чуждымъ и Виссаріонъ. Узнавши о смерти Плиѳона, онъ пи-

¹⁾ Въмѣсто Deus гуманисты, въ томъ числѣ и прелаты, обыкновенно говорили *Superi, dii immortales*; мысль: «да отвратитъ это Богъ» они передавали по латыни чрезъ выраженіе: *id avertat Juppiter* (Leon. Bruni Aretini *Epistolae*, ed. Fabricius, Hamburgi, 1724, lib. III, ep. 11) и т. п. Эти и подобныя выраженія, а равно и чрезмѣрно частыя ссылки гуманистовъ на классическихъ авторовъ и древнія событія (см. напр. письмо Поджіо въ *Spicilegium Romanum*, X, 256—265) могутъ лишь отчасти объясниться тщеславіемъ гуманистовъ и ихъ заботой о томъ, чтобы каждая написанная ими строчка свидѣтельствовала объ ихъ учености и близкомъ знакомствѣ съ древностью (ср. Voigt, S. 429 по первому изданію). Намъ кажется, что гуманисты до известной степени были невольны въ томъ, въ чемъ ихъ упрекаютъ и что объясняютъ такими неблагоприятными мотивами. Постоянное обращеніе съ памятниками древности необходимо и до нѣкоторой степени помимо ихъ воли клало на нихъ рѣчь и образъ выраженій печать той же древности. Гуманисты, если можно такъ выразиться, пропитались древностью, сроднились съ ея идеями, такъ сказать—жили ими. Оттого и ихъ языкъ носилъ на себѣ такую окраску старины, которая въ наше время способна даже вызвать улыбку. Нѣкто Михаилъ Фернъ (Fernus) озаглавливаетъ, напримѣръ, одно изъ своихъ писемъ къ известному Помпонію Лето слѣдующимъ образомъ: *Dictatori perpetuo, Imperatori nostro Maximo, Pomponio Leto,—Magistro Equitum Phaedro (Volaterrano?) sanctaeque Reipublicae Litterariae*. Въ концѣ письма авторъ называетъ Помпоніо *Imperator noster semper Augustus* (Fabricius, *Bibl. med. et inf. Lat.*, III, 904). Известный *Paulus Jovius* (*Elogia vir. illustrium*, ed. Petri Pernaе, Basil., 1577, pag. 43—44) постоянно называетъ папскія владѣнія—республикой, конклавъ — коняціями, а кардиналовъ — сенаторами. Леонардо Аретано въ одномъ изъ своихъ писемъ многочисленными свидѣтельствами древнихъ старался доказать, что римско-германскіе императоры должны носить титулъ *rex Romanorum*, а не *Imperator Romanorum* (см. Фабріціево изданіе писемъ Леонардо, *Epist. lib. VI*, ep. 7). Гуманисты возстаютъ

шетъ дѣтямъ послѣдняго ¹⁾, что этотъ ихъ «общій отецъ и руководитель, сложивъ съ себя все земное, переселился на небо и въ вѣчную обитель, чтобы вмѣстѣ съ олимпійскими богами славить хороводами мистическаго Вакха» ²⁾. Само собою понятно, что подобныя выраженія совсѣмъ не свидѣтельствуютъ

противъ обычая—въ письмахъ къ одному лицу обращаться съ нимъ на «Вы»: у древнихъ римлянъ и грековъ, говорили они, этого «Вы» не было (A e n s a e S y l v i i Opera omnia, Epist. lib. 1, p. 600 sqq. по изданію, которое принадлежитъ Императорской Публичной Библіотекѣ). Послѣ этого что же удивительнаго, если гуманистъ пересыпаетъ, напрямѣръ, свою рѣчь выписками изъ древнихъ авторовъ, и почему непременно видѣть въ этомъ одно желаніе автора похвастаться своей ученостью?

¹⁾ Здѣсь къ слову позволимъ себя упомянуть, что объ общественномъ и имущественномъ положеніи дѣтей Гемиста Плинеона, называвшихся Дамптріемъ и Андроникомъ Гемистами, а равно и самаго Георгія, интересныя свѣдѣнія можно найти въ статьѣ г. У с е н с к а г о подъ заглавіемъ: «Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи», напечатанной въ «Журн. Мпн. Нар. Просв.», февраль, 1883 г., часть ССХХV. Здѣсь, на стр. 355—359, приводятся—частію въ извлеченіяхъ, частію въ полномъ видѣ—три дарственные грамоты Плинеону и его сыновьямъ на потомственное владѣніе городомъ Фанаромъ, въ Θεσσαλίи, и селеніемъ Врисой, въ Эпирѣ, съ ихъ окрестностями, именно: аргировуль деспота Θεοδορα Παλεολογα отъ 1427 г., хрисовуль царя Ιωαννα Παλεολογα отъ 1428 г. и аргировуль деспота Δημητρία Παλεολογα отъ 1450 г.

²⁾ Πέπυσμα τὸν κοινὸν πατέρα τε καὶ καθηγεμόνα, τὸ γεῶδες πᾶν ἀποθέμενον, ἐς οὐρανὸν καὶ τὸν ἀκραίφην μεταστῆσαι χῶρον, τὸν μυστικὸν τοῖς Ὀλυμπίοις θεοῖς συγχωρεῖσθοντα Ἰαχχον (Migne, t. CLXI, col. 696. A). Въ этой причудливой фюрѣ Виссаріонъ хотѣлъ, можетъ быть, выразить ту простую и совершенно христіанскую мысль, что Плинеонъ переселился теперь въ небесныя обители, чтобы тамъ, «вмѣстѣ съ небожителями, воспѣвать трисвятую пѣснь». Выразился же онъ, какъ язычникъ, потому, что находилъ это вообще сообразнымъ съ обстоятельствами, при которыхъ писалъ свое письмо, т. е. или потому, что, пиша по гречески, считалъ нужнымъ выражаться такъ, какъ могъ выразиться древній грекъ, или потому, что въ данномъ случаѣ находилъ умѣстнымъ стать на точку зрѣнія своихъ адресатовъ и ихъ отца, или наконецъ, по обоимъ мотивамъ вмѣстѣ. Что второй изъ указанныхъ мотивовъ дѣйствительно могъ имѣть мѣсто, это видно, кажется, и изъ непосредственно слѣдующихъ за приведенными словъ Виссаріона. Вотъ онъ: Ἐγὼ μὲν οὖν χαίρω τοιοῦτω ὀμηρικῶς ἀνδρὶ, οὐ μετὰ Πλάτωνα (ἐξηγήρηθα δὲ λόγῳ Ἀριστοτέλης) σοφώτερον οὐκ ἔφρασεν ἡ Ἑλλάς [α]: ἐγὼ μὲν οὖν χαίρω παρὰ τοιοῦτον ἄνδρα φοιτήσας, οὐ Πλάτωνι, μετὰ γε τοὺς πρώτους ἐκείνους ἀνδρας οὐς ἔφρασεν ἡ Ἑλλάς, οὐ σοφία, οὐ τῇ ἄλλῃ ἀρετῇ ἑμοῖότερον (οἶδα?). «Ὡστ' εἴ τις τοὺς περὶ τῆς ἀπειροῦ τῶν γε ψυχῶν ἀνάδου τε καὶ καθόδου Πυθαγορείων καὶ Πλάτωνος ἀπεδέχετο λόγους, οὐκ ἂν ἀπεκνήσω καὶ τοῦτο προσθεῖναι, ὡς ἄρα Πλάτωνος τὴν ψυχὴν, τοῖς τῆς εἰσαρμένης ἀρρήτοις θεομοῖς δεῖσαν δουλεύσαι καὶ τὴν ἀναγκαίαν ἀποδοῦναι περίουον, ἐπὶ γὰρ κατιούσαν τὸ Γεμιστοῦ σχῆνος καὶ τὸν ἐκείνου βίον ἐλέσθαι (col. 696. A. B. D). Здѣсь Виссаріонъ говоритъ, что если стать на точку зрѣнія Платонцевъ и Платона о переселеніи душъ, то слѣдуетъ, не колеблясь, признать, что въ Гемистѣ была переселившаяся въ него душа Платона.

о шаткости христіанскихъ убѣжденій Виссаріона, чего, конечно, нельзя сказать о всѣхъ гуманистахъ и о Плифонѣ въ особенностяхъ. Въ свои, по вѣншности не совсѣмъ христіанскія выраженія, самъ Виссаріонъ, безъ сомнѣнія, влагалъ чисто христіанскій смыслъ. Въ его устахъ онѣ были такъ же невинны, какъ напримѣръ перѣдко встрѣчающееся у него выраженіе *Deus Optimus Maximus* ¹⁾, напоминающее классическое *Iuppiter Optimus Maximus*. Пройстекли онѣ изъ весьма естественнаго, при томъ обычнаго въ ту пору, стремленія: пиша по гречески или по латыни, выражаться на манеръ древнихъ грековъ или латинянъ.

При глубокой и широкой начитанности Виссаріона въ древнихъ авторахъ, при его болѣе или менѣе близкихъ связяхъ со многими изъ лучшихъ тогдашнихъ итальянскихъ гуманистовъ, при его, наконецъ, точномъ, критическомъ и пытливомъ умѣ, было бы почти невозможно, чтобы онъ, если самъ не выработалъ, то по крайней мѣрѣ не выяснилъ себѣ существовавшихъ тогда правилъ и пріемовъ при критикѣ и установленіи текста авторовъ, этомъ пробномъ камнѣ филологическихъ знаній. И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи Виссаріонъ стоялъ вполне на уровнѣ своего времени. Какого рода были его правила и пріемы критики, объ этомъ можно судить по его изслѣдованію объ извѣстныхъ евангельскихъ словахъ: *Ἐὰν αὐτὸν θέλω μένειν ἕως ἔρχομαι, τί πρὸς σέ*. Это изслѣдованіе настолько важно и характеристично въ указанномъ отношеніи, что на немъ необходимо подольше остановиться ²⁾.

Вопросъ, обсуждаемый въ этомъ изслѣдованіи, состоитъ въ слѣдующемъ: правильно ли читаютъ латиняне въ Евангеліи Іоанна, XXI, 22: *Sic eum volo manere, quid ad te*, тогда какъ въ греческомъ текстѣ читается: *Ἐὰν αὐτὸν θέλω μένειν ἕως ἔρχομαι, τί πρὸς σέ*? Виссаріонъ отвѣчаетъ на это отрицательно, и именно по слѣдующимъ основаніямъ ³⁾. Кто переводитъ что

¹⁾ coll. 666 B., 668. B, 669. C, 676. A.

²⁾ Поводъ къ составленію этого сочиненія указавъ самимъ Виссаріономъ (см. Migne, t. CLXI, col. 623—626), но, кажется, не вполне точно и во всякомъ случаѣ не вполне ясно: изъ содержанія Виссаріонова изслѣдованія видно, что онъ направлялъ его, между прочимъ, и противъ, сочиненія о томъ же предметѣ Георгія Трапезунтскаго (Migne, l. c., col. 867 sqq.). Ср. напримѣръ col. 639. C. и col. 874. C.

³⁾ Въ нижеслѣдующемъ изложеніи мы будемъ по возможности брать у Виссаріона лишь то, что характеризуетъ его пріемы критики текста вообще.

нибудь съ одного языка на другой, тотъ, по мнѣнію Виссаріона, долженъ хорошо знать языкъ, съ котораго дѣлается переводъ, и при переводѣ не только выдерживать мысль, но и самое ея выраженіе, т. е. переводить какъ можно ближе къ подлиннику, если только это можетъ быть сдѣлано не въ ущербъ требованіямъ и законамъ языка, на который дѣлается переводъ ¹⁾). Поэтому если по винѣ переводчика въ переводный текстъ вкрадется какаянибудь неправильность, то ее нужно исправлять на основаніи свидѣтельства оригинальнаго текста. Подобнымъ же образомъ нужно поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда неправильность произошла по винѣ переписчика переводнаго текста. Такъ поступать по отношенію къ священному тексту прямо внушаютъ святые отцы Церкви ²⁾; къ этому побуждаетъ и въ правильности такого образа дѣйствій убѣждаетъ и ихъ собственный примѣръ ³⁾. Уже по этому одному въ указанномъ мѣстѣ Евангелія Іоанна слово *sic*, какъ не соответствующее подлинному греческому $\epsilon\acute{\alpha}\nu$, должно быть признано неправильнымъ. Неправильность эта не могла произойти по винѣ переводчика; вся вина падаетъ на латинскихъ переписчиковъ.

Манускрипты, разсуждаетъ Виссаріонъ, обыкновенно искажаются трояко: или вслѣдствіе прибавки, или вслѣдствіе измѣненія, или вслѣдствіе выпуска ⁴⁾. Первый видъ искаженія имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда переписчикъ прибавляетъ чтонибудь или на основаніи параллельныхъ мѣстъ ⁵⁾, или

¹⁾ col. 626. С. D. Эта мысль въ наше время представляется сама собою понятною; но въ XV вѣкѣ, когда большинство, въ томъ числѣ и очень образованные люди, какъ Георгій Трапезунтскій, высказывалось въ пользу неприкосновенности латинскаго текста, указать на необходимость повѣрять переводный текстъ подлиннымъ было дѣломъ весьма нужнымъ и важнымъ.

²⁾ col. 630.

³⁾ col. 627. С. D. и 628 въ началѣ.

⁴⁾ Виссаріонъ отсылаетъ при этомъ за подробностями къ вѣоному *Nicolaum, tituli Damasi diaconum et bibliothecae suffraganeum, virum, quantum intelligere licet, Hebraicae linguae peritissimum, qui, Lucii secundi Romani pontificis tempore, ad Petrum basilicae Sancti Petri canonicum scribens, de sanctae scripturae emendatione multa disseruit* (col. 629. A).

⁵⁾ Виссаріонъ совершенно справедливо указываетъ на то, что слова: «*si ascendam ad Philistium et dabis eos in manu mea*», которыя читаются во 2 Цар. V, 23, in quibusdam mendosis codicibus, явились здѣсь, потому что ихъ вѣтъ въ подлинномъ еврейскомъ текстѣ, и что онѣ суть вставка пере-

прямо изъ собственной головы, на основаніи личныхъ, но ошибочныхъ соображеній¹⁾). Второй видъ искаженія бываетъ тогда, когда измѣняются преданныя слова или по какимъ нибудь соображеніямъ или вслѣдствіе простой описки писца, написавшаго вмѣсто одного другое, отличное по значенію, но близкое по звукамъ и начертанію слово²⁾). Третій видъ искаженія происходитъ отъ того, что въ текстѣ выпускается что нибудь не существенно важное для смысла³⁾). Виссаріонъ полагаетъ, что въ разсматриваемомъ латинскомъ выраженіи мы имѣемъ второй видъ искаженія, именно описку небрежнаго латинскаго писца, который вмѣсто первоначально стоявшаго *si* написалъ одной лишь буквой отличающееся, но по значенію столь различное слово *sic*. Писецъ также точно описался въ данномъ случаѣ, какъ описался тотъ писецъ, который вмѣсто *tonsuram regis* написалъ *tonsorem gregis*,—вмѣсто *vastationem* написалъ *vaticinationem*, вмѣсто *pec ex voluntate carnis* (= οὐδὲ ἐκ θελήματος σαρκός)—*pec ex voluptate carnis* и т. п.⁴⁾. Такая описка могла произойти именно въ латинскомъ, но никакъ не въ греческомъ текстѣ: *sic* весьма близко по звукамъ къ *si* и весьма легко могло произойти изъ *si*, тогда какъ греческое чтеніе *ἐάν*, по начертанію и звукамъ, ни мало не сходно съ равносильнымъ *sic* реченіемъ *ὅτως* и произойти изъ него никакъ не могло⁵⁾.

Чтеніе *si* подтверждается и контекстомъ рѣчи, тогда какъ

писчиковъ, ввавшихъ ихъ изъ сходнаго мѣста во 2 Цар. V, 19 (Migne, col. 628).

¹⁾ In Genesi (XXIX, 25) eo in loco, ubi dicitur: «Nonne pro Rachel servivi tibi? Quare imposuisti mihi?» quidam superfluo addunt «Liam» (Migne, ibid.). Эта прибавка, действительно, излишняя, потому что «imposuisti mihi», «обмануль меня», вполне точно передаетъ соответствующее выраженіе въ оригинальномъ текстѣ. Возможно, что переписчикъ сдѣлалъ прибавку, или не зная значенія «imposuisti mihi», или полагая, что выраженіе «quare imposuisti mihi Liam» лучше соответствуетъ предшествующему выраженію.

²⁾ Такъ въ словахъ книги Исходъ (XX, 18): «cunctus autem populus videbat voces» pro «videbat» plerique «audiebat» scripsere, eo quod vox audiri potius soleat quam videri. Или въ книгѣ Бытія (XXXVII, 2) въ нѣкоторыхъ рукописяхъ читается: «cum Ioseph duodecim esset annorum» pro «decem et septem» и т. п. (ibid.).

³⁾ Такъ напримѣръ, въ словахъ пророка Захарія (VI, 12): «ipse aedificabit templum Domino et exstruet templum Domino», quod postremo ponitur: «et exstruet templum Domino» de multis exemplaribus detractum est (col. 629. A).

⁴⁾ col. 631. A. B.

⁵⁾ col. 630. D., 631. A.

чтение sic t̄mъ же контекстомъ опровергается. Если читать sic eum volo manere, что другое можетъ это значить, какъ не то, что Иоаннъ не умретъ? Между т̄мъ евангелистъ, вслѣдъ за приведеннымъ изреченіемъ, указавъ на вызванное неясными словами Иисуса мнѣніе учениковъ о томъ, что Иоаннъ не умретъ, прибавляетъ: „но Иисусъ не сказалъ ему, что не умретъ, но: если Я хочу, чтобы онъ пребылъ, пока прійду,—что тебѣ до того“? Такого замѣчанія писателю Евангелія со всѣмъ не было бы нужды дѣлать, если бы онъ выше дѣйствительно написалъ: sic eum volo manere:—тогда мнѣніе учениковъ было бы вполне справедливо, такъ какъ выраженіе: sic eum volo manere и не допускаетъ никакого иного пониманія. Къ этому нужно прибавить еще и то, что Иоаннъ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ латинянъ ¹⁾, дѣйствительно умеръ ²⁾. Но этого не могло случиться, если бы Иисусъ дѣйствительно сказалъ: sic eum volo manere, т. е. сказалъ, что Иоаннъ не умретъ; а если бы это случилось, то Иисусъ сказалъ бы неправду, что и помыслить богопротивно ³⁾.—Наконецъ „если“, а не „такъ“ читали въ разсматриваемомъ мѣстѣ великіе греческіе учителя: Оригенъ, Златоустъ, Кириллъ и многіе другіе ⁴⁾. Что же касается того, что латинскіе учителя церкви читали въ нашемъ мѣстѣ не „если“, но „такъ“ ⁵⁾, то это доказываетъ только то, что эти учителя, не зная подлиннаго языка, на которомъ написаны священныя книги, и подлиннаго текста, по необходимости должны были слѣдовать буквѣ латинскаго неисправнаго перевода ⁶⁾. Предлагая свою поправку, Виссаріонъ не думаетъ, что онъ заслужилъ или заслужитъ чрезъ то упрекъ въ печетивомъ посягательствѣ на священный текстъ. Блаженный Иеронимъ исправлялъ же священный текстъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ былъ искаженъ или переводчиками, или исправителями, или переписчиками ⁷⁾. Подобныя поправки, вслѣдствіе

¹⁾ col. 626. D. nonnullorum opinio fuerit, beatum Ioannem Evangelistam pondum vita functum esse, sed secundum Christi adventum vivendo praestolari. Такъ думалъ и Георгій Трансзуатскій (col. 882. C).

²⁾ col. 627. A. B.

³⁾ col. 632. D.

⁴⁾ col. 633. C. D.

⁵⁾ col. 625. C; 634. A.

⁶⁾ col. 635. D.

⁷⁾ col. 630. A.

вновь замѣченныхъ искаженій текста, вынуждены были предпринимать и позднѣ Иеронима жившіе просвѣщенные мужи. Если это могли дѣлать названныя лица въ прежнее время, то почему нельзя этого дѣлать въ наше время? ¹⁾

Кромѣ палеографическихъ, историческихъ и богословскихъ доказательствъ въ пользу своего чтенія ²⁾, Виссаріонъ подтверждалъ его и опровергалъ тогдашнюю вульгату и нѣкоторыми грамматическими соображеніями ³⁾.

Мы видѣли, что самъ Виссаріонъ, какъ гуманистъ, есть весьма почтенная для того времени личность. Но его услуги гуманизму и съ тѣмъ вмѣстѣ его право на видное мѣсто въ исторіи просвѣщенія вообще и въ исторіи возрожденія въ особенности—не ограничиваются этимъ. Онъ былъ не только гуманистомъ, но и покровителемъ гуманистовъ. Чтобы понять все значеніе этого обстоятельства, необходимо бросить хотя бѣглый взглядъ на его положеніе въ куріи.

Значеніе Виссаріона въ священной коллегіи было немало важно уже при Евгеніѣ IV. Это объясняется, конечно, прежде всего той услугой, какую оказалъ папству Виссаріонъ на флорентійскомъ соборѣ, затѣмъ его личными достоинствами и, наконецъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что ученые интересы Виссаріона находили въ Евгеніѣ IV довольно просвѣщеннаго цѣнителя. Еще большимъ значеніемъ началъ пользоваться Виссаріонъ со времени папы Николая V. Томасо Парентучелли еще до избранія своего въ папы былъ постояннымъ посѣтителемъ, такъ называемой, Виссаріоновой академіи и членомъ его ученаго вѣрушка ⁴⁾, — фактъ весьма много говорящій въ пользу

¹⁾ col. 636. В. С.

²⁾ Виссаріонъ приводилъ и нѣкоторыя другія доказательства въ пользу своего взгляда, напримѣръ внутреннія противорѣчія въ аргументаціи противниковъ (col. 639. С) и проч.

³⁾ При сравнительномъ недостаткѣ данныхъ для сужденія о Виссаріонѣ, какъ филологѣ, важность разсматриваемаго трактата для біографа Виссаріона, повидимому, не можетъ подлежать сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что разсужденія Виссаріона характеризуютъ его и какъ прелата римской церкви. Вастъ по чему-то иначе смотритъ на дѣло. *Ce petit traité, lisons-nous, malgré ses digressions grammaticales et quelques abus de dialectique, est digne de Bessarion* (pag. 317).

⁴⁾ Въ этомъ случаѣ полагаемся всецѣло на Вастъ (pag. 170), такъ какъ намъ самимъ, если не измѣняетъ память, не приходилось встрѣчаться съ свидѣтельствомъ объ этомъ современниковъ. Къ сожалѣнію, Вастъ не говоритъ ясно, на чемъ онъ основываетъ свое мнѣніе. Нужно однако думать, что онъ

добрыхъ отношеній Виссаріона и Томасо еще въ ту пору. Произойдя изъ такого прочнаго основанія, какъ единство ученыхъ интересовъ, и опираясь на него, эти отношенія естественно сохранились и послѣ восшествія Томасо на папскій престолъ. Виссаріонъ сдѣлался близкимъ совѣтникомъ папы и участникомъ во всѣхъ его предпріятіяхъ. Достояннымъ вознагражденіемъ за это было назначеніе Виссаріона, въ началѣ 1449 года, епископомъ сабинскимъ ¹⁾, а около двухъ мѣсяцевъ спустя епископомъ тускуланскимъ. Послѣднее назначеніе было, какъ увидимъ нѣсколько ниже, не только въ высшей степени почетно, но и крайне выгодно для Виссаріона ²⁾. Въ слѣдующемъ 1450 году ³⁾ Виссаріонъ получилъ новое почетное назначеніе—въ качествѣ легата de latere отправиться въ Болонью, чтобы съ одной стороны примирить мѣстныя партіи, съ другой—поддержать здѣсь власть и авторитетъ папы. Это назначеніе, требовавшее отъ легата большой авторитетности, ума, гибкости, а при случаѣ и силы характера, показываетъ, что всѣ эти качества Виссаріонъ успѣлъ уже заявить, и онѣ были признаны въ немъ. Виссаріонъ, какъ оказалось, весьма удачно исполнилъ свою задачу въ Болоньѣ ⁴⁾. Неудивительно поэтому,

пять въ виду болѣе важныхъ данныхъ, чѣмъ одинъ тотъ фактъ, что Виссаріонъ посвятилъ Парентучелли свой переводъ слова Василія Великаго на день Рождества Христова (Vast, 452).

¹⁾ Доселѣ Виссаріонъ титуловался basilicae SS. XII Apostolorum presbyter cardinalis. Migne, t. CLXI, coll. LXI, LXIV, LXX, LXXI.

²⁾ Впрочемъ, въ концѣ своей жизни, именно съ 1468 г., Виссаріонъ опять управлялъ сабинской епархіей, вмѣсто тускуланской. Bandini у Мня, col. XLVIII.

³⁾ Vast, 178.

⁴⁾ При своемъ отъѣздѣ изъ Болоньи, Виссаріонъ, по словамъ кардинала Як. Пикколомини, увезъ съ собою сожалѣнія, по случаю его удаленія, и признательность гражданъ Болоньи (Vast, 187). А Пикколомини, какъ ни былъ онъ расположенъ къ Виссаріону, котораго называлъ даже *patens* (см. его *Epistolae*, изд. 1521 г.), не былъ настолько увлеченъ его личностію, чтобы не порицать въ немъ того, что находилъ достойнымъ порицанія (Срав. его отзывъ по поводу посольства Виссаріона въ Галлію, напримѣръ у Бернера, стр. 58). Другой, столь же авторитетный отзывъ о болонскомъ посольствѣ Виссаріона мы имѣемъ отъ Энео Сильвіо. Въ своей *Historia de Europa*, рассказавши о борьбѣ партій въ Болоньѣ, Сильвіо говоритъ (Opera, pag. 452): «въ это время Виссаріонъ, кардиналъ никейскій, по происхожденію грекъ, человекъ чрезвычайно умный (*prudencia singulari*), превосходно знавшій нашъ и свой родной языкъ, былъ вѣжестникомъ папы Николая V въ этомъ городѣ и исполнялъ должность папскаго легата до самой смерти папы. Знать и народъ одинаково любили его (*nobilitati plebique iuxta charus fuit*); между тѣмъ

что послѣ смерти Николая V расположенные къ Виссаріону кардиналы сочли возможнымъ предложить его кандидатомъ на папскій престоль, и эта кандидатура, повидимому, была благопріятно принята довольно многими избирателями ¹⁾. Виссаріонъ однако не былъ избранъ: однихъ могла безпокоить его строгость, другимъ казалось обиднымъ для національнаго самолюбія избирать пришлепа-грека и т. п. Съ выборомъ на папскій престоль Альфонсо Борджіа, принявшаго имя Каллиста III, Виссаріонъ не былъ впрочемъ отодвинуть на задній планъ. Правда, онъ, какъ кажется, не игралъ теперь той роли, какую долженъ былъ бы играть при своей ревности къ идеѣ крестовыхъ походовъ и при ревности къ тому же папы, который главною задачею своей дѣятельности поставилъ именно борьбу съ турками ²⁾: кандидатура Виссаріона, которую едвали забылъ Каллистъ, была въ томъ одну изъ главныхъ, безъ сомнѣнія, причинъ. Однако и при этомъ папѣ вліяніе Виссаріона въ священной коллегіи было, безспорно, весьма значительно. При папѣ Піѣ II Виссаріонъ дѣлается уже, повидимому, главнымъ послѣ папы лицомъ въ куріи. И это неудивительно: Пія и Виссаріона связывала не только идея о крестовомъ походѣ противъ невѣрныхъ, но—что гораздо важнѣе — ихъ ученые интересы; а эта связь была въ ту пору одною изъ наиболѣе прочныхъ, какъ ни развиты были тогда самолюбивыя тенденціи. Доказательствомъ значенія, которымъ пользовался въ ту пору Виссаріонъ, можетъ служить назначеніе его патрономъ такого важнаго и популярнаго ордена, каковъ былъ орденъ францисканъ или миноритовъ ³⁾, затѣмъ выдающаяся роль его на мантуанскомъ конгрессѣ ⁴⁾ и послѣдовавшее, вслѣдъ за конгрессомъ, въ высшей степени важное назначеніе его легатомъ въ Германію ⁵⁾. Не-

это государство (Вопонія) доведено до того, что легаты скорѣе просятъ (rogare), чѣмъ приказываютъ, что теперь въ полной мѣрѣ испытываетъ на себѣ Людовикъ, кардиналъ-легатъ. Онъ хоть и уменъ, и облеченъ авторитетомъ, подобающимъ звукъ верховнаго первосвященника, однако не больше имѣетъ въ городѣ власти, чѣмъ сколько угодно сенату и Ксанту (Χανθου). Свидѣтельство такого лица, какъ Сильвіо, вполне опровергаетъ мнѣніе, будто бы Виссаріонъ только лавировалъ въ Болоньѣ между обѣими тамошними политическими партіями и для блага города не сдѣлалъ ничего.

¹⁾ Vandini, cap. XXIV (Migne, col. XXII); Vast, 219—220.

²⁾ Срав. Vast, 222 и слѣд.

³⁾ Vandini у Миня, col. XXV sq.

⁴⁾ Ibidem; Vast, 238; Campani Opera (Lipsiae, 1734) pag. 458, 472 и 488.

⁵⁾ Vast, p. 242 sqq.

удача этой послѣдней миссiи, происшедшая не по винѣ Виссарiона, не могла измѣнить и не измѣнила его положенiя въ курiи. Вскорѣ же послѣ возвращенiя Виссарiона изъ германскаго посольства мы, напримѣръ, видимъ его заступающимъ мѣсто заболѣвшаго папы при церемонiяхъ принятiя избранныхъ предъ тѣмъ кардиналовъ въ священную коллегiю ¹⁾). Другимъ знакомъ значенiя Виссарiона въ Римѣ можетъ служить приемъ его въ 1463 году въ Венецiи, куда онъ былъ посланъ легатомъ для улаженiя вопроса о войнѣ съ турками: этотъ приемъ былъ таковъ, какой со стороны гордой царицы Адриатики оказывался только коронованнымъ особамъ ²⁾). При слѣдующемъ папѣ положенiе Виссарiона нѣсколько измѣняется. По причинамъ, которыя будутъ указаны нѣсколько ниже, Виссарiонъ не могъ лично при Павлѣ, по крайней мѣрѣ въ первое время, пользоваться особенно большимъ влiянiемъ; но онъ несомнѣнно, имѣлъ такое влiянiе на многихъ членовъ священной коллегiи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ старѣйшiй между кардиналами ³⁾, оказывалъ весьма большое, если не рѣшительное, влiянiе на дѣла ⁴⁾). Очень

¹⁾ Bandini у Миня, col. XXXII; Vast, p. 256.

²⁾ Vast, p. 269.

³⁾ Bandini у Миня, col. XL.

⁴⁾ Значенiе Виссарiона въ эту пору хорошо охарактеризовано въ одномъ изъ писемъ кардинала Никколомини, написанномъ въ 1465 году, слѣдовательно вскорѣ послѣ восшествiя Павла на престолъ, состоявшагося въ концѣ 1464 г. Вотъ что писалъ названный предать къ кардиналу Сенескому (Senensem): «Всакiй разъ, когда я смотрю на этого нашего коллегу, я горячо (suspirans) молю Бога, чтобы онъ продлилъ его жизнь какъ можно дольше. Говорю о Никейскомъ, кардиналѣ Тускуланскомъ, нашемъ съ тобою общемъ отцѣ. Причина, заставляющая меня молиться, не столько любовь, съ которой я отношусь къ нему, сколько общественная польза, къ которой, какъ я вижу, онъ всегда стремится. Онъ—честь нашей коллегiи, значенiе которой зависитъ отъ его присутствiя въ ней (cuius aestimatio stat huius praesentia)... Ты каждый день можешь видѣть, какъ велики его умственные силы (quantum ingenio valet); ничего не усмотришь, чего бы не усмотрѣлъ онъ самъ; и не считается хорошимъ (nec sentitur bene), чего не одобряетъ его судъ. Когда предложены дѣла, о которыхъ вужно совѣщаться, то онъ первый по порядку подаетъ свой голосъ, имѣя на размышленiе только то время, пока дѣляется докладъ, и такъ быстро высказываетъ то, что въ разсматриваемомъ дѣлѣ есть лучшаго, что слѣдующимъ нечего говорить... По большей части соглашаются съ его мнѣнiемъ; одобряютъ то, что онъ одобряетъ, и осуждаютъ то, что онъ осуждаетъ... Онъ всегда что нибудь соображаетъ (meditatur) и предлагаетъ папѣ что нибудь, относящееся къ общей пользѣ христанъ или церкви» (Hodius, p. 156 sqq.). О значенiи Виссарiона въ первые года папствования Павла II какой-то анонимный, но, какъ видно изъ всего, довольно хорошо знакомый съ дѣлами Виссарiона человекъ писалъ слѣдующее: cardinalis Bessarion, N-

естественно поэтому, что при выборѣ преемника Павлу II Виссаріонъ имѣлъ за себя весьма авторитетные голоса, и будь онъ менѣ разборчивъ на средства, онъ, быть можетъ, былъ бы избранъ ¹⁾. Виссаріонъ не былъ избранъ; но его кандидатура не могла быть забыта такимъ человѣкомъ, какъ Сикстъ IV, нѣкогда протезъ Виссаріона ²⁾. и потому папа могъ только желать удаленія Виссаріона изъ куріи, и когда представился благопріятный случай къ этому, онъ воспользовался имъ и отправилъ Виссаріона легатомъ во Францію.

Изъ этого краткаго очерка видимъ, что вліяніе Виссаріона почти съ первыхъ лѣтъ его кардинальства было весьма значительно и современемъ болѣе и болѣе увеличивалось. Вместе съ значеніемъ увеличивались и матеріальныя средства Виссаріона. Главнымъ источникомъ его доходовъ была тускуланская епископія, полученная имъ въ 1449 году и бывшая одною изъ первыхъ въ Италіи. Сверхъ того онъ былъ аббатомъ различныхъ монастырей ³⁾ и патрономъ орденовъ базилианскаго и францисканскаго. Каллистъ III назначилъ его епископомъ Пампелуны, Пій II — архіепископомъ Негропонта и патріархомъ константинопольскимъ. Нѣкоторыя изъ этихъ должностей приносили ему, конечно, очень мало. Такъ, въ качествѣ патріарха константинопольскаго, Виссаріонъ получалъ весьма небольшіе доходы, что и понятно, такъ какъ эти доходы шли лишь изъ мѣстностей, принявшихъ унию. Островъ Критъ, напримѣръ, доставлялъ ему всего 800 дукатовъ. Но при относительной скромности жизни Виссаріона ⁴⁾, имѣвшіяся у него свободныя денежныя средства были все же довольно значительны ⁵⁾.

caenus, tempore pontificis Pauli II maxime floret et in pretio non parvo esse pernoscitur, licet et antea exstiterit (Breve Bessarionis elogium, apud Migne, t. CLXI, col. XCIV). А что этотъ отзывъ относится къ первымъ годамъ папствованія Павла II, это видно, кажется, изъ сравненія начала «elogium» (nunc est in eius manibus opus de comparatione Platonis et Aristotelis... quod tamen nondum absolvit opus) съ Vast, pag. 345 not. Сравн. затѣмъ письмомъ Платины къ Виссаріону у Vandini (Migne, col. LX).

¹⁾ Vandini у Мини, col. LIII; Vast, pag. 397—398.

²⁾ Vast, p. 399. ³⁾ Vast, p. 302—303.

⁴⁾ Платина говоритъ о немъ: domum sibi paravit ita dignitati et facultatibus congruentem, ut neque melius quisquam neque modestius in Urbe habitat (Migne, t. CLXI, col. CXVI). Cf. Vast, p. 156, 159, 305. Срав. впрочемъ также и замѣчаніе современника (Migne, t. CLXI, col. XCV): qualia convivia instruat (Bessarion) spectatissimis et clarissimis viris legatisque nemo est qui ad unguem describere facile possit.

⁵⁾ Объ имуществѣ Виссаріона движимомъ и недвижимомъ, въ томъ числѣ

Располагая этими двумя важными средствами—вліяніемъ и деньгами, Виссаріонъ могъ оказать и оказалъ весьма большія услуги дѣятелямъ возрожденія, а чрезъ то и самому дѣлу возрожденія ¹⁾). Пользуясь своимъ вліяніемъ при римскомъ и другихъ итальянскихъ дворахъ, онъ неоднократно устраивалъ судьбу того или другого изъ гуманистовъ, или способствовалъ этому. Такъ поступалъ онъ съ первыхъ почти лѣтъ своей жизни въ Италіи ²⁾). Но само собою понятно, что Виссаріонъ могъ часто и болѣе или менѣе настойчиво выступать въ роли ходатая за гуманистовъ съ той, по преимуществу, поры, когда его собственное положеніе стало прочнымъ и почетнымъ. Объ этой сторонѣ его дѣятельности въ послѣдніе года жизни весьма краснорѣчиво говорить, между прочимъ, Платина ³⁾). Еще важнѣе была матеріальная поддержка, которую Виссаріонъ оказывалъ ученымъ людямъ. Выражалась она, прежде всего, въ обычной тогда формѣ, именно въ видѣ содержанія, какое давалъ Виссаріонъ нѣкоторымъ гуманистамъ въ своемъ домѣ ⁴⁾), а затѣмъ въ видѣ денежныхъ пособій ⁵⁾). Сверхъ того онъ да-

и поземельномъ, см. его завѣщанія, перепечатанныя у Миня, t. CLXI, col. LXXVII sqq., col. LXXXIII sqq.

¹⁾ На первомъ мѣстѣ стояли при этомъ греческіе ученые. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, написанномъ по смерти Виссаріона, Газа называетъ его ἡμέτερος σβεργέτης. (Migne, t. CLXI, col. 1006; cf. col. 1005, гдѣ говорится:.. οἰχομένου Βησσαρίωνος ἐφ' ᾧ πᾶσα ἦν ἡμῖν ἡ ἐλπίς).

²⁾ Такъ, еще при Евгеніи IV онъ примерилъ послѣдняго съ Валлой (Vast, 166).

³⁾ Bonos et doctos ad meliorem fortunam et honestiorem dignitatis gradum commendationibus suis gravissimis ac propriis facultatibus interdum erigit (Migne, col. CXIV). И нѣсколько дальше (col. CXVI): quod fieri ab eo amicorum causa potest, doctorum praesertim, quorum patronus est, id se libenter facturum repromittit. Справ. случай у Васта, стр. 315.

⁴⁾ Платина говоритъ: familiam domi alit in utraque lingua eruditissimam et in quavis facultate doctissimam (col. CXIV у Миня). Разазъ Волатерранъ писалъ: His Latinis Graecorum manus adjicienda, qui seculum nostrum clarius reddidere: quorum princeps Bessario cuius domus officina liberalium artium fuit donec vixit: doctissimos semper viros aluit atque fovit, Theodorum, Andronicum, Domicium, Gattum, Sipontinum (Наске, р. 48). А вотъ что писалъ самъ Виссаріонъ Θεодору Газѣ: ἀλλ' ἄλλοις χρησιμωτέροις (т. е. чѣмъ переводы) σχολάζειν βουλόμενος, ἀποσταίης ὄλωσ τοῦ ἐρμηνεύειν· οὐ δὲ μὴ κατατείνου ζητῶν, ὄθεν ἂν τροφῆς εὐποροίης, μηδὲν ἐρμηνεύων. τὰ γὰρ ἡμέτερα καὶ σοὶ κοινὰ καὶ ὄθεν ἡμεῖς καὶ αὐτὸς ἂν τραφείης, καὶ τοῦτο οὐχ ἀπλῶς ἀλλ' ὡς τις τῶν ἡμῖν ὁμοτιμῶν. καὶ εἰ μεταβῆναι τοίνον δοξείε, μὴ πρὸς ἄλλον, ἀλλὰ πρὸς ἡμᾶς μετάβηθαι (Migne, CLXI, 685. С).

⁵⁾ У того же Платины читаемъ (col. CXVI): his (i. e. amicis, doctis praesertim) de suo interdum donat, quantum ei per domesticas impensas licet.

валъ содержаніе многимъ молодымъ людямъ и платилъ за ихъ обученіе ¹⁾:

Очень естественно поэтому, что около Виссаріона въ ту особенно пору, когда онъ жилъ въ Римѣ и не находился въ разъѣздахъ, группировалось весьма значительное число образованныхъ людей, какъ изъ грековъ, такъ и изъ латинянъ, уже составившихъ себѣ имя въ ученомъ мірѣ, или по крайней мѣрѣ подававшихъ хорошія надежды. Эти-то лица, по преимуществу, и образовали изъ себя такъ называемую академию Виссаріона. Первые зачатки ея мы уже видѣли случай разсмотрѣть, когда говорили о первыхъ годахъ жизни Виссаріона въ Италіи. Съ той поры составъ Виссаріоновой академіи или его ученаго кружка неоднократно измѣнялся: одни уходили, другіе являлись на ихъ мѣсто. Въ хронологической постепенности перечислить всѣхъ гуманистовъ, въ разное время входившихъ въ составъ ученаго кружка Виссаріона, весьма затруднительно и едва ли даже возможно. Но можно составить хотя и не полный, списокъ болѣе выдающихся лицъ, вообще и когда бы то ни было примыкавшихъ къ академіи Виссаріона. Вотъ эти лица: изъ грековъ — Теодоръ Газа, Георгій Трапезунтскій, Андроникъ Каллистъ, Михаилъ Апостолий, Іовннъ Аргирогуль; изъ латинянъ — Валла, Поджіо, Бюндо, Филельфо, Домиціо Кальдерини, Николо Перотти, Платина, Кампани, Волатерранъ, Галти, Валерій Витербійскій ²⁾. Въ ученыхъ беседахъ и преніяхъ съ этими и другими гуманистами проводилъ Виссаріонъ значительную часть свободнаго отъ официальныхъ занятій времени ³⁾; имъ же по преимуществу оказывалъ

¹⁾ Plerosque iuvenes alit, et ut discant praesceptoribus abunde persolvens, говоритъ о Виссаріонѣ другой его современникъ (Migne, col. XCIV).

²⁾ Многие изъ приведенныхъ именъ уже встрѣчались намъ выше. См. также Платину у Мина, col. CXV; Pauli Iovii Elogia virorum illustrium, pag. 43—44; Boegneri De doctis hominibus graecis, pag. 63; Bandini у Мияя, col. XIV; Наске, р. 47; Vast, р. 307—309. Вообще у Виссаріона сходился люди весьма разнообразныхъ профессій. Здѣсь были даже лица, которыя, по выраженію Платины, mathematica optime teneant (col. CXV). Нужно замѣтить, что къ математикѣ и сроднымъ съ нею наукамъ Виссаріонъ былъ весьма неравнодушенъ, какъ это видно напримѣръ изъ значительнаго количества математическихъ сочиненій въ его библіотекѣ и изъ его отношеній къ Региомонтану.

³⁾ У Павла Кортесія (въ латинской формѣ Paulus Cortesius), который самъ былъ почти современникомъ Виссаріона (онъ родился въ 1465 году) и свой De hominibus doctis dialogus (Flor., 1734) писалъ вообще подѣ-

онъ тѣ или другія, матеріальныя или нравственныя услуги¹⁾.
Нужно ли говорить, какъ много способствовало подъему научнаго духа и ученыхъ стремленій въ Римѣ такое отношеніе Виссаріона къ гуманистамъ?

Но Виссаріонъ, сумѣвшій сгруппировать вокругъ себя ученый кружокъ гуманистовъ и при папахъ Піѣ II и Павлѣ II сдѣлать его средоточіемъ литературнаго движенія и литературной дѣятельности въ Римѣ, будиль и поддерживать ученые стремленія и въ другихъ мѣстахъ, вромѣ Рима, будучи, вѣроятно, его обязанности службы. Такъ, будучи легатомъ въ Болоньѣ, онъ оказывалъ величайшія услуги мѣстному университету. Этотъ университетъ, нѣкогда процвѣтавшій²⁾, въ XV вѣкѣ было близокъ къ паденію. Виссаріонъ, какъ свидѣтельствуеъ Платина, возобновилъ университетскія зданія, пересмотрѣлъ его статуты и привлекъ въ него профессоровъ. Крімъ того и въ самихъ учащихся онъ поддерживалъ рвеніе къ научнымъ занятіямъ, частію совѣтами, частію доставленіемъ матеріальныхъ средствъ къ жизни³⁾.

Свою гуманистическую дѣятельность, разныя проявленія которой мы доселѣ разсматривали, Виссаріонъ увѣнчалъ тѣмъ распоряженіемъ, которое онъ сдѣлалъ по отношенію къ своей библіотекѣ, сдѣлавъ ее общественною.

впечатлѣніемъ разсказа о каждомъ ученѣйшемъ Антоніѣ, читаемъ о Виссаріонѣ слѣдующее (pag. 42): Bessarionis domus quasi nutrix quaedam fuit bonum magnarum artium. Disputabant fertiliti homines toto die maximis de rebus. Ipse grandis natus in utramque partem cum refellendo, tum probando respondebat. Nec enim tanta mens, nec tanta vis ingenii quotidianis questibus satiare poterat; legebat ipse multum, scribebat, meditabatur. Опisanъ также свидѣтельство Платины, напримѣръ на col. CXV въ CLXI томѣ Мigne.

¹⁾ О Виссаріоновой благотворительности въ "тѣсной" и "обыкновенномъ" смыслѣ слова говорить, между прочимъ, Платина (col. CXV—CXVI): miseratus Graecorum calamitatem, multa nummum millia aureorum pro redimendis captivis expendit; puellas multas inopia parentum marito carentes aere proprio dote facta nuptui collocat; inopes et valetudinarios continuo iuvat. См. также Насккe, pag. 46.

²⁾ См. Vast, p. 186.

³⁾ Въ Болоньѣ, разсказываетъ Платина, Виссаріонъ nititur gymnasium vetustissimum negligentia et seditionibus civium pene intermissum et collapsum, non modo aedificiis, verum etiam institutis et melioribus salariis instaurare, ac restituit conductis, quamvis grandi pretio, liberalium disciplinarum doctoribus. Excitabat adolescentes ad studia bonarum artium, proposita praemii atque honoris spe; multos ob inopiam a studiis defecturos liberalitate et munificentia sua iuvat et instituto continuit (Migne, col. CIX). Справ. Vast, t. 187.

Идея общественных библиотек принадлежит Салютато ¹⁾. Первый осуществил ее Никколи. Къ своимъ книгамъ, собраннымъ съ величайшимъ трудомъ и пожертвованіями, онъ еще при жизни открылъ свободный доступъ всѣмъ, даже неизвѣстнымъ ему, лицамъ: Всякій, кто хотѣлъ читать или списывать что нибудь, безъ помѣхъ допускался въ его библиотечку, такъ что, по замѣчанію Поджіо, его домъ еще при его жизни считался какъ бы „нѣкоторой общественной библиотечкой“ ²⁾. Передъ смертію Никколи уже формально, по завѣщанію, отказалъ свою библиотечку въ пользу города ³⁾. Эта библиотечка, заключавшая въ себѣ свыше 800 томовъ ⁴⁾, была открыта въ 1444 году въ великолѣпномъ помѣщеніи при одномъ изъ флорентинскихъ монастырей, устроенномъ для нея Козмою Медичи. Такъ какъ послѣдній открылъ ее, значительно пополнилъ новыми книгами и привелъ въ порядокъ ⁵⁾, то эта библиотечка, первымъ основателемъ которой былъ собственно Никколи, получила названіе „общественной медичейской библиотечки“, подъ которымъ

¹⁾ Впрочемъ главное назначеніе общественныхъ библиотекъ Салютато видѣлъ не въ томъ, въ чемъ видятъ его теперь. По его мысли, нужно учреждать такія библиотечки собственно затѣмъ, чтобы предотвратить порчу текста древнихъ авторовъ. «Слѣдовало бы», писалъ онъ, «учредить общественныя библиотечки, въ которыхъ бы собрана была вся масса книгъ. Завѣдываніе этими библиотечками слѣдовало бы поручить болѣе свѣдущимъ людямъ, которые бы тщательнѣйшимъ образомъ пересматривали и сравнивали тексты и отдѣляли варианты». *V o i g t*, 202 по первому изданію.

²⁾ *P o g g i i* Opera, p. 271, въ «*oratio tertia in funere Nicolai Nicoli civis florentini*» (по базельскому изданію 1538 г.). Къ слову замѣтимъ, что такой же свободный доступъ открылъ Никколи и въ свой музей древностей. Нееген, II, 60.

³⁾ *P o g g i i* Opera, p. 276. Поджіо не знаетъ, какъ и хвалить этотъ поступокъ Никколи. «Очень много было на нашей памяти людей, которые владѣли и обширнымъ собраніемъ различныхъ книгъ, и громадными денежными средствами; но они болѣе увлекались своими частными выгодами, чѣмъ общенъ пользой. Фр. Петрарка, знаменитый поэтъ, имѣлъ огромное множество (*ingen-tem soriam*) книгъ; но, послѣ его смерти, всѣ онѣ были проданы и разошлись по разнымъ рукамъ. Людовикъ Марсилиецъ свои книги (а ихъ у него было очень много — *magnum vim librorum*) завѣщалъ библиотекѣ своего ордена (т. е. августинскаго, cf. pag. 271). Той же библиотекѣ отказалъ свои книги Д. Боккаччо. Библиотечку Колюччо, по числу книгъ почти равную библиотекѣ Никколи, его, Колюччо, дѣти продали» (pag. 277).

⁴⁾ *Ibid.*, p. 276.

⁵⁾ Эта честь принадлежитъ собственно Томасо Парентучелли, который былъ библиотечкаремъ этой библиотечки. Фойгтъ называетъ его «основателемъ библиотеческой науки» (S. 203).

она известна и до сихъ поръ ¹⁾. — Римъ также имѣлъ свою общественную библіотеку. Воспитаникъ дома Медичи, папа Николай V хотѣлъ быть для Рима тѣмъ же, чѣмъ былъ Козма для Флоренціи, и даже больше; Римъ, церковное средоточіе запада, онъ хотѣлъ сдѣлать центромъ художествъ и науки. Отсюда его необычайная страсть къ великолѣпнымъ постройкамъ, блескъ его двора, покровительство ученымъ и художникамъ; отсюда и его громадныя траты на розыскиванье, покупку и переписку сочиненій древнихъ, особенно римскихъ писателей, для составлявшейся имъ библіотеки. По мысли, безъ сомнѣнія, Николая V, эта библіотека была открыта для общаго пользованія при Сикстѣ IV.

Такъ же точно распорядился съ своей библіотекой и Виссаріонъ. Очень возможно, что при этомъ имѣли на него вліяніе вышеуказанные примѣры. Весьма возможно и то, что Виссаріона прельщала мысль—учрежденіемъ общественной библіотеки увѣковѣчить память о себѣ, перейти и въ потомство съ той же славой мецената, какой онъ пользовался при жизни. Виссаріонъ, человѣкъ безспорно весьма честолюбивый, не могъ не желать славы въ потомствѣ: такое желаніе коренилось въ самомъ его характерѣ. Но въ этомъ же характерѣ заключались основанія и для болѣе высшихъ побужденій, которыя также, и даже пожалуй по преимуществу, руководили имъ при указанномъ шагѣ. Въ теченіи всей своей жизни въ Италіи, Виссаріонъ является предъ нами человѣкомъ, въ которомъ свойственный каждому эгоизмъ въ значительной степени умѣрялся требованіями пользы другихъ. Достаточно указать на то, что свои значительные доходы онъ не тратилъ исключительно на себя, не тратилъ даже и на свое любимое дѣтище—библіотеку: онъ дѣлалъ немаловажныя траты и на другихъ. Затѣмъ, своими стараніями устроить походъ противъ турокъ и подать помощь Греціи, а также своими заботами о разнообразныхъ нуждахъ переселившихся въ Италію соотечественниковъ, Виссаріонъ показалъ, что это благо соотечественниковъ было дѣломъ весьма близкимъ его сердцу.

Въ виду указанныхъ обстоятельствъ само собою становится понятнымъ и то, какой городъ могъ избрать Виссаріонъ для помѣщенія своей библіотеки. Желая и послѣ своей кончины,

¹⁾ Тамъ же.

благодаря библиотекѣ, быть и слыть благодѣтелемъ и меценатомъ, онъ, конечно, всего лучше могъ достигнуть этой цѣли, передавъ библиотеку городу, еще не имѣвшему такихъ книгохранилицъ, какія имѣли Флоренція и Римъ. Съ другой стороны, желая свои книжныя сокровища сдѣлать полезными не только для латинянъ, но и для грековъ, Виссаріонъ при выборѣ города, естественно, долженъ былъ въ концѣ концовъ остановиться на томъ изъ нихъ, гдѣ наплывъ грековъ былъ по преимуществу великъ. Такимъ именно городомъ была Венеція. Здѣсь приставали всѣ греки, выселявшіеся или вообще прибывавшіе на западъ изъ своего отечества, что и понятно, если вспомнить, что Венеція преимущественно предъ всѣми другими западными городами находилась въ сношеніяхъ съ востокомъ, какъ вслѣдствіе своихъ торговыхъ дѣлъ вообще, такъ въ частности потому, что она еще не потеряла всѣхъ своихъ колоній на востокѣ. Въ виду этого Виссаріонъ, желавшій своей библиотекой оказать пользу не только латинянамъ, но и грекамъ, всего естественнѣе могъ остановиться на Венеціи. Но кромѣ такихъ соображеній, къ Венеціи влекли Виссаріона и его личныя симпатіи. Онъ долженъ былъ любить Венецію, потому что это былъ городъ, наиболѣе тѣсно связанный съ его предками, но все еще дорогимъ для него, отечествомъ, гдѣ его соотечественники находили первый пріютъ, гдѣ греческій языкъ былъ известнѣе болѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ мѣстѣ Италіи, гдѣ, наконецъ, самая архитектура зданій была византійская¹⁾. Какъ ни обжился Виссаріонъ въ Италіи, но онъ не могъ оставаться и не оставался равнодушнымъ къ тому, что напоминало объ его родинѣ. Съ другой стороны, съ Венеціей связалъ былъ Виссаріонъ и другими, уже чисто личными, отношеніями. Здѣсь впервые вступилъ онъ на почву Италіи, которая потомъ дала ему въ такомъ изобиліи все, что только могъ онъ желать. Здѣсь впервые познакомился онъ съ плодами тогдашней западноевропейской культуры, сильно, безъ сомнѣнія, поразившими его мысль и чувство²⁾. Первыя впечатлѣнія всегда живы и

¹⁾ Полагаемся на Васта, который говоритъ (р. 372), что въ Венеціи l'architecture était toute byzantine.

²⁾ Говоря такъ, основываемся на свидѣтельствѣ автора акта граеса (см. начало ихъ). Въ настоящемъ случаѣ все равно почта, Виссаріонъ или кто другой писалъ ихъ. Венеція должна была произвести на Виссаріона во всякомъ случаѣ не меньшее впечатлѣніе, чѣмъ на автора акта граеса.

живучи; не могли онѣ сгладиться и у Виссаріона. Затѣмъ и въ послѣдствіи Виссаріонъ имѣлъ случай вынести изъ Венеціи весьма пріятныя воспоминанія. Отправленный въ 1463 году, въ качествѣ легата, въ Венецію для привлеченія ея къ крестовому походу, онъ былъ встрѣченъ и принятъ ея дожемъ и сенатомъ съ величайшими почестями ¹⁾. И въ средѣ мѣстнаго духовенства онъ, повидимому, пользовался особеннымъ уваженіемъ и расположеніемъ. Это можно заключить, съ одной стороны, изъ того, что онъ вступилъ въ мѣстное братство св. Маріи и подарилъ этому братству весьма дорогую для него святыню ²⁾, съ другой — изъ того, что бенедиктинскому монастырю св. Григорія Великаго онъ, по первоначальному своему плану, отказалъ было всё свои греческіе кодексы. Такимъ образомъ весьма многія и, въ своей совокупности, очень сильныя побужденія заставляли Виссаріона пожертвовать свою библиотеку именно Венеціи ³⁾, и тѣмъ болѣе, что онъ, какъ замѣчено выше, уже завѣщаль коной греческіе кодексы монастырю св. Григорія Великаго въ той же Венеціи. Теперь, вслѣдствіе указанныхъ соображеній и подъ влияніемъ, вѣроятно, сожтовъ Мавроцено, венеціанскаго посланника при римскомъ дворѣ, Виссаріонъ нашелъ болѣе выгоднымъ передать въ Венецію всю свою библиотеку, да и не только греческіе кодексы ⁴⁾, и при томъ самому городу, а не одному частному

¹⁾ Bandini у Миня, col. XXXVIII; Vast, p. 268.

²⁾ См. диссертацию о ней, которую написалъ Schioppalaba (Venetiis, 1767); срав. Bandini у Миня, col. XXXVIII.

³⁾ Дѣло, впрочемъ, не обошлось при этомъ безъ колебаній. Анонимный современникъ Виссаріона писалъ (Migne, col. XCV): Bibliothecam grandem utriusque linguae est aut Romae, aut Florentiae, aut potius Venetiis ad usum publicum dimissurus.

⁴⁾ Правда, Платина въ своемъ известномъ панегирикѣ Виссаріону говорилъ, что Виссаріонъ пожертвовалъ Венеціи собственно греческую библиотеку: Bibliothecam Graecam, triginta millibus nummorum aureorum emptam Venetiis exstruxit, ne omnino litteratura Graeca deficeret. Vidit enim eam urbem propter vicinitatem et navigationem Graecis a barbaris vexatis esse percommodam. Orabit et hanc vestram civitatem Latina supellectile, si ei aliquandiu vivere licuerit (Migne, col. CXVI). Но Платина очевидно ошибался, потому что самъ Виссаріонъ, въ своемъ известномъ письмѣ къ дому и сенату венеціанскому, прямо говорилъ: omnes libros meos utriusque linguae sacratissime sedi beati Marci vestrae inclutae civitatis dono, dedi atque dicavi (ibid., col. 702 D). Замѣтимъ при этомъ, что латинская библиотека Виссаріона, въ сравненіи съ греческою, была вѣроятно довольно незначительна: «cardinalis graecus», какъ между прочимъ звали Виссаріона его современники (Bandini, col. XVIII), сдѣлалъ

учрежденію въ немъ—монастырю. Въмѣстѣ съ тѣмъ, чувствуя слабость своихъ силъ и желая еще при жизни, на своихъ глазахъ, окончательно устроить судьбу своей библіотеки, Виссаріонъ принялъ мѣры къ немедленной передачѣ книгъ Венеціанской республикѣ. Съ согласія папы, взявъ назадъ свое прежнее обѣщаніе, онъ составилъ новую дарственную запись, по смыслу которой въ собственность Венеціи переходила не только вся его наличная библіотека, но и всѣ тѣ книги, которыя будутъ имъ въ послѣдствіи пріобрѣтены. Въ 1469 году онъ отправилъ въ Венецію и самую библіотеку.

Мечта Виссаріона объ общедоступности и общепользности своей библіотеки въ Венеціи неосуществилась, повидимому, ни при его жизни, ни въ ближайшее послѣ его смерти время, не смотря на обѣщанія венеціанскаго дожа и сената ¹⁾. Лишь отдѣльныя лица пользовались сначала его драгоценными собраниями, хотя, правда, между этими лицами былъ и извѣстный Альдъ Мануцій, посредствомъ своихъ изданій сдѣлавшій общедоступными многія рѣдкости Виссаріоновой библіотеки. Съ другой стороны, и помѣщеніе для библіотеки, а равно и надзоръ за сохранностью ея долго оставляли желать многого ²⁾. Только столѣтіе спустя, именно въ 1574 году, библіотека Виссаріона получила надлежащее помѣщеніе и устройство.

своею спеціальною собираніемъ собственно греческихъ книгъ. Прибавимъ еще, что его латинскія богослужебныя книги, по завѣщанію, перешли къ напелгъ свв. Михаила Архангела, Іоанна Крестителя и Евгенія въ храмъ св. Апостоловъ (Migne, col. LXXVII sqq.).

¹⁾ См. выдержку изъ отвѣтнаго письма ихъ къ Виссаріону у Бернера, стр. 66.

²⁾ Воегнерус, р. 68; Vast, р. 376.